A-02

Проверено 1964 г.

-- МАЙ 2008

1538

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1874

ГОДЪ ШЕСТЫЙ

ЯНВАРЬ и ФЕВРАЛЬ

Проверено 1940 г.

МОСКВА.
Типография Московскаго Университета (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1873.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ВЪ 1874 ГОДУ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ЖУРНАЛА

„ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Юридическое Общество, для достиженія цѣли указанной уставомъ его, будетъ продолжать изданіе „**Юридическаго Вѣстника**“ и въ 1874 году, въ предѣлахъ прежней программы, состоящей изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ разнымъ частямъ права, преимущественно же гражданскаго и уголовнаго, въ томъ числѣ и судопроизводства. Сюда будутъ относиться какъ оригинальныя, такъ и переводныя статьи.

II. Судебная практика въ которой предполагается помѣщать важнѣйшія судебныя рѣшенія, сопровождая ихъ практическимъ разборомъ.

III. Критика и библіографія замѣчательнѣйшихъ юридическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

IV. Разныя извѣстія. Замѣтки. Корреспонденція **Вѣстника**.

Интересъ къ „**Юридическому Вѣстнику**“ увеличится и помѣщеніемъ въ немъ отчетовъ о ходѣ какъ подготовительныхъ работъ по устройству назначеннаго въ 1874 году съѣзда русскихъ юристовъ въ Москвѣ, такъ и занятій этого послѣдняго.

„**Юридическій Вѣстникъ**“ съ 1-го января 1874 года будетъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 5 руб., съ пересылкою 6 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ въ Редакціи **Юридическаго Вѣстника**, на Малой Бронной въ домѣ Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева** на Страстномъ бульварѣ, **И. П. Анисимова**, на Никольской улицѣ; **А. И. Глазунова**, на Кузнецкомъ мосту и **А. Л. Васильева**, на Страстномъ бульварѣ.

Въ С.-Петербургѣ; въ книжномъ магазинѣ **И. П. Анисимова**, рядомъ съ Императорской Публичной библіотекой.

Редакторы: **Н. В. Лешковъ.**
А. М. Фальковскій.

О

ПРЕДСТОЯЩЕМЪ СЪѢЗДѢ РУССКИХЪ ЮРИСТОВЪ

ВЪ МОСКВѢ.

Вслѣдствіе ходатайства Московскаго Юридическаго Общества о разрѣшеніи періодическихъ съѣздовъ русскихъ юристовъ, Г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, согласно съ мнѣніемъ Г. Министра Юстиціи, разрѣшилъ Обществу, сначала въ видѣ опыта, устроить только одинъ съѣздъ съ тѣмъ, чтобы на послѣдующіе съѣзды испрашивалось каждый разъ разрѣшеніе правительства и чтобы программа занятій каждаго съѣзда была предварительно представлена въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для утвержденія, по надлежащемъ сношеніи объ оной съ Министерствомъ Юстиціи.

Разрѣшенный правительствомъ первый съѣздъ предполагается устроить на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Цѣль съѣзда заключается въ образованіи собранія для личнаго сближенія русскихъ юристовъ и для живаго между ними обмѣна мнѣній по вопросамъ уголовнаго, торговаго и гражданскаго права, судоустройства, уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и тюремнаго дѣла и наконецъ для содѣйствія къ однообразному пониманію и примѣненію права.

2) Членами съѣзда могутъ быть:

а) Сенаторы Кассаціонныхъ и судебныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, Оберъ-Прокуроры и товарищи ихъ.

б) Судьи, прокуроры, судебные слѣдователи, присяжные повѣренные и нотаріусы.

и в) Члены академіи наукъ, профессоры и преподаватели юридическихъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, члены Юридическаго Общества и вообще лица, получившія высшее юридическое образованіе.

3) Желающіе поступить въ члены съѣзда приглашаются письменно заявить объ этомъ Юридическому Обществу отъ котораго и получаютъ членскіе билеты, уполномочивающіе на участіе въ совѣщаніяхъ и постановленіяхъ съѣзда.

4) Для болѣе удобнаго распредѣленія занятій съѣздъ раздѣляется на отдѣленія:

а) Уголовнаго права и тюремнаго дѣла.

б) Гражданскаго и торговаго права.

в) Судоустройства и уголовнаго судопроизводства.

и г) Гражданскаго судопроизводства и нотаріальной части.

5) Порядокъ внутренняго устройства отдѣленій съѣзда и общаго собранія ихъ, а также совѣщаній будутъ опубликованы по утвержденіи программы занятій съѣзда.

Для составленія же требуемой правительствомъ программы Юридическое Общество постановило: обратиться ко всѣмъ русскимъ юристамъ, сочувствующимъ предполагаемому устройству съѣзда, съ покорнѣйшею просьбою о доставленіи къ 1 Мая 1874 года, въ Общество, ихъ мотивированныхъ предложеній по вышеупомянутымъ отдѣламъ права.

Съѣздъ предполагается имѣть въ Москвѣ въ зданіи Университета, 28, 29, 30 и 31 Декабря 1874 года.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

12 ноября 1873 г.

Aussi ancienne que la magistrature, aussi nécessaire que la justice.

D'Aguesseau.

Юридическое Общество имѣло обсужденіе по вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ М. П. Соловьевымъ, что болѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ правосудія: свободная ли адвокатура, или установляемая въ видѣ привиллегированной корпораціи?

М. П. Соловьевъ. Вопросъ о томъ, должна ли остаться нынѣ существующая безграничная свобода судебнаго представительства, или наступило уже время ограничить судебное представительство тѣми нормами, которыя установлены въ судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 года, вопросъ, рѣшеніе коего обусловлено прежде всего тѣмъ, какая форма судебнаго представительства изъ указанныхъ нами наиболѣе соотвѣтствуетъ интересамъ правосудія и принятой формѣ процесса—принадлежитъ къ числу самыхъ живыхъ общественно-юридическихъ вопросовъ. Всестороннее разсмотрѣніе его, какъ съ точки зрѣнія положительнаго права, такъ и съ общенаучной, безъ сомнѣнія, въ высшей степени важно какъ для спеціалистовъ, такъ и для всего русскаго общества. Для

юристовъ и не юристовъ важно опредѣлить тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ наблюденій надъ современнымъ экспериментальнымъ положеніемъ русской адвокатуры. Благодаря широкой постановкѣ вопроса, фактъ, право и наука являются матеріалами для изслѣдованія настоящаго вопроса, подлежащими свободному и разностороннему изслѣдованію, и результаты этого изслѣдованія могутъ быть выражены въ той общей формѣ, которая такъ желательна при разрѣшеніи общихъ вопросовъ.

Вопросъ, предложенный на обсужденіе Юрид. Общества, имѣетъ кромѣ того, интересъ насущнаго вопроса по тому практическому значенію, которое онъ получилъ въ послѣднее время для московской адвокатуры. Не безъизвѣстно многоуважаемому собранію, что совѣты присяжныхъ повѣренныхъ округовъ Петербургской и Московской Судебныхъ Палатъ представили порядкомъ, указаннымъ въ законѣ, о своевременности признанія наличнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ при этихъ судебныхъ палатахъ достаточнымъ. Въ 1864 году законъ предрѣшилъ уже возбужденный нами вопросъ, установивъ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ какъ нормальную форму русской адвокатуры. До этого же времени существовала неограниченная свобода въ назначеніи повѣренныхъ по дѣламъ судебнымъ. Но осуществленіе этой нормальной формы законъ предоставилъ усмотрѣнію судебной администраціи. Не подлежитъ сомнѣнію, что это усмотрѣніе обусловливается разумными соображеніями, основанными на всестороннемъ изученіи фактовъ, что прекращеніе нынѣшняго временнаго положенія, когда съ одной стороны существуетъ прежняя система свободнаго избранія въ дѣлѣ судебнаго представительства, а съ другой корпорація, учрежденная закономъ, или продолженіе ея зависитъ отъ двухъ причинъ: полезно ли для интересовъ правосудія и для частныхъ лицъ полная свобода судебнаго представительства, достаточно ли для правильнаго отправленія правосудія наличныхъ силъ Петербургской и Московской корпорацій? Обсужденіе этихъ вопросовъ совершенно доступно нашему обществу, считающему въ числѣ своихъ сочленовъ, почтившихъ насто-

ящее собраніе своимъ присутствіемъ, лицъ посвятившихъ себя наукѣ, магистратурѣ и адвокатурѣ, какъ частной такъ и установленной уставомъ 20 ноября 1864. Предлагая его на рѣшеніе Обществу, считающему въ числѣ своихъ членовъ лучшія юридическія силы г. Москвы мы руководились надеждой, что представители науки, юристы-практики и присяжные повѣренные, освѣтивъ вопросъ съ тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя установились у нихъ вслѣдствіе ихъ профессіональныхъ занятій, помогутъ установиться безпристрастному воззрѣнію на это дѣло, чуждому исключительно сословнымъ, интересамъ, согласному съ тѣми требованіями, которыя можно предъявить къ судебному представительству, исходя изъ данныхъ исторіи этого явленія и изъ интересовъ общества, нуждающагося въ представителяхъ юристахъ.

По установившемуся обычаю, членъ Юрид. Общества, предлагающій на обсужденіе вопросъ, обязанъ представить его съ изложеніемъ тѣхъ мотивовъ, на коихъ онъ основываетъ свое сужденіе, свой проектъ рѣшенія вопроса. Юристъ-практикъ, присяжный повѣренный, я не беру на себя смѣлости рѣшить вопросъ съ общеюридической точки зрѣнія; съ этой стороны я разсчитываю на помощь моихъ многоуважаемыхъ сочленовъ; я ограничусь лишь нѣсколькими замѣтками объ историческихъ формахъ адвокатуры на западѣ и судьбахъ судебнаго представительства у насъ въ Россіи и, главнымъ образомъ, остановлюсь на вопросѣ о своевременности примѣненія правилъ о судебномъ представительствѣ, изложенныхъ въ судебныхъ уставахъ, разрѣшая вопросъ въ пользу судебнаго представительства, организованнаго исключительно въ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ.

Адвокатура, говоритъ знаменитый d'Aguesseau, также стара, какъ магистратура, также необходима, какъ судъ. Съ того момента, какъ люди порѣшили рѣшеніе спорныхъ дѣлъ предоставлять третьимъ лицамъ, явилась потребность въ судебномъ представительствѣ сторонъ, не могущихъ почему бы то ни было лично вести споръ къ рѣшенію. Но у народовъ античнаго міра долгое время, а у насъ до послѣдняго времени судебное представительство могло поручаться безраз-

лично всѣмъ гражданамъ дѣеспособнымъ. Адвокаты не составляли отдѣльнаго класса въ обществѣ, не были организованы въ сословіе.

Прежде всего положеніе адвокатуры опредѣлилось въ Римѣ.

Въ древнѣйшее время сторонамъ предоставлено было или лично дѣйствовать на судѣ, или при посредствѣ повѣреннаго. Лица, которымъ было предоставлено право дѣйствовать на судѣ, означались въ преторскомъ эдиктѣ. Однимъ преторъ совершенно воспрещалъ судебныя дѣйствія (postulare), таковыми были minores decem et septem annis и глухіе, послѣдніе были обязаны имѣть при себѣ отвѣтчика за себя; другимъ предоставлялось право дѣйствовать на судѣ лишь за себя, но не за другихъ: женщины, слѣпые, нѣкоторые infames; наконецъ третьи могли являться за себя и представителями лишь за опредѣленныхъ въ эдиктѣ лицъ, съ которыми они состояли въ особенныхъ нравственныхъ отношеніяхъ, таковыми были всѣ infames вообще.

По своей судебной дѣятельности, представители сторонъ распадались на два разряда: одни, не вступая сами въ судебныя дѣйствія, лишь сопровождали стороны на судъ и помогали имъ своими юридическими совѣтами, advocati; другіе же являлись въ судъ, чтобы говорить за своихъ довѣрителей, заявлять требованія и оспаривать заявленія противниковъ: oratores, patroni. Въ третьемъ періодѣ юридическесской исторіи Рима прежнее значеніе адвокатовъ исчезло; выраженія advocatus, causidicus, patronus сдѣлались однозначущими: всѣ они являлись и говорили на судѣ, при содѣйствіи тк. наз. прагматиковъ, свѣдущихъ дѣльцовъ, которые въ этомъ отношеніи замѣнили адвокатовъ; изъ массы же юристовъ выдѣлились jurisconsulti, пользующіеся особымъ уваженіемъ за свою предшедшую дѣятельность. Эти лица въ судахъ не ходатайствовали, но по спорнымъ вопросамъ давали письменныя заключенія.

За судоговореніе Lex Cincia (550) вознагражденіе патроновъ воспрещалось: ne quis ob causam orandam pecuniam donum ve accipiat. Республика открывала широкую полити-

ческую карьеру даровитымъ ораторамъ-законовѣдамъ и ораторское поприще, выгодное само по себѣ, не могло, по закону, обращаться въ наживное занятіе. При императорахъ положеніе ораторовъ измѣнилось. Запретительный законъ былъ отмѣненъ и опредѣленъ былъ maximum гонорарія, 10 т. сестерцій или 100 золотыхъ. Въ предѣлахъ гонарарія судьѣ было предоставлено опредѣлять количество вознагражденія, соображаясь съ родомъ дѣла, способностью адвоката и его опытностью въ судебномъ дѣлѣ.

Съ новыми процессуальными формами, введенными окончательно при Діоклетіанѣ, измѣнилось и положеніе адвокатовъ. При каждомъ судѣ состояло опредѣленное, штатное число адвокатовъ, называвшихся juris periti, scholastici, viri dissertissimi. При разныхъ степеняхъ суда число было различно: при praeses provinciae было тридцать, при praefectus praetorio 100—150 адвокатовъ. Штатные (statuti) адвокаты составляли корпорацію, и повышались постепенно до степено advocatus fisci, которая открывала дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Внѣ корпораціи стояли сверхштатные адвокаты (supernumeratii) которые вступали на вакантныя мѣста въ корпорацію. Въ званіи адвоката утверждалъ судья. Условія для вступленія въ корпорацію остались частію прежнія, означенныя въ преторскомъ эдиктѣ de-postulando, 2 частію были установлены новыя, именно требовалось, чтобы кандидатъ удостовѣрилъ окончаніе курса юридическихъ наукъ и чтобы преподаватели подтвердили подъ присягой, что ученикъ ихъ дѣйствительно усвоилъ себѣ необходимыя юридическія познанія. Угасающая мудрость Рима проявлятся осязательно въ этомъ требованіи закона. (Cod. II, 7. de advocatis divers. judiciar.). Гонораріи опредѣлены закономъ, назначающимъ maximum за отдѣльныя судебныя дѣйствія и за судебныя дѣйствія въ продолженіе цѣлаго процесса. Обязанности адвокатовъ состояли единственно въ устной защитѣ, письменная часть дѣла лежала на обязанности дьяковъ, стряпчихъ (tabelliones, forenses, pragmatici).

Въ такой формѣ римская адвокатура дожила до паденія

римскаго государства. Нѣтъ сомнѣнія, что пока держались остатки римской судебной организаціи въ городахъ, охваченныхъ наплывомъ германскихъ варваровъ, удерживалась и корпорація адвокатовъ. Ранѣе прочихъ странъ, подъ вліяніемъ римскаго права, сословіе адвокатовъ сложилось во Франціи. Съ тринадцатаго вѣка постоянно встрѣчаются лица, которыя, судя по ихъ названіяхъ: emparlier, conteurs, стоятъ въ родовой связи съ древними patroni или viri dissertissimi. Почетное положеніе ихъ въ то желѣзное время, явствуетъ изъ другаго ихъ наименованія— chevaliers de loi. Они пользовались свободой отъ податей и личныхъ повинностей. Пять лѣтъ судебной практики давали адвокату право на возведеніе въ дворянское достоинство. Особеннымъ почетомъ пользовались адвокаты при парламентѣ. Но уже съ 1344 г. установлены были строгія условія для принятія въ адвокаты, гарантирующія ихъ знаніе и нравственныя качества. Королевскими постановленіями развита и утверждена была всегдашняя корпоративная организація сословія и въ этой формѣ французская адвокатура существовала до революціи. Учредительное собраніе декретомъ 2 сентября 1790 г., уничтожило корпораціи адвокатовъ вмѣстѣ съ прочими привилегированными сословіями. Представительство отдѣльныхъ общественныхъ интересовъ, храненіе ихъ въ корпораціи людей, которымъ они общи, казалось несовмѣстимымъ съ народнымъ самодержавіемъ, воплощеннымъ въ собраніи, самодержавіемъ, которое такъ скоро и удобно воплотилось въ Наполеонѣ. Слѣдующимъ дскретомъ 15 сентября 1790 года учреждены были частные повѣренные (mandataires), названные hommes de loi, défenseurs officieux, неподчиненные никакимъ условіямъ. Послѣдствія установленія юридическаго промысла вызвали то, что нѣсколько старыхъ адвокатовъ образовали въ Парижѣ общество подъ названіемъ avocats du Marais, которое послужило ядромъ для возсозданія сословія. Законъ 22 вентоза XII года возстановилъ сословіе, а декретомъ 14 сентября 1810 года ему дана была организація, согласованная съ новымъ законодательствомъ.

Законъ 14 сентября 1810 г., дополненный въ 1822, 30

и 52 годахъ, опредѣляетъ организацію сословія слѣдующимъ образомъ.

Во главѣ корпораціи стоитъ batonnier, избираемый на годъ Совѣтомъ. Членами совѣта могутъ быть избраны лишь адвокаты, причисленные къ сословію неменѣе 10 лѣтъ (въ Парижѣ) и 5 лѣтъ въ провинціи. Совѣтъ охраняетъ интересы сословія и входитъ съ представленіемъ къ Министру Юстиціи и генералъ прокурору, наблюдаетъ за дѣятельностью avocats stagiaires и составляетъ списокъ ежегоднаго состава адвокатовъ.

Чтобы быть вписаннымъ въ таблицу требуется трехлѣтнее пребываніе при одномъ и томъ же судѣ въ качествѣ avocat stagiaire, и спеціальное образованіе. Къ stage допускаются французы юристы, кандидаты университетъ, неиначе какъ по рекомендаціи адвокатовъ и по заключеніи прокурора. Stagiaire обязанъ посѣщать судъ и conférences. Это практическая школа, которую пройти обязательно для каждаго avocat stagiaire. Трехлѣтній срокъ можетъ быть продолженъ совѣтомъ изъ дисциплинарныхъ соображеній. Затѣмъ stagiaire пользуется, за незначительными исключеніями, тѣми же правами ходатайствовать въ судѣ какъ и настоящій адвокатъ.

Пройдя stage, адвокатъ можетъ требовать включенія въ Tableau.

Въ этомъ случаѣ безусловно имѣетъ примѣненіе правило: l'ordre est maître de son tableau.—Замѣчательно и достойно подражанія, что нетолько служебныя отношенія къ правительству, но частныя занятія могутъ быть препятствіемъ къ вступленію въ корпорацію: такъ напримѣръ les agreés, агенты, судебные пристава никогда немогутъ войти въ сословіе; негоціанты, директоры промышленныхъ обществъ, чиновники на службѣ—на время ихъ занятій не могутъ также войти въ корпорацію, впрочемъ послѣднее не проведено съ тою послѣдовательностью, какъ у насъ.

Дисциплинарныя права совѣта тѣже, что у насъ. Замѣчательно, что всѣ взысканія, налагаемыя совѣтомъ, могутъ быть опротестованы генер. прокуроромъ, тогда какъ подвергшійся взысканію адвокатъ можетъ обжаловать постановле-

ніе совѣта въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и у насъ. Послѣдовательное развитіе начала l'ordre est maître de son tableau даетъ адвокату, исключенному совѣтомъ изъ tableau, право просить о причисленіи къ корпораціи при другомъ судѣ. Кромѣ совѣта, дисциплинарной властью пользуются, во время засѣданіи, палаты и трибуналы.

Въ числѣ обязанностей, лежащихъ на адвокатахъ мы отмѣтимъ, что адвокатъ не имѣетъ права судебнымъ порядкомъ искать свой гонорарій подъ опасеніемъ исключенія, хотя право признано закономъ. Онъ не имѣетъ права пріобрѣтать права̀, споръ о коихъ производится въ судѣ, при которомъ онъ состоитъ. Обычай воспрещаетъ ему pactum de quotalitis, т. е. вступать съ кліентомъ въ договоръ объ уступкѣ извѣстной доли въ выигрышѣ процесса. По назначенію суда или трибунала адвокатъ обязанъ ex officio вести гражданскія и уголовныя дѣла и не можетъ принять за эти дѣла гонорарія, хотя бы ему и былъ такой предложенъ.

Весьма важны и права адвокатовъ. Только они могутъ быть представителями сторонъ въ палатахъ и судахъ. Допущенныя изъятія случаются крайне рѣдко. Судъ ex officio требуетъ письменныя заключенія старшихъ адвокатовъ по нѣкоторымъ общиннымъ дѣламъ. При недостаткѣ членовъ для открытія засѣданія въ палатѣ или судѣ приглашаются адвокаты въ порядкѣ старшинства.

Мы позволили себѣ нѣсколько подробностей о французской адвокатурѣ въ виду того, что ея устройство было принято за образецъ при учрежденіи сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Блестящая дѣятельность французскихъ адвокатовъ и ихъ высокое общественное положеніе достаточно оправдываютъ выборъ нормы, которая даетъ просторъ такому завидному развитію силъ. Французская адвокатура выросла на старой римской почвѣ, въ корпоративной формѣ, слагавшейся въ теченіе столѣтій при дѣятельной поддержкѣ правительства, при содѣйствіи суда, который всегда во Франціи смотрѣлъ на адвокатуру, какъ на родственницу, какъ на необходимый, наравнѣ съ судомъ, органъ правосудія. Они не мѣрялись правами, хотя были однолѣтки. Адвокатскій го-

нораръ не былъ предметомъ зависти, хотя содержаніе французскихъ судей очень скромно. Французская магистратура, несмотря на Наполеоновъ, всегда съ умѣла сохранить свое высокое положеніе въ обществѣ, а общество, въ лицѣ литературы, всегда относилось къ ней съ заслуженнымъ почтеніемъ.

Почтеніе же было заслужено тѣмъ безпристрастіемъ и уваженіемъ къ закону, тѣмъ высокимъ юридическимъ образованіемъ, которыми издавна славилась французская магистратура, тѣмъ спокойнымъ сознаніемъ пріобрѣтенныхъ правъ, тѣмъ своего рода историческимъ аристократизмомъ, который отличаетъ равномѣрно и магистратуру и равную ей по историческимъ заслугамъ французскую адвокатуру.

Въ Англіи адвокатура, еще болѣе независимая чѣмъ во Франціи, возникла безъ всякаго содѣйствія правительственныхъ властей, сложившись, однако, какъ и все въ этой странѣ общественной дѣятельности по преимуществу,—въ корпоративную форму.

Какъ у насъ, каждый англичанинъ можетъ лично искать и отвѣчать въ судѣ. Этимъ правомъ, однако, въ Англіи не пользуются и процессъ ведется тамъ всегда чрезъ посредство юристовъ—представителей, носящихъ, смотря по своей спеціальности-различныя наименованія.

Сословіе собственно адвокатовъ въ Англіи формируется исключительно въ своей средѣ. Съ незапамятныхъ временъ въ Лондонѣ существовали 4 корпораціи Lincoln's Inn, Gray's inn, Midle templ', inner Tempels sinn. Каждый изъ этихъ inns of court управляется своими старшинами (benchers), которымъ принадлежитъ право допустить или отвергнуть новаго члена въ корпорацію, но ихъ рѣшеніе можетъ быть обжаловано королевскимъ судьямъ, которые носятъ въ этомъ случаѣ наименованіе визитаторовъ корпорацій. Случаевъ отказа въ принятіи, однако, почти никогда не бываетъ.

Спеціально юридическое образованіе получается въ этихъ коллегіяхъ, которыя уже съ XIV вѣка, какъ хранительницы земскаго права Англіи, получили названіе юридическихъ университетовъ. Доступъ въ коллегіи открытъ каждому, могущему заплатить за слушаніе лекцій. Выборный глава inn'a

составляетъ планъ чтеній и программу практическихъ занятій. Изученіе права состоитъ въ чисто механическомъ заучиваніи основныхъ началъ права и важнѣйшихъ судебныхъ рѣшеній (precedents). Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ англійскомъ обученіи, программа менѣе обѣщаетъ, нежели даетъ. Чтеніе образцовыхъ сочиненій и широкое развитіе общественности въ дѣловой жизни проникнутое, какъ у римлянъ, какъ у каждаго свободнаго народа, элементомъ права и законности, съ избыткомъ восполняютъ отсутствіе нѣмецко-систематической полноты юридическаго образованія. Результаты преподаванія и самостоятельнаго изученія повѣряются на коллегіальныхъ обѣдахъ. Это похоже натѣ вечернія собранія, которыми нѣмецкіе профессора прерываютъ свои privatissima. 36 такихъ обязательны въ теченіе курса англійскихъ студентовъ. Теоретическій курсъ продолжается не менѣе 2 и не болѣе 5 лѣтъ. Онъ оканчивается экзаменомъ, въ сущности чисто формальнымъ. За тѣмъ кандидатъ вноситъ извѣстную сумму денегъ и принимается въ корпорацію, какъ barrister at law.

Барристеръ, или по болѣе общему названію, совѣтники (councels), и составляютъ собственно сословіе адвокатовъ, имѣющихъ право ходатайствовать во всѣхъ судахъ. Почетнѣйшихъ членовъ своихъ корпорація удостоиваетъ званія sergeant at law, для полученія котораго необходимо быть барристеромъ въ теченіи 7 лѣтъ (въ XV вѣкѣ требовалось 16 лѣтъ). Съ какой разборчивостью дается это званіе видно изъ того, что въ въ 1867 году изъ 4089 совѣтниковъ (councels) было только 28 сарджентовъ. Исключительно изъ этого тѣснаго кружка назначаются всѣ государственные судьи и королевскіе совѣтники (queen's councels). Всѣ councels составляютъ тѣсную корпорацію, пользующуюся общимъ уваженіемъ. Обычай, выросшій въ теченіе вѣковъ, замѣняетъ бумажную регламентацію. Требованіе гонорарія считается неприличнымъ и такихъ примѣровъ не бываетъ. Самый вопросъ о гонорарѣ никогда не разрѣшается непосредственно между кліентомъ и совѣтникомъ, такъ какъ свое полномочіе совѣтники получаютъ не отъ тяжущихся, а отъ атторнеевъ, стряпчихъ-нотаріусовъ.

Изъ предшедшаго очерка мы видимъ, что въ западной Европѣ адвокатура возникала самостоятельно изъ общества; что въ силу обстоятельствъ она замыкалась въ строгую корпорацію испытанныхъ юристовъ, слагавшуюся или при непосредственномъ воздѣйствіи правительства, какъ въ Римѣ или во Франціи, или получавшую свой обликъ путемъ вѣковаго обычая какъ въ Англіи Корпорація вызывалась въ жизни необходимостью нравственнаго контроля надъ адвокатами въ интересахъ общества и справедливости. Въ Римѣ и Англіи каждый имѣетъ право дѣйствовать за себя въ судѣ, но представителями сторонъ могутъ быть только лица, коихъ знаніе и нравственныя качества гарантируются принадлежностью къ корпораціи. Недостаточно въ этомъ отношеніи одно свидѣтельство государственнаго суда. Судъ, какъ государство долженъ дѣйствовать лишь на точномъ основаніи закона, но non omne quod licet honestum est. Въ нравственной сферѣ судъ не компетентенъ. Нравственная оцѣнка принадлежитъ обществу, а такъ какъ обществу не возможно заняться нравственной оцѣнкой каждаго изъ судебныхъ повѣренныхъ, то самой силой вещей, въ интересахъ общества, оцѣнка нравственныхъ качествъ сосредоточивается въ средѣ самаго сословія адвокатовъ. Дѣятельность сословія и образуетъ ту традицію, которая констатируетъ требованія общества отъ представителей частныхъ интересовъ на судѣ, выходящія за предѣлы формальнаго закона, на столько же необходимыя для правосудія, какъ необходимо, чтобы самъ законъ былъ живой силой, а не оставался абстрактнымъ началомъ, молохомъ живущимъ лишь для себя. Довѣріе общества къ учрежденію, созданному закономъ въ интересахъ общества, не можетъ быть установлено одними формальными условіями экзамена и присяги: оно привлекается главнымъ образомъ нравственнымъ характеромъ лица, но создать нравственный характеръ законъ, осуществляющій одну формальную правду не въ состояніи и не берется. Эти главныя качества выработываются лишь духомъ корпораціи. Но корпоративное единомысліе по вопросамъ нравственности общественной возможно только тогда, когда корпорація станетъ живой и необходимой

общественной силой, когда явится необходимость духовнаго объединенія корпораціи. Дѣло въ томъ, что каждое законное учрежденіе, каждый законный принципъ лишь тогда получаетъ жизненное развитіе, когда онъ является неизбѣжнымъ, неотрицаемымъ и необходимымъ въ жизни общества, когда нельзя въ практической жизни ни обойти, ни измѣнить его. Это общія условія испытанія пригодности закона. Тоже самое можно сказать и объ учрежденіяхъ. Безсильны установленія новыя, когда рядомъ съ ними полноправно царитъ порядокъ, въ отмѣну котораго они учреждены, законодатель по принципу всегда стоитъ выше массы, для которой пишутся законы. Общественная рутина всегда, въ силу косности будетъ держаться проторенныхъ прежними порядками путей, а потому совершенно безцѣльно этимъ путемъ провѣрять достоинства новаго учрежденія: такая провѣрка дозволительна, по теоріи, лишь до реформы законодательства. Каждое учрежденіе получаетъ лишь тогда полное развитіе, когда оно необходимо для общества. Задача корпораціи адвокатовъ развить нравственную сторону учрежденія, главнѣйшую сторону дѣла. Эта задача осуществляется ея привиллегіей являться представителями сторонъ. Въ силу этой привиллегіи адвокатура на западѣ развилась въ одно изъ блистательнѣйшихъ явленій западно-европейской общественной и юридической жизни.

Обратимся къ исторіи судебнаго представительства въ Россіи. Слабость индивидуализаціи, отмѣтившая всю исторію русскаго быта, не дозволила и судебному представительству сложиться въ строго опредѣленныя формы. Какая то расплывчивость гнететъ и губитъ всѣ тѣ начатки, которые у насъ одинаковы съ другими странами Европы, но тамъ развились въ пышныя историческія формы, у насъ же остались въ неопредѣленномъ зародышномъ состояніи.

Съ эпохи судебниковъ въ нашихъ законодат. памятникахъ начинаютъ попадаться отрывочныя извѣстія о свободномъ

Желающихъ подробно ознакомиться съ исторіей нашего судебнаго представительства отсылаемъ къ прекрасному сочиненію Ѳ. М. Дмитріева: „Исторія Судебн. инстанцій.“

представительствѣ. Съ этого времени до послѣднихъ судебныхъ уставовъ, если исключить установленіе пр. стряпчихъ, при ком. судахъ, характеръ повѣренныхъ по дѣламъ гражданскимъ остается одинъ и тотъ же. Стороны имѣли неограниченное право избирать своими представителями кого угодно. Всякій дѣеспособный человѣкъ могъ являться въ качествѣ представителя тяжущихся. Формы процесса, подвигавшагося во мракѣ канцелярской тайны, не требовали какихъ либо спеціальныхъ качествъ, кромѣ развѣ изученія такихъ путей въ разрѣшеніи спорнаго дѣла, которые имѣли мало общаго съ процессуальными формами, установленными въ законѣ. Вслѣдствіе этого на юридическія способности повѣреннаго обращали мало вниманія, имъ не было возможности обнаружиться, а потому составъ повѣренныхъ отличался такой пестротой, которая была непреодолимымъ препятствіемъ къ образованію изъ этого класса людей чего-либо однороднаго и организованнаго. Кромѣ того внѣ правительственныхъ корпорацій съ постояннымъ преобладаніемъ единоличнаго начала надъ коллегіальнымъ, не было никакой возможности образовать самостоятельную корпорацію. Рядъ общественныхъ союзовъ, стоящихъ рядомъ съ администраціей съ своими правами и обязанностями, составляющихъ тѣ ячейки, въ коихъ образовалась европейская гражданственность, въ которой ясно хранится традиція общественныхъ правъ, которою мощны просвѣщенныя государства древняго міра и современнаго запада, у насъ признавался ненужнымъ, даже подозрительнымъ. Противъ всемогущаго государства стояло или лицо или безсильныя рѣдкія сословныя собранія и первое совершенно подавляло вторыя. Въ безграничномъ просторѣ слѣпаго повиновенія, сознаніе личныхъ правъ слабѣло и терялось: оно дѣлалось ненужнымъ при всеобъемлющей опекѣ правительства.

Государственная власть, въ полной вѣрѣ на достаточность своихъ силъ, относилась къ повѣреннымъ сторонъ неблагопріятно. Неподкупный, знающій законъ чиновничій судъ, подъ страхомъ наказаній, подъ многоярусным надзоромъ со всѣхъ сторонъ, долженъ былъ творить судъ и расправу такъ прямо, что дѣятельность сторонъ въ лицѣ спеціалистовъ повѣ-

ренныхъ была излишней роскошью. Не было необходимости создавать формы для лицъ, занимающихся хожденіемъ по дѣламъ. Съ другой стороны законодательные памятники начиная съ эпохи Судебниковъ живо рисуютъ темныя стороны вольной адвокатуры. Но тщетно свирѣпствовали противъ нихъ судебники, напрасно громилъ ихъ Петръ Великій: они сохранились до послѣдняго времени почти въ томъ же видѣ какъ и прежде. Такимъ образомъ господствующій до послѣдняго времени характеръ судебнаго представительства состоитъ въ полномъ отсутствіи какихъ либо спеціальныхъ условій для судебныхъ дѣйствій, въ полномъ произволѣ довѣрителей поручить дѣло кому угодно, способному принять довѣренность и подписать свое имя. Заслугъ, конечно, за такой адвокатурой не числится; противоположными качествами наполнены законы всякій разъ, когда заводятъ рѣчь о такихъ лицахъ.

Таковы были судьбы русской адвокатуры въ общихъ судахъ до уставовъ 20 ноября 1864 г. Съ учрежденіемъ ком. судовъ при нихъ учреждены были присяжные стряпчіе, лишенные самостоятельнаго положенія, довѣріе къ которымъ гарантировалось лишь тѣмъ, что они утверждались въ званіи предсѣдателемъ суда. Въ томъ значеніи, которое это установленіе получило въ общественномъ мнѣніи, едва ли не самымъ наглядным образомъ для русскаго общества доказывается важность корпоративнаго устройства для внутренней силы учрежденія, для его морализаціи, вся недостаточность одного судебнаго признанія за стряпчимъ права на довѣріе къ нему общества. По принципу, судъ далѣе формальной правды нейдетъ, внутреннее же содержаніе дается нравственными качествами лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ. Мы позволимъ себѣ пройти молчаніемъ это спеціальное учрежденіе.

Новый судъ, устроенный по новѣйшимъ западно-европейскимъ образцамъ, необходимо потребовалъ и учрежденія адвокатуры на основаніяхъ, соотвѣтственныхъ новымъ судебнымъ порядкамъ. Предоставивъ всѣмъ право, какъ въ Англіи, искать и отвѣчать на судѣ лично, новый судебникъ нормальнымъ видомъ

адвокатуры установляетъ корпорацію, организованную на французскій ладъ. Временно допущены частные ходатаи какъ и прежде. Это временное положеніе не прекратилось и, какъ мы увидимъ, своимъ продолженіемъ представляетъ серьезныя опасности будущему нашей адвокатуры, впервые проектированной на раціональныхъ началахъ.

Учрежденіе Судебныхъ установленій, опредѣляя органическія части новообразуемаго суда, въ числѣ ихъ, какъ необходимый элементъ судебныхъ установленій, означаетъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, изъ чего слѣдуетъ, что утверждая эту корпорацію законъ имѣлъ въ виду ту же цѣль, которая легла въ основаніи всей судебной реформы, то есть установленіе правосудія наиболѣе пригодными къ тому средствами. Недостаточнымъ въ виду этой цѣли оказывалось преобразованіе судебныхъ мѣстъ и канцелярій, исполнительныхъ установленій и прокуратуры: чувствовалась необходимость организовать судебное представительство частныхъ интересовъ, создать сословіе лицъ, которыя являясь на судѣ представителями сторонъ, доставляютъ въ своихъ объясненіяхъ, столь важныхъ въ состязательномъ процессѣ, обработанный матеріалъ для судебной практики, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Находясь въ тѣсной связи съ новымъ судоустройствомъ и являясь исключительно представителемъ частныхъ интересовъ, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ отличается двойственнымъ характеромъ: дѣятельность пр. повѣренныхъ строго опредѣлена спеціальнымъ закономъ; присяжные повѣренные, не состоя на службѣ правительству, несутъ свою службу государству, образуя на время своей дѣятельности какъ корпорація, одно изъ судебныхъ устансвленій, но при своемъ публичномъ характерѣ, сословіе призвано къ служенію государству лишь какъ надежный представитель частныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ.

Чтобы оградить интересы правосудія и частныхъ лицъ законодатель принялъ всѣ мѣры, которыя, по его мнѣнію, были необходимы для того, чтобы сословіе представляло достаточную гарантію нравственности, знанія и честности убѣжденій уже въ силу своего происхожденія.

Не будетъ преувеличенія если скажемъ, что ни на одну отрасль общественной или государственной дѣятельности вступленіе необусловлено такъ строго, какъ причисленіе къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Ни отъ членовъ магистратуры, ни отъ лицъ прокурорскаго надзора законъ не требуетъ одновременно высшаго юридическаго образованія и пятилѣтней практической дѣятельности, ставя это непремѣннымъ условіемъ для присяжныхъ повѣренныхъ.

Развивая послѣдовательно идею о сословіи присяжныхъ повѣренныхъ, какъ о государственномъ судебномъ установленіи, законъ возложилъ на присяжныхъ повѣренныхъ обязанности и предоставилъ имъ права. Тѣ и другія должны существовать совмѣстно и нераздѣльно, ибо въ юридическомъ отношеніи не мыслимо гражданское положеніе физическаго или юридическаго лица съ одними обязанностями безъ соотвѣтствующихъ имъ правъ или съ одними правами безъ соотвѣтствующихъ обязанностей. Требованіе исполненія однихъ лишь обязанностей и въ тоже время недопущеніе къ пользованію соотвѣтственными правами измѣняетъ юридическій характеръ лица, облеченнаго по закону тѣми правами и обязанностями, и, слѣдовательно уничтожаетъ первоначальное положеніе, созданное закономъ, устраняетъ тѣ средства, коими единственно законъ имѣлъ въ виду достигнуть свои общегосударственныя цѣли.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе обязанностей присяжныхъ повѣренныхъ, мы остановимся лишь на тѣхъ которыя имѣютъ государственный характеръ и поименованы въ ст. 390, 394, 397, 398 учр. суд. уст., 254 ст. уст. гр. суд. Въ приведенныхъ статьяхъ сказано, что пр. пов. обязаны, въ извѣстныхъ случаяхъ, вести гражданскія и уголовныя дѣла по назначенію совѣта пр. пов., или предсѣдателя суда; что они обязаны отчислять 10% изъ вознагражденія за веденіе гражданскихъ дѣлъ въ тотъ фондъ который современемъ образуется для вознагражденія ихъ за защиту подсудимыхъ по назначенію подлежащихъ властей и который состоитъ въ распоряженіи суд. администраціи.

Обѣ эти обязанности исполняются присяжными повѣренными. Со дня введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ установленій присяжные повѣренные обязательно защищали подсудимыхъ по назначенію подлежащихъ властей. Нынѣ они приступаютъ къ 10% сбору съ гонорара.

Законъ, опредѣляющій обязанности сословія, исполняется во всей строгости, но, исполняя обязанности, присяжные повѣренные должны пользоваться правами своего положенія.

Въ своей сферѣ присяжные повѣренные пользуются, по закону, такими же правами, какъ и прочіе органы судоустройства. Какъ суду предоставлено исключительное право на отправленіе правосудія, какъ прокуратурѣ ввѣрена охрана общественныхъ и государственныхъ интересовъ, на сколько они касаются суда, такъ присяжнымъ повѣреннымъ законъ предоставляетъ исключительное право имѣть въ общихъ судахъ хожденіе по дѣлу по довѣренности отъ тяжущихся. Это основное матеріальное право корпораціи до сихъ поръ не имѣетъ примѣненія. Вся сумма правъ принадлежащихъ въ настоящее время сословію сводится въ сущности къ праву на упрощенную довѣренность, но это право, по установившемуся обычаю, примѣняется въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ настоящее время одинаковымъ правомъ на веденіе гражд. дѣлъ по довѣренности, наравнѣ съ пр. повѣренными, пользуются частные ходатаи. Въ первые годы существованія новыхъ судовъ, по малочисленности присяжныхъ повѣренныхъ, это явленіе, быть можетъ, казалось необходимымъ, теперь этимъ обстоятельствомъ прежде всего парализуется сила сословія присяжныхъ повѣренныхъ какъ судебнаго установленія и, кромѣ того, является до крайности сомнительнымъ, чтобы достигались тѣ цѣли правосудія, которыя законъ имѣлъ въ виду, учреждая установленіе присяжныхъ повѣренныхъ.

Излишне подробно излагать факты, встрѣчаемые въ практикѣ частныхъ ходатаевъ, какъ напр. предъявленіе исковъ въ такой формѣ, которая влечетъ за собою отказы въ требованіи, нерѣдко справедливомъ; отводы и частныя жалобы, цѣль коихъ не способствовать къ правильной постановкѣ и правильному разрѣшенію спорнаго дѣла, а лишь замедлить

судебное рѣшеніе, а этимъ дать возможность скрыть имущество и уничтожить возможность удовлетворить противника, когда судъ рѣшитъ дѣло въ пользу его; пропускъ сроковъ, злонамѣренныя мировыя сдѣлки и стачки съ противной стороной, безнравственная эксплуатація своихъ кліентовъ и т. п. и цѣлая масса предосудительныхъ дѣйствій, ускользающихъ отъ уголовнаго закона. По своимъ послѣдствіямъ, также важно для довѣрителей разительное нерѣдко незнаніе уголовной процедуры частными ходатаями. Эти явленія близко знакомы юристамъ и не юристамъ. За общеизвѣстностью этихъ фактовъ, мы укажемъ только на то, что правила возведенныя въ законъ для присяжныхъ повѣренныхъ и исчисленныя въ статьяхъ 381, 384, 385, 394, 400, 401, 402, 403, 404, 405 учр. суд. уст., для частныхъ ходатаевъ не обязательны; что общество, вообще малознакомое съ государственной организаціей, переноситъ невыгодное мнѣніе о частныхъ ходатаяхъ безъ различія на всѣхъ вообще лицъ, занимающихся судебной защитой, невыдѣляя и присяжныхъ повѣренныхъ, составляющихъ въ массѣ частныхъ ходатаевъ самое незначительное меньшинство. Такимъ образомъ унижается государственное установленіе присяжныхъ повѣренныхъ, которое законъ имѣлъ въ виду именно оградить отъ всякихъ нареканій самой организаціей сословія. Они не подчинены и руководящему обычаю, установляемому для присяжныхъ повѣренныхъ совѣтомъ. Частные ходатаи подчиняются лишь опредѣленіямъ гражданскаго закона о довѣренностяхъ, совершенно недостаточнымъ для созданія нравственнаго характера судебнаго представительства. Вышеизложеннымъ не исчерпываются вредныя послѣдствія допущенія въ общіе суды частныхъ ходатаевъ. Допущеніе въ судъ частныхъ ходатаевъ, оторвавши множество лицъ отъ тѣхъ занятій, гдѣ до того времени они, вѣроятно, были полезны, и увлекши ихъ на чуждую имъ дѣятельность приманкой по видимому легкаго заработка, образуя изъ этихъ лицъ по мѣрѣ ихъ умноженія настоящій матеріалъ для пролетаріата, вноситъ, помимо ихъ вреда частнымъ интересамъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію, въ самое дѣло совершенно неприличный элементъ безграничной конкурренціи. Высокое зна-

ченіе юриста-совѣтника исчезаетъ подъ характеромъ промышленника или агента. Въ корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ грубость экономическихъ отношеній довѣрителя къ повѣренному смягчается силой корпоративныхъ обычаевъ, высшимъ образованіемъ, чувствомъ чести и нравственности. Ни однимъ нравственнымъ одухотворяющимъ началомъ не сплочена во едино разрозненная масса частныхъ ходатаевъ. Вслѣдствіе этого на массу юристовъ, гдѣ частные ходатаи составляютъ огромное большинство, общество не можетъ смотрѣть иначе, какъ на простыхъ наемщиковъ, обязанность коихъ выгораживать своихъ кліентовъ во чтобы то ни стало, искусство которыхъ не въ выясненіи спорнаго права, но въ умѣньи обойти неудобный для кліента законъ. Вслѣдствіе же этого падаетъ въ общественномъ сознаніи какъ значеніе юридическаго сословія вообще, такъ и уваженіе къ праву, а потому опять не достигается одна изъ главныхъ цѣлей гласнаго и публичнаго суда — распространеніе въ обществѣ здравыхъ юридическихъ понятій.

Свобода адвокатуры, если позволено будетъ означить этимъ выраженіемъ совмѣстное существованіе въ судѣ присяжныхъ повѣренныхъ и частныхъ ходатаевъ, неминуемымъ своимъ послѣдствіемъ имѣетъ и пониженіе уровня юридической способности сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Съ каждымъ годомъ возрастаетъ число новыхъ членовъ вступающихъ въ корпорацію изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Поглощенные массой частныхъ ходатаевъ, присяжные повѣренные—подразумѣваемъ огромное большинство ихъ — имѣютъ такое количество дѣлъ, которое достаточно для того, чтобы лично и непосредственно заниматься какъ подготовкой такъ и веденіемъ ихъ, недостаточно для того, чтобы давать въ производствѣ дѣлъ участіе своимъ помощникамъ, которые, въ настоящее время, конечно, принуждены заниматься судебной практикой самостоятельно, что, по неопытности ихъ, нерѣдко вредитъ интересамъ ихъ же довѣрителей.

Дѣйствуя самостоятельно, помощникъ не имѣетъ возможности ознакомиться на практикѣ съ веденіемъ сложныхъ, въ юридическомъ отношеніи, дѣлъ, веденіе которыхъ всегда

будетъ довѣрено опытному юристу скорѣе, нежели молодому человѣку, начинающему юридическую карьеру и никому неизвѣстному. Пройдя теоретическую школу, крайне недостаточную въ Москвѣ въ настоящее время, они лишены возможности пройти практическую школу при присяжныхъ повѣренныхъ. Послѣдняя возможна только тогда, когда, съ устраненіемъ частныхъ ходатаевъ, присяжнымъ повѣреннымъ будетъ необходимо дѣйствительное содѣйствіе ихъ помощниковъ. Подготовительная, внѣ судебная кабинетная работа помощниковъ, подъ надзоромъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ соединеніи съ посѣщеніемъ судебныхъ засѣданій и практикой въ мир. судахъ, составитъ то практическое воспитаніе, которое для юриста стольже необходимо какъ теоретическое юридическое образованіе. Условій необходимыхъ для осуществленія такой школы въ настоящее время нѣтъ.

Современное же положеніе корпораціи вызываетъ еще другое любопытное явленіе. Не смотря на высоту общественнаго положенія, создаваемую для корпораціи условіями вступленія въ нее, мы видимъ, что, въ виду того, что на членахъ корпораціи лежатъ однѣ обязанности, что правъ имъ въ дѣйствительности еще не предоставлено; юристы пользующіеся заслуженной извѣстностью, имѣющіе полное право на вступленіе въ сословіе, предпочитаютъ оставаться въ рядахъ частныхъ ходатаевъ. Въ послѣднее время встрѣчаемся и съ такимъ явленіемъ, какъ добровольное удаленіе присяжныхъ повѣренныхъ изъ сословія. Въ обоихъ случаяхъ причина этихъ печальныхъ явленій одна: дѣйствительныя обязанности не соотвѣтствуютъ ихъ правамъ, хотя законъ ихъ и уравниваетъ. Все это влечетъ за собою ослабленіе института присяжныхъ повѣренныхъ, возрастающую трудность пополненія его удовлетворительными кандидатами изъ числа помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, вредъ частнымъ интересамъ и превратныя отношенія общества къ праву, какъ при прежнихъ порядкахъ.

Такимъ образомъ вслѣдствіе безусловной свободы судебнаго представительства страдаютъ интересы общества и искажается институтъ присяжныхъ повѣренныхъ. Но есть и

третья сторона дѣла, не менѣе важная, не менѣе вредная. Въ силу временнаго положенія нарушается нормальное отношеніе адвокатуры къ суду.

Le plaidoyer est le flambeau du juge вотъ каково правило, выработанное многовѣковой исторіей французскаго состязательнаго процесса. Для суда коллегіальнаго, знакомаго съ обстоятельствами обсуждаемаго дѣла, изъ доклада того члена, который одинъ изъ всей коллегіи подробно ознакомился съ дѣломъ, объясненія сторонъ имѣютъ тѣмъ большую важность, чѣмъ менѣе возможности члену представить суду, обремененному десятками дѣлъ въ каждомъ судебномъ днѣ, подробно анализовать предлежащіе суду факты. Едва ли нужно подробно доказывать, что личность представителей сторонъ имѣетъ не малое значеніе для вѣскости ихъ объясненій. Судъ, видя передъ собой въ огромномъ большинствѣ случаевъ такихъ представителей сторонъ, скудость юридическаго образованія коихъ разительна, пріучается совершенно естественно, относится къ доводамъ ихъ съ той небрежностью, какой они вполнѣ заслуживаютъ. Пренія сторонъ не разъясняютъ дѣла, но лишь замедляютъ рѣшеніе: вотъ естественное слѣдствіе преобладанія свободной (въ русскомъ смыслѣ) адвокатуры. Но такъ какъ появленіе присяжнаго повѣреннаго въ гражданскомъ процессѣ значительно рѣже появленія частныхъ ходатаевъ, то первые, въ силу привычки, подпадаютъ подъ то отношеніе, которое установилось между судомъ и частными ходатаями. Доводы адвокатовъ теряютъ тотъ авторитетъ, который нельзя отрицать у нихъ въ силу строгихъ условій причисленія къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Въ судебныхъ рѣшеніяхъ является возможность односторонности, ошибокъ, которыя легко могли быть устранены при нормальномъ положеніи русской адвокатуры. Судъ не имѣетъ уваженія къ адвокатурѣ, которая, съ своей стороны, становится въ ненормальное отношеніе къ суду. Исчезаетъ гармонія судебныхъ установленій: двѣ органическія части одного тѣла становятся несолидарными, чуждыми другъ другу. При неопредѣленно продолжающемся временномъ положеніи нашей адвокатуры можно съ вѣроятностью

полагать, что такое нежеланное отношеніе суда къ судебнымъ представителямъ общества будетъ развиваться и усиливаться.

Намъ могутъ возразить, что нормальныя отношенія суда къ адвокатурѣ и адвокатуры къ обществу могутъ быть возстановлены тѣмъ, что къ ходатайству на судѣ можно допустить кромѣ привиллегированной корпораціи такія лица, которыхъ способности къ этому дѣлу будутъ удостовѣрены напр. судомъ.

Прежде всего мы замѣтимъ, что такое установленіе противно судебнымъ уставамъ. Судебные уставы требуютъ корпорацію для общихъ судовъ, допускаютъ свободу представительства въ мировыхъ судахъ. Если частные ходатаи вредны, то такой особый родъ патентованныхъ повѣренныхъ, по смыслу закона, могъ бы быть допущенъ лишь въ мировыхъ судахъ. Противоядіе же такому вреду въ общихъ судахъ предвидѣно и дается самими уставами, которые въ этомъ отношеніи не требуютъ никакихъ измѣненій — это то, что называется комплектъ.—Но такіе частные повѣренные уже являлись въ исторіи французской адвокатуры. Псевдолиберализмъ учредительнаго собранія, въ 1790 г. вызвалъ къ жизни эфемерныхъ частныхъ повѣренныхъ (les mandataires, hommes de loi), но могучая общественная жизнь Франціи снесла ихъ тотчасъ, коль скоро жизнь, послѣ революціонной бури, вошла въ свои берега. Тамъ понимали, что недостаточно однихъ профессіональныхъ знаній, одного диплома, удостовѣрить которыя легко можетъ каждое компетентное учрежденіе, для того чтобы достигалась правда на судѣ, для того, чтобы общество могло съ довѣріемъ отнестись къ юридическому сословію. Вѣчныя требованія нравственности предъявляли адвокатурѣ другія условія, удовлетворить коимъ не могли никакіе экзамены и бумаги. Этотъ нравственный характеръ адвокатуры могъ развиваться только подъ вліяніемъ корпоративныхъ традицій и обычаевъ, такого элемента совсѣмъ недоставало разрозненному стаду частныхъ повѣренныхъ, но правило непойманный—не воръ, едвали можетъ служить основаніемъ нравственнаго прогресса. По видимому

и это неудобство можно бы замѣнить правомъ суда, по усмотрѣнію, лишать такихъ повѣренныхъ права являться въ судъ, но и съ такимъ положеніемъ согласиться нельзя. На судъ возложена была бы, противная существу его обязанностей, дисциплинарная, административная власть надъ лицами, несостоящими въ коронномъ судебномъ вѣдомствѣ; при чемъ судъ, пользуясь этой властью, руководился бы, конечно, нравственными соображеніями, но судъ прежде всего хранитель формальнаго закона, а потомъ личности такихъ частныхъ повѣренныхъ никогда не могутъ быть извѣстны суду въ той степени, въ какой извѣстны другъ другу члены корпораціи, а потому и въ усмотрѣніи былъ бы широкій и неодолимый просторъ произволу. Такой произволъ подкопалъ бы одно изъ необходимѣйшихъ условій адвокатуры — независимость ея. Возможно предположить, что въ извѣстномъ исходѣ дѣла заинтересованъ лично и судъ. Противоположное мнѣніе дѣлается адвокату не безопаснымъ. Онъ не съ той силой защищаетъ своего довѣрителя, какъ членъ корпораціи, которая одна является судьей его дѣйствій. Не будетъ корпораціи—опять можетъ воскреснуть достиженіе правосудія съ задняго крыльца. Такое право уже представлено коммерческимъ судамъ, но едвали кто будетъ сравнивать знаніе и нравственныя качества присяжныхъ повѣренныхъ и присяжныхъ стряпчихъ. Мы, конечно, говоримъ вообще, а не объ исключеніяхъ. Мы приходимъ къ тому выводу, что внѣ строго-корпоративной формы нѣтъ возможности достойнымъ образомъ устроить русское судебное представительство. Лишь корпорація можетъ создать нравственность адвокатуры, лишь корпорація можетъ дать обществу ручательство за своихъ членовъ. Такая корпорація для общихъ судовъ существуетъ въ законѣ. Для судовъ мировыхъ она стольже необходима, какъ и для общихъ.

Исходъ изъ настоящаго положенія, представляется одинъ: признать, на основаніи 388 ст. учр. С. У. наличное число присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской судебной палаты достаточнымъ для г. Москвы, если невозможно распространить дѣйствіе этого закона и на всѣ города Моск.

судебн. округа, гдѣ учреждены окружные суды. Наличныхъ силъ сословія совершенно достаточно для веденія дѣлъ разрѣшаемыхъ въ Московскомъ окружномъ судѣ и Палатѣ, въ особенности въ виду того обстоятельства, что въ послѣдніе годы значительно умножаются случаи веденія непосредственно самими тяжущимися почти всѣхъ дѣлъ, производящихся въ исполнительномъ порядкѣ и несложныхъ спорныхъ дѣлъ, каковы напримѣръ взысканія по закладнымъ или крѣпостнымъ долговымъ обязательствамъ; равнымъ образомъ, нерѣдко тяжущіеся обращаются къ помощи присяжныхъ повѣренныхъ только для того, чтобы правильно поставить спорный вопросъ въ исковомъ прошеніи, а за тѣмъ являются въ судъ лично и сами ведутъ дѣло до конца.

Такимъ образомъ интересы правосудія и закона требуютъ примѣненія закона о присяжныхъ повѣренныхъ во всей его полнотѣ, а наличное число присяжныхъ повѣренныхъ совершенно достаточно для веденія дѣлъ въ окружномъ судѣ и палатѣ Московскихъ. Въ виду нѣтъ раціональныхъ препятствій для осуществленія этой потребности суда и адвокатуры. Въ настоящее время, однако, неизлишнимъ будетъ обозрѣть тѣ возраженія, которыя можно сдѣлать противъ высказанныхъ положеній.

Въ видахъ удобства общества, при введеніи въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, было допущено веденіе дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ при посредствѣ частныхъ ходатаевъ. Такой порядокъ былъ принятъ изъ опасенія монополіи тѣхъ немногихъ лицъ, которыя въ первое время имѣли права, необходимыя для причисленія къ составу присяжныхъ повѣренныхъ. Это казалось тѣмъ болѣе необходимымъ, что незнакомство общества съ новыми процессуальными правилами заставляло тяжущихся обращаться къ юристамъ и по такимъ простымъ дѣламъ веденіе коихъ нетребуетъ почти никакихъ спеціальныхъ знаній. Строго говоря, даже и тогда монополіи опасаться не было причинъ. При нашемъ порядкѣ судопроизводства, тяжущіеся всегда могутъ лично вести свои дѣла (ст. 17 уст. гр. суд.) и, кромѣ того, законъ во всякомъ случаѣ даетъ достаточно средствъ избѣгнуть необходимости обращаться къ

присяжнымъ повѣреннымъ, когда тяжущіеся не желаютъ или не могутъ лично вести дѣло (ст. 15, 19, 21, 22, 25, 26 уст. гр. суд.), если бы содѣйствіе присяжныхъ повѣренныхъ оказалось обременительнымъ для нихъ. Такимъ образомъ, хотя практика еще необнаружила ниодного изъ неудобствъ, могущихъ возникнуть изъ исключительнаго права присяжныхъ повѣренныхъ являться на судѣ представителями сторонъ, тѣмъ не менѣе частные ходатаи были допущены. Но тѣ условія, при коихъ это явленіе казалось необходимымъ, не существуютъ въ настоящее время. Число присяжныхъ повѣренныхъ увеличилось; количество дѣлъ, ведомыхъ при содѣйствіи юристовъ повѣренныхъ значительно уменьшилось. Опасаться монополіи нѣтъ основаній.

Изъ неосновательнаго предположенія монополіи вытекаетъ другое возраженіе: при сосредоточеніи всѣхъ дѣлъ въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ возвысится гонораръ и веденіе процессовъ станетъ слишкомъ обременительнымъ для общества. Если даже не согласиться съ нашими соображеніями о монополіи, второе возраженіе опровергается весьма легко. Чѣмъ болѣе число лицъ, занимающихся хожденіемъ по дѣламъ, тѣмъ менѣе приходится дѣлъ на долю каждаго изъ нихъ, тѣмъ болѣе повѣренный долженъ, въ силу экономическихъ законовъ, извлечь пользы для себя изъ порученнаго ему дѣла, т. е. тѣмъ выше назначается гонораръ, ибо веденіе дѣлъ составляетъ единственное средство къ жизни адвокатовъ. При этихъ условіяхъ примѣненіе таксы составляетъ рѣдкое явленіе. Понизить эту плату конкурренція не въ состояніи. Сосредоточеніе дѣлъ въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ, при дѣятельномъ содѣйствіи ихъ помощниковъ, прежде всего понизитъ установившійся гонораръ, приблизивъ его къ таксѣ. Въ связи съ улучшеніемъ способа веденія дѣлъ, самое веденіе будетъ сопряжено съ меньшими издержками для частныхъ лицъ безъ ущерба матеріальныхъ выгодъ для членовъ корпораціи, а на сколько практической важности въ послѣднемъ соображеніи видно изъ того, что, при обсужденіи судебныхъ уставовъ, матеріальное безбѣдное существованіе членовъ судебныхъ установленій было признано

однимъ изъ существенныхъ условій для доброкачественности новыхъ судебныхъ порядковъ.

Такимъ образомъ для интересовъ частныхъ лицъ нѣтъ вреда, но, дозволительно думать, будетъ прямая польза отъ устраненія изъ окружнаго суда и палаты частныхъ ходатаевъ по дѣламъ гражданскимъ. Этого мало: установленіе комплекта желательно и для цѣлей самаго отчисленія 10% съ гонорара присяжныхъ повѣренныхъ.

Пока большинство гражданскихъ дѣлъ не сосредоточено въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ, нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы фондъ принялъ размѣры, достаточные для осуществленія цѣлей закона. Законъ признаетъ необходимымъ вознагражденіе за веденіе оффиціозныхъ дѣлъ уголовныхъ и обезпечиваетъ это вознагражденіе правомъ присяжныхъ повѣренныхъ на гонораръ за веденіе дѣлъ гражданскихъ; судебная администрація признаетъ своевременнымъ приступать къ осуществленію цѣли закона и чѣмъ скорѣе цѣль эта будетъ достигнута, тѣмъ болѣе интересы закона будутъ удовлетворены, но значительная масса дѣлъ, ведомыхъ частными ходатаями ускользаетъ отъ 10% сбора, чѣмъ замедляется образованіе фонда, приведеніе въ исполненіе самаго закона. Это соображеніе тѣмъ болѣе является справедливымъ, что, если въ силу конкурренціи частныхъ ходатаевъ, гонораръ за дѣла исковыя, спорныя вообще, выше таксы, то по такимъ дѣламъ, какъ напримѣръ взысканія по закладнымъ вознагражденіе всегда ниже таксы, а потому понижается и количество 10% сбора, отчисляемаго отъ дѣйствительно полученнаго гонорара. Такимъ образомъ успѣшное образованіе фонда вполнѣ зависитъ отъ устраненія частныхъ ходатаевъ отъ дѣятельности въ общихъ судахъ по дѣламъ гражданскимъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ слѣдуетъ признать вполнѣ своевременнымъ объявить наличное число присяжныхъ повѣренныхъ достаточнымъ для города Москвы.

Исторія адвокатуры на западѣ, результаты судебной практики частныхъ ходатаевъ приводятъ насъ къ тому заключенію, что строго организованная корпорація съ сильно раз-

витымъ внутреннимъ управленіемъ и надзоромъ, составляетъ единственную цѣлесообразную форму достойной европейской адвокатуры.

Этотъ типъ корпораціи, вмѣстѣ съ усовершоннымъ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, принятъ нашими судебными уставами, признанъ со стороны законодателя наиболѣе согласнымъ съ цѣлями правосудія.

Но при конкурренціи частныхъ ходатаевъ, временно допущенныхъ въ новые суды, причемъ это временное положеніе неограничено никакимъ срокомъ и зависитъ отъ усмотрѣнія судебной администраціи, институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ ущербъ цѣлямъ законодателя, лишенъ полнаго и плодотворнаго развитія, не имѣетъ органической связи съ судомъ и обществомъ, неминуемо, при дальнѣйшемъ продолженіи упомянутаго временнаго положенія, осужденъ къ вырожденію и упадку, не можетъ уравновѣсить въ гармонической стройности путемъ обычая элементы нравственности и экономическихъ выгодъ адвокатуры, какъ это мы видимъ въ англійской и французской адвокатурѣ, послужившей типомъ для русской.

Слабость корпоративной связи, зависящая отъ недостаточно опредѣленнаго положенія корпораціи въ судѣ и обществѣ, ослабляетъ воспитательную силу корпораціи, что вредно отзовется на постоянно обновляющемся личномъ составѣ сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

Я позволю себѣ заключить свой докладъ желаніемъ, чтобы настоящее временное положеніе адвокатуры было прекращено въ тѣхъ центрахъ, гдѣ оно является уже излишнимъ, каковы обѣ столицы и Одесса. Переходъ къ нормальному положенію требуется интересами суда, адвокатуры, общества. Намъ, присяжнымъ повѣреннымъ, близко знакомымъ съ дѣятельностью судебныхъ установленій, хорошо извѣстно, что тѣ препятствія, коими обусловлено было допущеніе частныхъ ходатаевъ въ суды на прежнемъ основаніи, въ настоящее время не существуютъ; дальнѣйшее же продолженіе его, можно опасаться, нарушитъ гармонію отношеній суда съ представителями сторонъ, установленную судебными устава-

ми и не безъ вреда останется для самихъ цѣлей правосудія, для самаго суда.

А. М. Фальковскій Мм. Гг! Учрежденія суть дѣло времени, прогрессивное произведеніе человѣческаго разума. — Длинный рядъ вѣковъ долженъ былъ пройти для того, что-бы могли установиться на мѣсто принциповъ уголовнаго права, въ силу которыхъ подсудимый предполагался виновнымъ, тайна составляла душу судопроизводства, противъ подсудимаго было все дозволительно, даже пытка, наказанія были произвольны и жестоки, само-защита, исключавшая совѣтника и посторонняго защитника, считалась наиболѣе соотвѣтствующей правосудію, совершенно противоположныя начала, а въ гражданскомъ правѣ и процессѣ получить признаніе равенства всѣхъ предъ закономъ и личной автономіи. По этому едвали основательно мнѣніе, что адвокатура есть древнѣйшее и всемірное учрежденіе. Судъ и политическое устройство состоятъ между собою въ весьма тѣсной зависимости. Начала государственной жизни древнѣйшихъ народовъ, не представлявшія твердаго обезпеченія въ основныхъ законахъ, не могли привести къ установленію у нихъ и необходимыхъ гарантій на судѣ, которыя получили свое начало лишь въ позднѣйшую эпоху развитія государственнаго права. Египетъ съ его теократическо — полицейскимъ воззрѣніемъ на государство, съ его фараонами, имѣвшими безграничную власть надъ ихъ рабами—подданными, съ его кастами, съ его судомъ, хотя и коллегіальнымъ,но основаннымъ на началѣ слѣдственномъ, при тайномъ и письменномъ судопроизводствѣ, не могъ вызвать къ жизни судебное представительство. Индія, установившая форму устнаго и гласнаго процесса, но построеннаго также на началѣ слѣдственномъ, въ которомъ въ лицѣ судьи совмѣщаются и функціи слѣдователя, обвинителя и защитника, не могла создать не только организованной адвокатуры, но и выработать ученія о представительствѣ, вообще, чему служитъ доказательствомъ, что въ законахъ Ману, изданіе которыхъ относится къ IX вѣку до Р. Х., нѣтъ постановленій о довѣренности. Еврейское право въ которомъ судоустройство основано на выборномъ

началѣ, а судопроизводство было гласное, словесное, при личномъ участіи сторонъ, судебное представительство допускалось за вдовъ, сиротъ и неимущихъ людей. Греческая цивилизація, сокрушившая теократію, въ дѣлѣ учрежденія адвокатуры, по словамъ А. Стоянова, *) остановилась на первомъ шагу впередъ отъ теократическаго востока. Повѣренныхъ въ Греціи не было, а защитники — ораторы имѣли частный характеръ. Прежде всего, положеніе адвокатуры опредѣлилось въ Римѣ, передаетъ намъ многоуважаемый нашъ сочленъ—докладчикъ, прибавимъ къ тому, что судебное представительство, возникшее тамъ изъ судебнаго патроната патриціевъ, стало необходимостью съ момента установленія формулярной системы процесса, что въ самую блестящую эпоху римской адвокатуры не было даже попытокъ организовать ее въ отдѣльное общество, сословіе.

Императорскому Риму суждено было оставить въ наслѣдство новымъ народамъ регламентированную адвокатуру, которая однако же, относительно высоты своего нравственнаго уровня, оставила по себѣ незавидную память.

Переходя къ новымъ народамъ, полагаемъ, что рѣдко кто изъ насъ не знаетъ мнѣній Бентама объ адвокатурѣ, очеркъ которой мы слышали изъ прочтеннаго предъ нами доклада. На сколько ни преувеличены они, тѣмъ не менѣе, отзывъ Англійскаго Юрисконсульта **) доказываетъ, что корпоративное устройство адвокатуры не есть единственнымъ ручательствомъ ея высокаго, нравственнаго положенія. Нравственное достоинство общественныхъ дѣятелей зависитъ отъ тысячи другихъ условій — и въ особенности отъ системы народнаго воспитанія.

Въ государствахъ, гдѣ сила злоупотребленій развивается среди круговой поруки беззаконія, мало можно ожидать помощи отъ той или другой формы организаціи различныхъ учрежденій. Такъ было напр. въ Римѣ, въ эпоху его нравственнаго разложенія, то же можетъ повториться всюду.

*) Исторія адвокатуры. Харьковъ. 1869 года.

**) I. Bentham. De l'organisation judiciaire.

Если сословная организація необходима для нравственной крѣпости адвокатуры, то почему же и судей не соединить въ корпораціи? Самостоятельность, независимость и нравственныя достоинства судьи не менѣе важны для общежитія и поддержанія юридическаго порядка, чѣмъ и адвокатскія добродѣтели.

Обыкновенно въ защиту корпоративнаго устройства адвокатуры приводится: 1) адвокату приходится дѣйствовать среди объединенныхъ силъ сильно устроенной магистратуры и могущественныхъ вліяній администраціи; по этому для него весьма важно найти опору въ крѣпкомъ союзѣ изъ товарищей по занятію. 2) Корпоративное устройство служитъ къ сближенію людей одной профессіи, къ обмѣну между ними мыслей, знанія и опыта. 3) Корпоративное устройство даетъ возможность имѣть неослабный надзоръ надъ нравственною стороною адвокатской дѣятельности, устраняя такимъ образомъ излишнее вмѣшательство правительства, которое и не могло бы выполнить успѣшно подобной задачи, не ослабивъ силы судебной защиты и 4) что только живыми преданіями организованнаго сословія могутъ выработаться раціональныя и соотвѣтствующія цѣлямъ правосудія правила адвокатской профессіи.

На сколько ни вѣски подобныя соображенія, но во 1-хъ опора въ корпоративномъ устройствѣ далеко не надежна противъ могущественныхъ вліяній администраціи, если въ основныхъ законахъ нѣтъ должнаго обезпеченія самостоятельности и независимости того или другаго учрежденія и если на сторонѣ послѣднихъ не станутъ общественное мнѣніе и народное довѣріе. Исторія судебъ, и болѣе сильныхъ чѣмъ адвокатское сословіе, союзовъ, обществъ, въ этомъ отношеніи, весьма поучительна. Во 2-хъ сближеніе людей одной профессіи возможно и помимо принципа сословности. Въ 3-хъ гласность судопроизводства, свобода прессы, чуткое общественное мнѣніе достаточны для контроля нравственной стороны адвокатской дѣятельности и въ 4-хъ нравственныя обязанности не такъ сложны и общедоступны для всѣхъ, а тѣмъ болѣе для лицъ, получившихъ высшее образованіе.

Съ момента опредѣленія законодательствомъ болѣе строгихъ условій права судебнаго представительства, адвокатская профессія возвышается. При обезпеченіи же законами ея самостоятельности и независимости, свободная конкурренція должна имѣть своимъ послѣдствіемъ стремленіе адвокатовъ оправдать возлагаемыя на нихъ надежды правительства и общества.

Намъ кажется, что значеніе и сила адвокатуры, таится не въ одной внѣшней формѣ ея устройства, но въ основныхъ началахъ организаціи власти судебной и въ особенности въ той или другой системѣ судопроизводства. Единственное основаніе къ установленію корпораціи адвокатовъ — это неизбѣжность найти среднюю норму между безграничною свободою судебнаго представительства и закрѣпощеніемъ его въ рукахъ магистратуры, или администраціи. Но и корпоративное устройство адвокатуры для правильнаго его органическаго развитія требуетъ, что бы оно было вызвано сознательной необходимостью духовнаго объединенія лицъ одного дѣла, какъ это замѣтилъ и М. П. Соловьевъ въ своемъ докладѣ—наша же юная, организованная адвокатура представляетъ еще весьма мало данныхъ къ тому, чтобы смотрѣть на нее, какъ на живую и необходимую общественную силу. Можно только пожелать ей великую будущность и только. Значительное число частныхъ, не принадлежащихъ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, ходатаевъ по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, служитъ подтвержденіемъ нами сказаннаго и убѣждаетъ насъ въ томъ, что институтъ присяжныхъ повѣренныхъ еще не достаточно окрѣпъ и не снискалъ себѣ полнаго народнаго довѣрія.

Нашъ уважаемый докладчикъ, въ особенности, остановилъ наше вниманіе на блестящей дѣятельности и высокомъ общественномъ положеніи Французской адвокатуры, полагая притомъ, что устройство послѣдней было принято за образецъ при учрежденіи у насъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Мы должны, замѣтить что, Французскіе адвокаты, въ значительной степени, обязаны своимъ общественнымъ положеніемъ ихъ политическому значенію во Франціи и что

устройство нашей адвокатуры, права и обязанности присяжныхъ повѣренныхъ и самое судопроизводство, во многихъ существенныхъ чертахъ, діаметрально противоположны Французскимъ.

Современное наше законодательство, произнесшее строгій приговоръ надъ прежними порядками, закономъ, 20 Ноября 1864 года, установивъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, не имѣло въ виду создать какую либо монополію, привиллегію въ дѣлѣ судебнаго представительства. Такъ, на основаніи 565 Ст. Угол. Суд., подсудимые имѣютъ право избирать защитниковъ, какъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, коимъ законъ не воспрещаетъ ходатайства по чужимъ дѣламъ. По 389 Ст. Учр. Суд. Установ. въ мѣстностяхъ, гдѣ установленъ будетъ комплектъ присяжныхъ повѣренныхъ, тяжущіеся могутъ давать довѣренности на веденіе тяжебныхъ дѣлъ своимъ родителямъ, супругамъ, дѣтямъ и лицамъ, имѣющимъ одну общую съ довѣрителемъ тяжбу, или завѣдывающимъ по довѣренности имѣніями или дѣлами тѣхъ тяжущихся. На основаніи общихъ положеній Уст. Гражд. Суд. (ст. 16) тяжущіеся не лишены права лично ходатайствовать по своимъ гражданскимъ дѣламъ. Корпоративное устройство присяжныхъ повѣренныхъ не имѣетъ замкнутости и установленіе комплекта ничѣмъ неограничиваетъ дальнѣйшаго вступленія въ присяжные повѣренные всѣхъ лицъ, имѣющихъ на это право, по закону.

Наконецъ дарованное корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ самоуправленіе также не составляетъ *привиллегіи* и доказываетъ только довѣріе законодательства къ самодѣятельности лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе и признаніе у насъ новыхъ началъ децентрализаціи судебной администраціи.

При такихъ условіяхъ права судебнаго представительства и установленіе комплектовъ присяжныхъ повѣренныхъ мало можетъ содѣйствовать къ устраненію частныхъ ходатаевъ въ дѣлахъ гражданскихъ и останется безъ всякаго вліянія, въ этомъ отношеніи, на уголовныя дѣла.

И такъ нашему институту присяжныхъ повѣренныхъ приходится заботиться не о привиллегіяхъ. На его долю выпало, прежде всего, заняться строгимъ и честнымъ выполненіемъ его трудныхъ обязанностей, сомкнуть дружно его, пока разъединенныя, силы для служенія правдѣ и закону, отвергнуть философію эгоизма и лучшіе дни настанутъ для славы и чести корпораціи, не смотря на свободу адвокатской профессіи, которая, по крайнему нашему разумѣнію, наиболѣе соотвѣтствуетъ и цѣлямъ правосудія.

Л. Ѳ. Снигеревъ. Мм. гг. Вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ 60-хъ годахъ, въ эпоху коренныхъ реформъ въ Россіи, послѣдовала и судебная реформа. При разсужденіи объ основныхъ началахъ преобразованія судебной части, одною изъ причинъ неуспѣшнаго хода гражданскихъ дѣлъ въ Россіи признано то, что у насъ не существуетъ признаннаго сословія повѣренныхъ, которые по знанію своего дѣла, такъ и по нравственнымъ качествамъ и юридическимъ познаніямъ своихъ сочленовъ удовлетворяли-бы своему призванію. И вотъ въ основныхъ положеніяхъ впервые употреблено было выраженіе *присяжный повѣренный*, т. е. повѣренный юридически образованный и выполнившій установленную закономъ присягу на хожденіе по судебнымъ дѣламъ. Въ тоже время на особую Коммиссію, учрежденную при государственной канцеляріи возложено было составленіе самыхъ проектовъ судоустройства и судопроизводства. Вслѣдъ за объявленіемъ въ газетахъ предложенія, адресованнаго ко всѣмъ желающимъ высказать свои мысли о реформѣ, въ Коммиссію доставлены были замѣчанія со всѣхъ концовъ Россіи въ огромномъ количествѣ. Они сначала составили 5 печатныхъ томовъ; къ нимъ изданъ въ отдѣльномъ томѣ указатель, составленной въ Коммиссіи подъ наз. Сводъ замѣчаній и возраженій о развитіи основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи Наконецъ, изъ присланныхъ замѣтокъ составилась еще 2 объемистыхъ тома. Масса возраженій на ст. 73—87 осн. Полож. относительно присяжныхъ повѣренныхъ чрезвычайно велика: одинъ перечень этихъ возраженій занимаетъ око-

до двухъ печатныхъ листовъ (стр. 87—115). Такимъ образомъ, постановленія о присяжныхъ повѣренныхъ обратили на себя въ то время общее вниманіе; ихъ всѣ касались съ той или другой стороны. Замѣчанія, присланныя въ Коммиссію въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ должностнымъ лицамъ, хотя есть замѣчанія и частныхъ лицъ, отставныхъ чиновниковъ, помѣщиковъ и т. п. безъименныхъ замѣчаній числомъ только одиннадцать.

Въ числѣ этихъ замѣчаній о присяжныхъ повѣренныхъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ мнѣніе чиновника Государственныхъ имуществъ, г. Горскаго, въ духѣ нѣмецкаго бюрократизма. Онъ предлагалъ опредѣлить штатъ присяжныхъ повѣренныхъ при каждомъ судѣ, назначить имъ небольшое жалованье отъ казны, сверхъ гонорарія по таксѣ или по договору и наконецъ ввести между ними лѣстницу служебной іерархіи. Профессоръ г. Чебышевъ-Дмитріевъ, нападая на проектъ г. Горскаго, защищалъ права сословія присяжныхъ повѣренныхъ, права выбора, право автономіи. Но и онъ, подавленный общей маніей бюрократіи, полагалъ съ своей стороны точно также, какъ и г. Горскій предоставить адвокатамъ пользованіе правами государственной службы за выслугу лѣтъ.

Большею независимостью мнѣній и критики отличались замѣчанія частныхъ лицъ. Такъ дворянинъ Батеньковъ, замѣчая, что юридическія науки не вполнѣ развиваютъ умъ и чувство желалъ большей свободы доступа въ адвокатуру, чѣмъ это допускаютъ основныя положенія; онъ больше вѣритъ въ школу общежитія и въ успѣхъ возникающихъ у насъ юридическихъ Обществъ *), чѣмъ въ прежнюю службу присяжныхъ повѣренныхъ. По его мнѣнію: „общественное мнѣніе невсегда одобрительно смотритъ на образующіеся въ спеціальныхъ заведеніяхъ, замкнутые въ свой кругъ окаменѣ-

*) Къ сожалѣнію юридическаго общества, дѣйствительно возникшія въ 60-хъ годахъ какъ-то непривились къ русскому обществу и мало по малу изчезли съ лица земли, послѣ мимолетнаго существованія. Московское Юридическое Общество пока стоитъ совершенно одиноко!!!

лые типы, постоянно замѣчая въ нихъ исключительность и односторонность, стремленіе къ захвату всего дѣла, гордое, упрямое самолюбіе, презрительный взглядъ на другихъ и нетерпимость. Опасаясь, чтобы изъ присяжныхъ повѣренныхъ не вышло новыхъ чиновниковъ, въ новомъ духѣ бюрократизма, наиболѣе вредномъ въ общественной экономіи, чѣмъ даже старое чиновничество, г. Батеньковъ приводитъ мысли Д. С. Милля, который осязательно доказываетъ вредъ привлеченія въ государственную службу всѣхъ дарованій и страшныя послѣдствія для страны отъ излишняго стремленія къ бюрократизму и житью на хлѣбахъ у правительства".

Противъ установляемой привилегированной адвокатуры за свободу повѣренничества на первобытномъ основаніи встрѣчаются только нѣсколько безъименныхъ голосовъ, объявившихъ себя представителями интересовъ всѣхъ тяжущихся.

И такъ, еще въ 60-хъ годахъ вопросъ, нынѣ насъ занимающій, разрѣшенъ почти единогласно въ смыслѣ положительномъ. Само законодательство уставами 20 ноября окончательно установило привилегированное сословіе адвокатовъ. И сословіе это, въ лицѣ присяжныхъ повѣренныхъ, съ выборнымъ началомъ, съ дисциплинарнымъ совѣтомъ, существуетъ уже въ Москвѣ и Петербургѣ почти восемь лѣтъ. Такимъ образомъ, позволительно спросить: современенъ-ли вопросъ, нынѣ насъ занимающій? Небудутъ-ли предстоящія обсужденія повтореніемъ пройденнаго, переливаньемъ, если позволительно такъ выразиться, изъ пустаго въ порожнее?

Почтенный докладчикъ, собратъ по профессіи, М. П. Соловьевъ, предложилъ обществу вопросъ о томъ, что болѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ правосудія: свободная-ли адвокатура, или установляемая въ видѣ привилегированной корпораціи? Какъ видно изъ его всесторонняго доклада, онъ, впрочемъ, ограничиваетъ рамки, предложеннаго имъ вопроса, вопросомъ о томъ должна-ли остаться нынѣ существующая, безграничная свобода судебнаго представительства, или наступило уже время ограничить представительство тѣми нормами, которыя установлены уставами 20 ноября? Иначе говоря: позволительно-ли нынѣ, когда корпорація присяжныхъ

повѣренныхъ болѣе или менѣе уже сложилась въ Москвѣ и Петербургѣ, допускать къ судебному представительству и частныхъ ходатаевъ? Возможно-ли при привилегированной адвокатурѣ дозволять еще свободу хожденія частнымъ лицамъ по дѣламъ тяжущихся? Вопросъ въ такой формѣ дѣйствительно составляетъ вопросъ дня. Въ самомъ дѣлѣ нынѣ, какъ и въ 60-хъ годахъ, мыслящее русское общество, скажу болѣе и самъ народъ, такъ какъ судебная реформа касается всѣхъ и каждаго, обращаетъ особенное вниманіе на дѣятельность русской адвокатуры. Всюду, и въ печати и въ обществѣ слышатся сужденія за и противъ нынѣшней адвокатуры. Появляются каррикатуры, романы, передовыя статьи трактующія объ адвокатахъ вкось и вкривь. Самые календари, по цѣли своей имѣющіе въ виду распространять элементарныя свѣденія въ массѣ народа касаются присяжныхъ повѣренныхъ. Я не могу пройти молчаніемъ прискорбнаго факта нашей печати по поводу сужденія о нашей адвокатурѣ, немогу пройти потому, что такое сужденіе, такая замѣтка появилась въ календарѣ, т. е. книгѣ по направленію своему наиболѣе достушной, наиболѣе распространенной въ обществѣ. Издатель толстаго календаря на 1873 годъ г. Гатцукъ въ отдѣлѣ судебномъ относительно присяжныхъ повѣренныхъ (стр. 167) говоритъ, между прочимъ, опытъ оправдалъ предсказанія знаменитаго русскаго изгнанника, сожалѣвшаго, что такое застарѣлое зло Европы, какъ институтъ адвокатовъ, прививается у насъ къ превосходнымъ новымъ судебнымъ учрежденіямъ, да при томъ еще въ формѣ института присяжныхъ повѣренныхъ (чиновниковъ, такъ сказать, адвокатовъ), т. е. корпораціи лицъ офиціально признанныхъ за людей развитыхъ юридически, корпораціи тѣсно связанной съ судомъ, зависящей отъ него и въ тоже время имѣющей, по закону, огромное вліяніе на самый судъ. Мысль образовать при судахъ корпораціи ходатаевъ развитыхъ юридически хороша сама по себѣ, но поставленіе этихъ корпорацій въ тѣсную связь съ судомъ подрываетъ, какъ показываетъ опытъ, самую цѣль этаго учрежденія. Нѣтъ сомнѣнія, что одно юридическое образованіе не можетъ вдругъ измѣ-

нить созданную исторіей нравственность, что члены корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ всеже въ сущности дѣти прежнихъ судейскихъ чиновниковъ, въ большинствѣ случаевъ отличающіеся отъ своихъ отцевъ кромѣ болѣе обширнаго юридическаго образованія, только тѣмъ, что отцы ихъ брали по сто рублей за улаженіе въ своемъ судѣ дѣла, а дѣти берутъ за тоже по тысячѣ и подвѣ. При быстро-же—продолжаетъ далѣе авторъ—развивающемся въ нашихъ судахъ мертвящемъ судъ направленіи—pereat mundus, fiat justitia!—направленіи, гдѣ буква закона предпочитается всякой жизненной правдѣ, особенно вредно для правосудія сближеніе ходатаевъ съ судомъ и безъ того уже черезъ чуръ страждущимъ отъ всякаго, кромѣ общественнаго, вліянія. Понятно по этому то неудовольствіе (когда и гдѣ почтенный авторъ?) съ какимъ была принята въ Россіи вѣсть о ходатайствѣ, будто-бы, корпораціи присяжныхъ повѣренныхъ С.-Петербургскаго округа о подчиненіи ей свободныхъ адвокатовъ и ходатаевъ при петербурскомъ судѣ“..... Конечно такія сужденія, такія соображенія ниже всякой критики. Подобнымъ составителямъ подобныхъ рекламъ можно посовѣтовать только обратиться къ нашему народному учителю Крылову и припомнить басню, начинающуюся такъ:

„Бѣда коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги точать пирожникъ“.

Что же касается до подчиненія, такъ называемыхъ свободныхъ адвокатовъ, извѣстному контролю, извѣстному надзору, то это давно бы слѣдовало сдѣлать и въ настоящее время, по крайней мѣрѣ слѣдовало-бы дозволять адвокатствовать только тѣмъ, кто можетъ правильно излагать свои мысли на письмѣ. Тогда по крайней мѣрѣ вся эта безграмотная язва, именуемая свободными ходатаями, язва эксплуатирующая громкими рекламами довѣрчивый людъ, сошла бы со сцены. Тогда не могли бы появляться невѣроятныя рекламы, исходящія отъ свободной адвокатуры. Я опять, имѣю въ виду обрисовку, современнаго положенія адвокатуры, и

отношенія къ ней общества, позволю себѣ детально, сохранивъ грамотность подлинника, въ назиданіе потомства, выписать нижеслѣдующее объявленіе:

КАБИНЕТЪ.

Для приготовленія въ повѣренный по юридическимъ взглядамъ классиковъ и юридическихъ совѣтовъ и совѣщаній.

В. В. З. Защитникъ повѣренный практики столичный и ученаго взгляда кодексовъ ведетъ дѣла въ общихъ и мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ и столичныхъ мѣстахъ по 250 1316 и 1331 ст. уст. гражд. суд: на оборотѣ. Василій Васильевичъ Завадовскій. Жительство необозначено.

Мм. гг. Вы удивляетесь прочитанный рекламѣ. Вамъ кажется это невѣроятнымъ. Вы думаете что это злой памфлетъ на свободную адвокатуру. Я самъ такъ думалъ, м.м. г. г., когда получилъ выписку этой грандіозно-безграмотной рекламы, но къ сожалѣнію мои ожиданія неоправдались. Реклама дѣйствительно печаталась и неоднократно въ Харьковскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ и мы видѣли печатный отискъ и воочію убѣдились въ печальномъ фактѣ. Но несмотря на такое положеніе свободной (въ извѣстномъ смыслѣ) адвокатуры мнѣніе, исходящее изъ календаря Гатцукъ смѣетъ отъ лица Россіи заявлять неудовольствіе относительно подчиненія частной адвокатуры!

Но если понятны, извращенные взгляды на привилегированную адвокатуру со стороны прессы подобной календарю Гатцукъ, то для насъ становятся непонятными сужденія вкось и кривь объ адвокатурѣ въ газетахъ и журналахъ съ болѣе правильнымъ взглядомъ на вещи. Только особою предъвзятостью возможно объяснить появленіе ихъ. Такъ напримѣръ на страницахъ юридическаго вѣстника *) появилась статья одного изъ представителей прокуратуры, въ которой авторъ, собравъ нѣсколько примѣровъ, сколько намъ извѣстно изъ

*) См. Май и Іюнь Юр. Вѣст. 1873 ст. Обнинскаго: задача и предметъ судебныхъ преній: III. Свободная защита.

рѣчей помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, на основаніи ихъ дѣлаетъ глумленіе надъ цѣлымъ сословіемъ адвокатовъ. *Защита свободна* повторяетъ въ концѣ каждаго анекдота почтенный авторъ. Мы неберемъ—говоритъ, онъ, эти примѣры изъ первыхъ попавшихся; если бы кто нибудь взялъ на себя трудъ собрать весь запасъ подобныхъ анекдотовъ, то составился-бы цѣлый веселенькій томикъ; все въ одномъ и томъ-же вкусѣ. Вездѣ мы подмѣтили-бы одну и туже картину: чуть только обстоятельства плохи — сей часъ ихъ за ширму: какъ ширма готова на сцену маріонетки. Въ заключеніе авторъ предсказываетъ институту присяжныхъ повѣренныхъ конецъ свободы защиты. Придетъ и придетъ скоро ея черный день,—пророчески восклицаетъ онъ!.... Но да мимо идутъ эти возгласы, эти іереміады.

Наконецъ и самыя отношенія суда къ адвокатурѣ мало по малу измѣняются. Если вначалѣ возникновенія судовъ, по уставамъ 20 Ноября, мы помнимъ въ петербургской печати отеческія наставленія нѣкоторымъ предсѣдателямъ нѣкоторыхъ окружныхъ судовъ, о томъ чтобы они неслишкомъ поддерживали силы только что возникающей молодой адвокатуры совѣтами и наставленіями, произносимыми публично во время засѣданій, совѣтами вытекавшими изъ благороднаго источника, съ цѣлью помочь молодежи, кинувшейся съ университетской скамьи на веденіе процессовъ, особенно гражданскихъ, гдѣ требуется и знаніе и опытность, каковой она не могла разумѣется пріобрѣсть въ университетѣ, а по выходѣ изъ университета и въ средѣ адвокатской, ибо адвокатура того времени представляла разрозненную массу отдѣльныхъ единицъ, ничѣмъ между собою несвязанныхъ,—къ правильной постановкѣ дѣла, то въ настоящее время той-же печати не мѣшало-бы чаще и чаще напоминать суду о той рознѣ, объ отсутствіи солидарности, тѣсной связи между адвокатурой и представителями суда. Если справедливо, что адвокатура составляетъ одно изъ необходимыхъ колесъ въ общей машинѣ судоустройства, то понятно, что единоличныхъ силъ суда, какъ-бы составъ его не былъ свѣдущъ, для правильнаго отправленія правосудія недостаточно. Излишній

формализмъ, мертвенность, преобладаніе буквы закона, предвзятость сужденій, предрѣшеніе самаго дѣла по заранѣе составленнымъ прецедентамъ, вотъ неизбѣжные спутники такого правосудія. Уже и теперь мало по малу пренія на судахъ обращаются въ одинъ бездушный обрядъ, лишенный внутренняго содержанія. Мы говоримъ конечно о гражданскихъ судахъ. Дѣльная рѣчь защитника передъ присяжными въ уголовныхъ дѣлахъ и теперь имѣетъ огромное вліяніе на исходъ процесса. Мнѣніе заранѣе сложившееся—совершенно справедливо замѣчаетъ нашъ сочленъ г. Кохновъ — у судьи по извѣстному гражданскому дѣлу, въ большинствѣ случаевъ неподдается накакимъ доводамъ защиты. Судья, у котораго подъ вліяніемъ ряда прецедентовъ сложился уже извѣстный взглядъ на извѣстный законъ, склоненъ смотрѣть на всякое толкованіе послѣдняго, несогласное съ его взглядомъ, какъ на безплодную игру словъ, какъ на тормазъ, отнимающій у него время *отъ очередныхъ занятій.*" Но гдѣ-же искать отвѣта этому печальному явленію? Чѣмъ объяснить что и пресса и общественное мнѣніе и судъ такъ недовѣрчиво смотрятъ на адвокатскую дѣятельность. Не слѣдуетъ-ли въ самомъ дѣлѣ при такомъ порядкѣ вещей вновь задаться разрѣшеніемъ стараго спора: что лучше въ интересахъ правосудія: привилегированная ли адвокатура, или свободная, вѣрнѣе сказать: свобода хожденія всѣхъ и каждаго по дѣламъ тяжущихся! Не оправдывается-ли предсказаніе г. Герцена, что такое застарѣлое зло Европы (институтъ адвокатовъ) бывъ привито съ чуждой почвы на свѣжую, невоздѣланную почву Россіи непремѣнно окажетъ пагубные слѣды и уже оказало? Или, ненормальное положеніе адвокатуры (разумѣемъ присяжной) объясняется другими соображеніями, лежащими главнымъ образомъ не въ институтѣ присяжныхъ повѣренныхъ а въ недостаточномъ проведеніи тѣхъ принциповъ, тѣхъ началъ, которыя установлены уставами 20 Ноября для института адвокатскаго?

Постараемся дать отвѣты на заданные вопросы.

Прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о современномъ положеніи адвокатуры на западѣ въ связи съ ея исторіей.

Существуетъ мнѣніе, что учрежденіе института адвокатовъ есть дѣло свободы, а не необходимости; что это не только потребность для правильнаго отправленія правосудія, сколько политическое право, которому могутъ покровительствовать только республики и конституціонныя монархіи, а не государства съ инымъ образомъ правленія. Въ этомъ мнѣніи есть доля справедливости только въ томъ отношеніи, что адвокатура, будучи необходимымъ звеномъ юстиціи, можетъ существовать только при свободныхъ учрежденіяхъ, т. е. тамъ, гдѣ законъ стоитъ выше произвола отдѣльныхъ личностей, гдѣ судья есть блюститель, стражъ закона. Но съ другой стороны, мнѣніе это опровергается опытомъ вѣковъ. Исторія показываетъ намъ, что адвокатура существуетъ какъ въ республикахъ, конституціонныхъ монархіяхъ, такъ и въ государствахъ съ инымъ образомъ правленія. Въ настоящее время во всей Европѣ, за исключеніемъ Турціи, существуетъ привилегированная адвокатура, но современная адвокатура есть явленіе сравнительно новое. Съ понятіемъ нынѣшней адвокатуры предполагается прежде всего корпоративная связь адвокатовъ, приписанныхъ при извѣстномъ судѣ или судебномъ округѣ, это сословіе сознаетъ обязанность своихъ интересовъ заботиться о нихъ, поддерживаетъ доброе имя адвокатской профессіи, слѣдя за честнымъ ея выполненіемъ со стороны каждаго члена корпораціи. Современная адвокатура именуется сословіемъ и пользуется до извѣстной степени самоуправленіемъ. Древній міръ не зналъ такой общности интересовъ между собратами по адвокатской профессіи. Исторія указываетъ что у многихъ народовъ древняго міра встрѣчаются люди занимавшіеся изученіемъ законовъ, съ цѣлью помочь совѣтами согражданамъ. Таковы древніе маги, философы, мудрецы у халдеевъ, вавилонянъ, египтянъ и евреевъ. Но конечно о какой либо связи между подобными философами невозможно даже себѣ и представить. Точно также хотя въ Греціи и существовали уже судебные защитники подъ названіемъ *ораторовъ*, но точно также и Грецію не знала сословія адвокатскаго. Благодаря демократическому устройству республикъ греческихъ,

благодаря призванію къ общественнымъ дѣламъ всѣхъ гражданъ, умѣнье красно говорить составляло одну изъ необходимыхъ потребностей общежитія и краснорѣчія, напр. въ Аѳинахъ, достигло высочайшей степени совершенства. Впрочемъ развитіе ораторской профессіи въ Аѳинахъ повело къ нѣкоторымъ законодательнымъ мѣрамъ, и непосредственно относящихся къ классу ораторовъ. Такъ послѣдовали постановленія о томъ, кто, какого возраста и сколько можетъ говорить. Остановимся на этомъ постановленіи. Оно важно въ томъ отношеніи, что указываетъ, что даже въ демократическихъ государствахъ, гдѣ всѣ граждане учавствуютъ въ общественныхъ дѣлахъ и тамъ свобода хожденія по дѣламъ тяжущихся не можетъ быть неограниченно предоставлена всѣмъ и каждому. Въ современной Европѣ, именно въ женевскомъ кантонѣ, введена только *свобода защиты*, но и то не въ томъ смыслѣ какая существуетъ у насъ въ настоящее время, гдѣ всѣ и каждый можетъ имѣть хожденіе по дѣламъ. По закону 4 Іюня 1851 г. въ Женевѣ не требуется, юридическаго образованія отъ лицъ занимающихся судебной защитой. Право вести процессы предоставлено каждому гражданину, достигшему 27 лѣтъ и пользующемуся политическими правами, но онъ долженъ прежде всего взять свидѣтельство на право заниматься практикой и принести присягу. Для надзора за этими hommes des lois учреждена особая коммиссія, которой предоставлена дисциплинарная властъ (см. Н. Рембилинскаго: пер. зак. женев. суд. Кантона стр. 285 и слѣд.) Перейдемъ къ положенію адвокатуры въ Римѣ; здѣсь впервые при императорѣ Юстинѣ адвокаты названы сословіемъ. Входъ въ адвокатуру закрытъ былъ самарянамъ, язычникамъ, еретикамъ и евреямъ, которые уравнивались съ лишенными гражданской чести. При Императорѣ Юстиніанѣ адвокаты должны были давать присягу, что они будутъ употреблять честныя средства, отстаивая всею силою способностей и знаній только законные и справедливые интересы кліентовъ. Такимъ образомъ, на развалинахъ древнаго міра, адвокатура сознаетъ общность интересовъ, замыкается въ сословіе и образуется коренное правило, по которому вмѣ-

няется въ обязанность адвокату отказываться отъ дурныхъ дѣлъ даже послѣ принятія на себя защиты дѣла. Почетъ и уваженіе сопровождали адвоката въ обществѣ, высшіе сановники считали за честь вступить въ ряды адвокатуры, но это было только при свободныхъ учрежденіяхъ. Въ эпоху же разложенія римской имперіи, когда развитіе юриспрудензіи остановилось, когда господство произвола встало на первый планъ, когда руководствовались въ судахъ не закономъ, а капризомъ воли одного лица, когда слѣдовательно юстиція представляла только тѣнь правосудія, тогда и званіе адвокатское подаетъ: адвокаты сдѣлались самымъ гадкимъ, самымъ презрѣннымъ народомъ. Вспомнимъ слова Тацита, занесенныя въ бесмертные анналы: адвокатская совѣсть въ Римѣ сдѣлалась самымъ продажнымъ товаромъ на публичномъ рынкѣ. При Импер. Клавдіѣ адвокаты брали громадные гонорары съ обѣихъ сторонъ и доводили своихъ кліентовъ до самоубійства. Сатирики послѣднихъ дней римской Имперіи издѣвались надъ адвокатами изъ булочниковъ и погонщиковъ, которые прислуживая большимъ и знатнымъ адвокатамъ пройдохамъ безпощадно вмѣстѣ съ ними обирали кліентовъ. Объ осторожномъ выборѣ дѣлъ, о честности въ средствахъ защиты не было и помину. Вотъ проявленіе свободной адвокатуры.

Въ такомъ положеніи застаетъ адвокатуру наплывъ германскихъ варваровъ. Я не имѣю возможности и времени, касаться здѣсь положенія адвокатуры въ средніе вѣка, я скажу нѣсколько словъ о современномъ положеніи адвокатуры на западѣ. Въ настоящее время возможно отличить три типа: французскій, англійскій и нѣмецкій. Во Франціи и Англіи адвокатура вызвана естественнымъ ходомъ вещей. Французскій типъ адвокатуры—типъ вполнѣ законченный. Французскій адвокатъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ чиновникомъ, онъ не занимаетъ никакого офиціальнаго мѣста, не принимаетъ никакой власти, не получаетъ никакого жалованья. Это гражданинъ, получившій извѣстное юридическое образованіе и принимающій на себя добровольно обязанность вести судебную защиту по дѣламъ, которыя довѣ-

рены ему другими лицами. Это посредникъ ихъ между публикою и судомъ и такое посредство необходимо. Масса законоположеній съ которыми можетъ ознакомиться только гражданинъ спеціально посвятившій все свое время изученію этихъ законовъ; извѣстный формализмъ установленный законодателемъ при судопроизводствѣ, формализмъ отъ котораго часто зависитъ исходъ процесса, наконецъ трудность анализа запутанныхъ обстоятельствъ процесса и умѣнье выдѣлить изъ этой массы обстоятельствъ необходимыя, существенныя обстоятельства, примѣнимыя для процесса,—все это, при современномъ раздѣленіи труда вызываетъ появленіе особыхъ спеціалистовъ, именуемыхъ адвокатами, которые въ силу естественнаго закона, какъ лица занимающіяся однимъ и тѣмъ-же дѣломъ нуждаются въ обмѣнѣ мыслей, въ совѣтѣ другъ съ другомъ, во взаимной помощи. Отсюда замкнутость, корпоративный духъ. Французская адвокатура вполнѣ проникнута этимъ корпоративнымъ духомъ. Она ревниво оберегаетъ своихъ членовъ, она свято чтитъ обычаи выработанные адвокатскимъ сословіемъ. Что касается до ея положенія то она занимаетъ самое почетное, самое видное мѣсто.

Англійская адвокатура точно также, какъ и французская имѣетъ корпоративный духъ; но еще съ большею, лучше сказать съ полною независимостью отъ суда. Если про французскую адвокатуру справедливо выразился, еще въ 20-хъ годахъ старшина парижскихъ адвокатовъ (Биллекокъ), что французская адвокатура часто ведетъ адвоката à la consideration publique, quelquefois à la gloire, presque jamais à la fortune, то и къ англійской адвокатурѣ вполнѣ можно примѣнить это выраженіе съ тою только разницею, что адвокатура въ Англіи, давая почетное мѣсто, въ обществѣ съ тѣмъ вмѣстѣ не только матеріально обезпечиваетъ безбѣдное существованіе (какъ во Франціи), но и даетъ возможность сдѣлаться вполнѣ богатымъ. Третій типъ адвокатуры—нѣмецкій носитъ на себѣ характеръ чиновничій. Нѣмецкія государства смотрѣли съ политическимъ недовѣріемъ на адвокатуру. Въ этомъ отношеніи Германія слѣдовала по стопамъ Наполеона I, которой, какъ извѣстно, по поводу проекта Трейляра объ

устройствѣ адвокатуры во Франціи на корпоративныхъ началахъ съ дисциплинарнымъ совѣтомъ, выразился объ адвокатахъ такимъ образомъ: „проектъ глупъ. Онъ не представляетъ никакихъ мѣръ и способовъ дѣйствія противъ адвокатовъ. *Адвокаты, это—бунтовщики; артисты преступленій и измѣнъ*; пока при мнѣ шпага, я никогда не подпишу подобнаго декрета, я желалъ-бы чтобы была возможность отрѣзать языкъ тому адвокату, который употребилъ его противъ правительства. И вотъ для адвокатовъ, завели особую оцѣнку и рекомендацію; опредѣлили при судахъ комплектъ для этихъ не совсѣмъ благонадежныхъ людей, подчинили ихъ строгой правительственной дисциплинѣ и установили таксу за ихъ трудъ. Необходимое условіе доступа въ нѣмецкую адвокатуру—это продолжительное занятіе въ канцеляріяхъ судебныхъ вѣдомствъ. Понятно, что это не адвокатура, которая тѣмъ именно и дорога, что въ нее, какъ напр. во Франціи, входитъ постоянно приливъ свѣжихъ силъ, что адвокатура не замыкается и неопредѣляется заранѣе опредѣленнымъ количествомъ лицъ, а напротивъ того подчиняется закону свободной конкурренціи, въ силу чего сословіе адвокатское всегда удерживаетъ въ своей средѣ только лучшія умственныя силы страны. Въ результатѣ такихъ законоположеній Германскихъ государствъ объ адвокатурѣ является то, что адвокатура тамъ непользуется никакимъ общественнымъ значеніемъ. Нѣмецкій народъ называетъ нѣмецкаго адвоката: einem feilen Mann, der der lute Vort Spricht, а Цинкъ, президентъ верховнаго королевскаго суда въ Баваріи, высказывается о нѣмецкихъ адвокатахъ такимъ образомъ: едва адвокатъ выступаетъ на судебную арену, какъ исчезаютъ у него всѣ добрыя качества: любовь къ истинѣ, совѣсть, прямой смыслъ, откровенность, добросовѣстность.... Чѣмъ-же объяснить такое жалкое положеніе нѣмецкой адвокатуры? Само собой разумѣется тѣмъ незавиднымъ, тѣмъ зависимымъ положеніемъ, въ которое поставлены они. Въ Австріи напр. адвокаты вполнѣ чиновники: они опредѣляются и замѣщаются правительствомъ на штатныя мѣста. Въ Пруссіи адвокаты также назначаются правительствомъ и непользуются тою независимостью, которая

необходима для этой профессіи. При чемъ необходимо замѣтить, что какъ скоро Фридрихомъ Великимъ въ 1781 г. уничтожена была вполнѣ уже зависимая адвокатура, и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, со введеніемъ лучшаго судоустройства въ 1847 г. появилась и улучшенная адвокатура, которая и получила нѣкоторое общественное значеніе. Въ Саксоніи адвокаты похожи на нотаріусовъ; имъ принадлежитъ привилегія составлять документы за извѣстную цѣну по таксѣ.

Таковы три типа современной адвокатуры въ Европѣ. Что касается до американской адвокатуры, то она устроена по образцу англійской, съ тою только разницею, что званіе barristers at law (въ собственномъ смыслѣ адвокатовъ) и attorneys или solicitors (стряпчій) соединены вмѣстѣ. Сѣверная Америка не знаетъ особыхъ стряпчихъ. Но такъ какъ публичная дѣятельность адвоката требуетъ досуга для соображеній и поддержки научныхъ свѣдѣній, то раздѣленіе работъ канцелярскихъ, подготовленіе и публичная защита дѣлъ на судѣ установляется сама собою. Адвокаты соединяются въ товарищество и вводятъ между собою раздѣленіе труда по своимъ способностямъ и знаніямъ.

Подведемъ итоги сказанному. Мы видимъ, что адвокатура у современныхъ народовъ занимаетъ почетное мѣсто тамъ, гдѣ она можетъ современно свободно проявлять свою дѣятельность въ защиту интересовъ гражданъ; что въ силу естественнаго хода вещей при современномъ экономическомъ положеніи государствъ, при раздѣленіи труда адвокатская дѣятельность должна падать на долю людей, получившихъ юридическое образованіе; что въ силу этого даже въ демократическихъ республикахъ хожденіе по дѣламъ тяжебнымъ дозволяется только лицамъ, выдержавшимъ на то установленное испытаніе; что Европа не знаетъ вовсе *свободной адвокатуры* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимается она въ Россіи; т. е. въ свободѣ хожденія по дѣламъ тяжущихся всѣхъ и каждаго; что адвокатура тогда только можетъ имѣть извѣстное общественное значеніе, когда доступъ къ ея дѣятельности открытъ всѣмъ и каждому получившему юридическое

образованіе и вступающему *по призванію* въ ряды адвокатуры, такъ какъ адвокатура не есть ремесло; что историческій ходъ адвокатуры и современное ея положеніе указываютъ, что адвокатура, стоящая въ зависимости отъ правительства, не допускаетъ въ свою среду прилива новыхъ силъ, тѣмъ самымъ ослабляетъ и подрываетъ въ глазахъ общественныхъ свою силу и значеніе.

Русская адвокатура носитъ въ себѣ корпоративное устройство, она пользуется въ извѣстномъ смыслѣ самоуправленіемъ, она имѣетъ свой дисциплинарный совѣтъ, обязанный слѣдить за своими сочленами, чтобы они проявляли свою дѣятельность только на законные и справедливые интересы кліентовъ и наконецъ въ русскую адвокатуру открыть доступъ свѣжимъ и молодымъ юридическимъ силамъ. Несмотря на такое превосходное устройство русской адвокатуры мы видимъ, что она далеко не пользуется тѣмъ общественнымъ значеніемъ, которое ей должно принадлежать въ ряду русскихъ общественныхъ учрежденій. Такое положеніе русской адвокатуры, прежде всего, объясняется тѣмъ, что это учрежденіе еще неуспѣло надлежащимъ образомъ сложиться, выработать извѣстные опредѣленные принципы на свою дѣятельность; не успѣла проникнуться корпоративнымъ духомъ своей профессіи, какъ профессіи призванной защищать, отстаивать личныя и имущественныя интересы сограждать. Но этому проявленію своей дѣятельности русской адвокатурѣ главнымъ образомъ препятствуетъ свобода хожденія всѣхъ и каждаго по дѣламъ тяжущихся, такъ называемая *свободная* адвокатура. Проявляется же эта свободная адвокатура потому, что въ главныхъ центрахъ судебной дѣятельности (Москва и Петербургъ) до сихъ поръ адвокатура—присяжная исполняетъ всѣ возложенныя на нея обязанности, но не пользуется всѣми принадлежащими ей правами. Въ самомъ дѣлѣ и Русскій адвокатъ несетъ защиту подсудимыхъ по назначенію отъ суда, онъ вноситъ 10% сборъ, но для него до сихъ поръ не установленъ комплектъ, а только при комплектѣ уничтожилась-бы хотя отчасти свобода хожденія по гражданскимъ дѣламъ. По уголовнымъ, какъ извѣстно представляется на волю обвиняемыхъ свобода

выбора между всѣми и каждымъ даже и тогда, когда будетъ установленъ для адвокатской обязанности комплектъ. Я говорю, что частная адвокатура, при признаніи состороны правительства достаточнымъ числа присяжныхъ повѣренныхъ въ данной мѣстности для веденія гражданскихъ дѣлъ, только отчасти будетъ ограничена, ибо 387 ст. уч. суд. уст. подрывается 389 ст. По точному смыслу этой статьи, хотя число присяжныхъ повѣренныхъ въ данной мѣстности и будетъ признано достаточнымъ, частные повѣренные все-таки могутъ ходатайствовать по дѣламъ въ общихъ судахъ той мѣстности, только заручившись отъ довѣрителей довѣренностью, не на одно опредѣленное дѣло, а на управленіе имѣніями и дѣлами съ правомъ ходатайствованія и въ судахъ по дѣламъ своихъ довѣрителей. Понятно, что такою довѣренностью будутъ заручаться частные повѣренные, чтобы парализировать дѣйствіе 387 ст., въ силу которой, при достаточномъ количествѣ присяжныхъ повѣренныхъ въ данной мѣстности, хожденія по дѣламъ частнымъ ходатаямъ воспрещается. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться, что съ признаніемъ комплекта измѣнится лишь только форма порученія веденія дѣлъ частнымъ повѣреннымъ. Но и эта форма, во всякомъ случаѣ, ограничитъ наплывъ свободы хожденія, такъ какъ не всякому частному повѣренному возможно выдать полную довѣренность на хожденіе и завѣдываніе всѣми дѣлами: въ этомъ случаѣ только лица пользующіяся полнымъ довѣріемъ могутъ разсчитывать на полученіе подобной довѣренности, а съ другой стороны повѣренный предъявляющій подобную довѣренность при заявленіипротивной стороны отвода о неправоспособности на веденіе дѣла по подобной довѣренности, долженъ будетъ доказать что дѣйствительно управляетъ и завѣдываетъ всѣми дѣлами своего довѣрителя. Съ ограниченіемъ свободы хожденія, адвокатура присяжная замкнется, сознаетъ свои силы и мало по малу будетъ вырабатывать опредѣленные принципы на свою дѣятельность и тѣмъ самымъ повліяетъ и на общественное мнѣніе, относительно взгляда на судебныя дѣла. Общество тогда увидитъ, что къ суду возможно обращаться только съ справедливыми и законными

требованіями, что судъ не долженъ потворствовать слабостямъ человѣческимъ, разбирать споры между тяжущимися часто возникающіе въ настоящее время или изъ не добросовѣстной погони за поживой (неустойки сомнительнаго свойства) или изъ каприза, самодурства, того, что такъ характерно выражается поговоркой: не препятствуй моему *здраву*. Нынѣ же при разрозненности интересовъ между повѣренными на адвокатуру смотрятъ какъ на выгодное ремесло, на возможность ловли рыбы въ мутной водѣ. Благодаря этому всѣ и каждый стремиться запастись X томомъ, уставами и причисляетъ себя къ плеядѣ адвокатовъ. Я желаю свободы адвокатуры въ томъ духѣ и направленіи, въ какомъ проявляется она во Франціи и Англіи, съ тѣми гарантіями интересовъ тяжущихся, какіе установлены уставами 20 Ноября т. е. съ свободой хожденія тяжущихся по собственнымъ дѣламъ и съ свободой выбора защитника даже и изъ неприсяжныхъ адвокатовъ по уголовнымъ дѣламъ Но я нахожу не нормальнымъ ту свободу хожденія, ту *свободную адвокатуру* которая нынѣ господствуетъ только въ Россіи и благодаря которой адвокатская дѣятельность сдѣлалась ремесломъ, а не призваніемъ. Пожелаемъ чтобы наступилъ конецъ свободы хожденія, чтобы частная адвокатура нынѣ-же получила правильное устройство, чтобы она подвергнута была опредѣленному контролю.

В. И. Кохновъ. Какъ ни просто кажется съ перваго взгляда разрѣшеніе настоящаго вопроса, но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что для правильной постановки его необходимо было прибѣгнуть и къ историческимъ изслѣдованіямъ и къ сравнительному изученію законодательствъ и взглядовъ на адвокатуру различныхъ европейскихъ народовъ. Докладъ М. П. Соловьева познакомилъ насъ съ этою стороною дѣла. Присоединяясь вполнѣ къ заключеніямъ его, я съ своей стороны попытаюсь выяснить Обществу насколько необходимо именно у насъ въ Россіи скорѣйшее признаніе адвокатуры обособленнымъ сословіемъ, имѣющимъ въ общемъ строѣ государственной и народной жизни свое принадлежащее ему по праву мѣсто. Говорить

здѣсь о томъ, что у насъ адвокатура является въ современныхъ ея формахъ лишь съ весьма недавняго времени, что до 1864 г. весьма немногіе изъ насъ имѣли сколько нибудь вѣрное понятіе объ «адвокатѣ», какъ членѣ самостоятельнаго сословія, я считаю излишнимъ послѣ обстоятельнаго изложенія этаго предмета членомъ, докладчикомъ. Въ самомъ дѣлѣ адвокатура, въ смыслѣ сословія, не имѣла у насъ, подобно тому какъ на западѣ, историческаго происхожденія и это весьма понятно, если мы вдумаемся въ условія исторической жизни нашего отечества съ одной стороны и рано развившееся отношеніе общества къ личности и власти въ Европѣ съ другой. Этимъ, если хотите, объясняется даже возможность постановки вопроса о «свободной» и «привилегированной» адвокатурѣ у насъ на Руси. На западѣ такой вопросъ въ настоящее время невозможенъ, онъ рѣшенъ тамъ еще въ XIV столѣтіи. Пять вѣковъ назадъ Франція, весьма свободолюбивая страна, поняла, что адвокатура тогда только и можетъ быть «свободной», когда она гарантирована отъ вторженія въ нее недостойныхъ, когда свобода ея ограждена строгими, неуклонно примѣняемыми законами самою же ею налагаемой на себя дисциплины. Стѣсняя себя сама въ своемъ кругу, она избѣжала тамъ стѣсненій внѣшнихъ и поставивъ себя выше опрессивной дѣятельности закона, она подняла вмѣстѣ съ собою на высоту и знамя права. Благодаря этому она могла тамъ въ былыя времена, можетъ и теперь, быть дѣятельнымъ членомъ законодательства, можетъ стоять въ трудныя, безправныя времена представительницей права, можетъ выдвигать изъ среды своей всегда и повсюду людей, истинно полезныхъ государству. Это послѣднее явленіе еще замѣтнѣе въ Англіи. Тамъ, въ этой положительной, практической странѣ, государство обращается къ адвокатурѣ за лучшими своими дѣятелями. Оно беретъ у нея судей, администраторовъ, членовъ парламента, министровъ и наконецъ государственныхъ людей. Адвокатура тамъ есть разсадникъ юристовъ въ самомъ обширномъ значеніи этого слова—людей права, «les hommes du droit.» И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ можетъ лучше образоваться

настоящій юристъ, человѣкъ несомнѣнно необходимый для государства, какъ не въ средѣ адвокатуры, неотдающейся по самому свойству занятій своихъ спеціально одному какому либо отдѣлу права, не вставляющей его въ узкія рамки привычной работы, а постоянно имѣющей его передъ собою во всей его цѣлости, постоянно слѣдящей за его практическимъ, жизненнымъ движеніемъ. Да, скажутъ намъ, все это хорошо тамъ, гдѣ-то далеко, тамъ, гдѣ адвокатура дѣйствительно стоитъ «на высотѣ», гдѣ она строго блюдетъ установленные, и постоянно издаетъ новые законы дисциплины. Но у насъ, гдѣ до сихъ поръ еще нѣтъ почти никакой дисциплины и когда она будетъ—неизвѣстно, не лучше ли въ самомъ дѣлѣ не только не преобразовывать присяжныхъ повѣренныхъ въ особое сословіе, но совсѣмъ даже уничтожить это названіе, чтобы по крайней мѣрѣ мысль законодателя не подвергалась иногда профанаціи. Чѣмъ они лучше, чѣмъ они болѣе связаны въ нравственномъ отношеніи сравнительно съ простыми ходатаями по дѣламъ? За что же давать имъ монополію веденія судебныхъ дѣлъ общества? Въ этомъ-то и ошибка,въ этомъ-то и кроется заблужденіе. Не для того чтобы взятьвъ свои руки монополію веденія дѣлъ проситъ теперь русская адвокатура обособить ее отъ тьмы ходатаевъ, а потому что она чувствуетъ, что такое положеніе дѣлъ, не можетъ болѣе продолжаться, что теперь она стоитъ на распутьи, откуда двѣ дороги: одна расплыться окончательно въ массѣ разнообразныхъ дѣльцовъ, превратиться изъ людей права, мы не знаемъ, во что; другая — это окрѣпнуть, сплотиться, создать въ средѣ самихъ же себя общественное мнѣніе, очистить составъ свой, оградить всякія покушенія на достоинство свое законами дисциплины, точно опредѣлить кругъ дѣятельности своей и наконецъ стать нераздѣльной, необходимой частью русскаго правосудія. Правда и при настоящемъ положеніи сословія присяжныхъ повѣренныхъ ничто не мѣшаетъ имъ создать изъ себя нѣчто цѣльное, единое не только по формѣ но и по духу, выработать правила, обязательныя для каждаго изъ членовъ сословія и строго слѣдить за исполненіемъ ихъ. Да, ничто не мѣша-

етъ, но ничто и не побуждаетъ къ этому. Въ настоящую минуту сословіе присяжныхъ повѣренныхъ сливается въ глазахъ общества съ массой непризнанныхъ ходатаевъ по дѣламъ. Для общества и первый и послѣдній одинаково «адвокаты.» Обращаясь къ тому или другому. большинство относится къ нимъ съ почти одинаковымъ недовѣріемъ, дѣйствія совершенныя внѣ сословія приписываются членамъ его. Естественно, что при такомъ положеніи дѣлъ, котораго, надѣемся, не станутъ отрицать, у сословія присяжныхъ повѣренныхъ нѣтъ ни охоты, ни потребности окружать себя нравственными стѣнами, которымъ, до радикальнаго измѣненія въ положеніи сословія, все равно суждено было бы оставаться фиктивными. Если нравственныя начала, „идеи“, какъ ихъ называютъ насмѣшливо высокимъ слогомъ, способны оказать свое вліяніе на меньшинство, которое во имя ихъ готово наложить на себя извѣстныя стѣсненія ради общаго блага и охраненія собственнаго достоинства, то надо признаться, что девять десятыхъ общества, говоря вообще, могутъ подчиниться въ этомъ отношеніи только внѣшнему давленію. Такимъ давленіемъ для сословія присяжныхъ повѣренныхъ можетъ служить одно общественное мнѣніе. Всѣмъ здѣсь присутствующимъ, не говоря уже объ указанномъ выше взглядѣ общества на адвокатуру, конечно извѣстны отношенія къ ней большинства литературныхъ органовъ. Не станемъ разбирать здѣсь насколько права журналистика, насколько она, высказывая то или другое сужденіе по этому поводу, опирается на факты, но припомнимъ только одно, что при настоящемъ смѣшанномъ понятіи адвоката всѣ усилія ея остаются безплодными, указанія, при другихъ условіяхъ быть можетъ принесшія бы несомнительную пользу, проходятъ безслѣдно, сатира бьетъ не въ живое организованное тѣло, расплывается въ воздухѣ. „Привиллегированные“ адвокаты при этомъ указываютъ на „свободныхъ,“ „свободные“ говорятъ, что они ничѣмъ не хуже „привиллегированныхъ,“ вообще повторяется извѣстная басня.... Другое дѣло, когда сословіе адвокатовъ организовано, когда каждое судебное

дѣло непремѣнно предполагаетъ за собою присяжнаго повѣреннаго, и каждая ошибка, каждое уклоненіе ложится прямо на членовъ сословія; тогда дѣйствительно сословіе принуждено будетъ волей-неволей обратить вниманіе и на отношеніе къ себѣ общества и на выраженіе мнѣній его въ литературѣ, которая, какъ ни слабо это сознаніе у многихъ изъ насъ, есть все таки одна изъ значительныхъ силъ въ общемъ ходѣ народной жизни, пренебрегать которою невозможно тамъ, гдѣ имѣется хотя какая нибудь претензія на цивилизацію. Но оградить себя отъ нареканій,—справедливыхъ или нѣтъ, опять повторю, не будемъ разбирать,—адвокатура можетъ только тогда, когда она будетъ обособлена, когда она сдѣлается сама по себѣ живымъ органическимъ тѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ исторіи, то увидимъ, что прежде чѣмъ развивалось въ какомъ бы то ни было обществѣ равное, одинаковое для всѣхъ понятіе о чести и нравственности, оно зарождалось первоначально въ отдѣльныхъ, замкнутыхъ общинахъ. Прежде чѣмъ разлиться въ массѣ народа, честь повсюду была „сословною," воспитанною въ личности, подъ вліяніемъ непрестаннаго наблюденія за нею общества, въ сравнительно тѣсномъ кругу. Такова была честь, напримѣръ, рыцарская, дворянская, военная, купеческая, адвокатская и т. д. Безъ сомнѣнія сословная честь, какъ исключительно таковая, отжила свое время съ повсемѣстнымъ уравненіемъ, если не окончательнымъ упраздненіемъ, сословій. Принципы ея разлились, какъ я выше говорилъ, въ массѣ, поглотившей всѣ раздѣленія общества, но законы, по которымъ дѣйствовало и развивалось это явленіе въ мірѣ, остались и теперь вліяютъ въ другихъ областяхъ. Тамъ, гдѣ существуетъ и въ настоящее время спеціализація занятій, развивается неизбѣжно „профессіональная честь." Нисколько не уклоняясь отъ правилъ общей нравственности, честь эта беретъ ихъ себѣ за основаніе и проведя эти правила черезъ спеціальное примѣненіе къ извѣстному кругу дѣятельности, возвращаетъ ихъ обществу въ видѣ воспитательныхъ началъ. Общество въ цѣломъ его составѣ не можетъ подробно разработывать

приложеніе моральныхъ законовъ къ каждому профессіональному дѣйствію, но если законы эти вовсе не прилагаются соотвѣтствующимъ образомъ, общество тогда страдаетъ и за вредъ, приносимый ему платитъ презрѣніемъ къ той профессіи, которая не съумѣла развить въ себѣ чести. Но здравый смыслъ говоритъ, что такое обособленіе чести, будь оно сословное или профессіональное, возможно только тогда, когда сословіе или профессія имѣютъ свои строго обозначенныя границы, отдѣлены отъ другихъ. Прежде чѣмъ говорить о сословной чести, надо организовать самое сословіе. Но что возможно въ историческомъ примѣрѣ, то возможно и въ живой дѣйствительности; что зараждается и вырастаетъ на западѣ, то можетъ созрѣть и давать плодъ и у насъ. Законы явленія повсюду и всегда сохраняютъ свою силу. Кромѣ того мы уже видѣли и продолжаемъ видѣть какъ дѣйствуютъ законы эти въ русской жизни. Мы были свидѣтелями и многіе изъ насъ испытали сами на себѣ благодѣтельныя послѣдствія законовъ чести и нравственной дисциплины, развивавшихся напр. въ студенческой средѣ, когда она была обособленною корпораціей. Немного найдется, думаю, такихъ, кто не вспомнилъ бы тѣ времена съ благодарностью и любовью, кто не ощущалъ бы долго впослѣдствіи вліянія на жизнь мнѣній и идей, вынесенныхъ изъ этихъ университетскихъ, носившихъ характеръ корпораціи, кружковъ. Мы имѣемъ также военную честь, развившуюся опять таки благодаря тому, что военное сословіе, по самому характеру занятій своихъ, стояло и всегда будетъ стоять обособленно отъ всѣхъ другихъ. Съ другой стороны у насъ не успѣла развиться исключительно дворянская честь, вслѣдствіе того что самое сословіе дворянское не стояло у насъ такъ отдѣльно отъ прочихъ, какъ это было въ другихъ странахъ. Мы не говоримъ здѣсь объ относительномъ достоинствѣ всѣхъ этихъ понятій о чести и считаемъ неумѣстнымъ въ настоящую минуту распространяться на этотъ счетъ. Мы взяли вышеуказанные факты только какъ подтвержденіе главной нашей мысли, достаточно, полагаемъ, выясненной нами, а именно: для того что-

бы русская адвокатура вышла изъ своего неопредѣленнаго состоянія, возвысилась въ глазахъ общества и суда и сознала наконецъ сама свое значеніе и достоинство, ей необходимо выработать себѣ собственные профессіональные законы, равно примѣнимые ко всѣмъ и каждому изъ членовъ сословія, создать нравственную дисциплину, правила которой заранѣе должны быть извѣстны каждому вступающему въ присяжные повѣренные, и наконецъ поставить свою адвокатскую честь выше всякихъ соображеній личной пользы, а вслѣдствіе того выше всякихъ нареканій со стороны членовъ общества. Достигнуть же этого адвокатура можетъ только тогда, когда она предварительно организуется въ цѣльное сплоченное тѣло, сдѣлается вполнѣ „привиллегированной адвокатурой.“

Е. Е. Карцовъ. Соглашаясь въ принципѣ съ тѣмъ, что формою адвокатуры наиболѣе соотвѣтствующею цѣлямъ правосудія должна быть признана адвокатура привиллегированная, я нахожу, что въ виду мѣстныхъ условій, эта форма адвокатуры, въ настоящее время, у насъ въ Россіи, примѣнена быть не можетъ. Условія эти заключаются, какъ въ недостаточномъ числѣ лицъ, могущихъ вступить въ привиллегированную корпорацію, такъ въ особенности и главнымъ образомъ въ той организаціи, какую привиллегированная адвокатура имѣетъ по нашимъ законамъ. Начну съ того, что дѣйствительно въ странахъ признавшихъ необходимость привиллегированной адвокатуры, эта послѣдняя находится въ блестящемъ положеніи, но такое явленіе слѣдуетъ объяснять далеко не одною монополіею привиллегированныхъ адвокатовъ. Для правильной и вполнѣ раціональной адвокатуры требуется много условій, изъ которыхъ привиллегія исключительнаго представительства сторонъ на судѣ вовсе не является главнымъ. Это условіе будетъ достигнуто само собою, какъ скоро юридическія познанія и нравственныя качества у адвокатовъ корпораціи будутъ выше, чѣмъ у адвокатовъ частныхъ. Въ силу самой простой логики общество, даже при существованіи свободной адвокатуры, будетъ всегда обращаться къ адвокатамъ принадлежащимъ къ

корпораціи, какъ скоро самая корпорація пріобрѣтетъ довѣріе и уваженіе общества. Неизмѣримо важнѣе по своему значенію та организація, какую имѣетъ привиллегированная адвокатура. Изъ подробнаго анализа этихъ органическихъ законовъ адвокатуры усматривается тотъ фактъ, что во всѣхъ странахъ съ привиллегированной адвокатурой, не смотря на различіе нѣкоторыхъ исключительныхъ особенностей, существуетъ одинъ общій принципъ, который совершенно неизвѣстенъ нашему законодательству. Я говорю о существующемъ на Западѣ раздѣленіи адвокатской дѣятельности на стряпческую (avoué) и адвокатскую въ тѣсномъ смыслѣ слова (avocat, orateur). Вездѣ гдѣ существуетъ привиллегированная адвокатура она идетъ рука объ руку съ вышеуказаннымъ дѣленіемъ адвокатской дѣятельности. Это раздѣленіе создалось не случайно, не вслѣдствіе какой-либо искуственной теоріи, оно создалось и сложилось исторически, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Опытъ исторіи совершенно убѣждаетъ, что единственно раціональное устройство адвокатуры мыслимо только при отдѣленіи стряпчихъ отъ адвокатовъ и безъ всякаго сомнѣнія блестящее положеніе западной адвокатуры гораздо больше слѣдуетъ объяснять этимъ раздѣленіемъ, чѣмъ привиллегію исключительнаго представительства на судѣ. Я совершенно не раздѣляю высказаннаго здѣсь однимъ изъ нашихъ сочленовъ мнѣнія о томъ, что на Западѣ, и именно во Франціи и Италіи, раздаются протесты противъ такого дѣленія. Мнѣніе это я считаю лишеннымъ всякаго основанія, напротивъ я могу сослаться на авторитетъ лучшихъ представителей французской адвокатуры, которые признаютъ безусловною необходимостью строгое отдѣленіе avocat отъ avoué. Да иначе не можетъ и быть. Поверхностное знакомство съ современной французской адвокатурой можетъ убѣдить въ томъ, что лучшіе представители тамошней адвокатуры, оставаясь адвокатами, въ тоже время принимаютъ дѣятельное участіе въ политической и государственной жизни страны. Ничего подобнаго не могло бы быть, еслибы тамошніе адвокаты несли на себѣ и всю ту подготовительную, техническую, такъ сказать черную

работу, которую несутъ стряпчіе. Мало того, что немыслима была бы такая дѣятельность, не возможно было бы для адвокатовъ и совершенствованіе въ научно теоретическомъ отношеніи. Будучи заваленъ кропотливой, черновой, стряпческой дѣятельностію адвокатъ, по необходимости, превратится въ ремесленника и тогда серіозное отношеніе къ наукѣ права погибнетъ безвозвратно. Идеаломъ такого адвоката будетъ дьякъ старинныхъ русскихъ приказовъ, или стряпчій недавнаго прошлаго, такъ хорошо изображенный Островскимъ въ его талантливыхъ комедіяхъ. Что привиллегія, исключительнаго представительства на судѣ безъ отдѣленія стряпческой дѣятельности отъ адвокатской вовсе не повлечетъ за собою улучшенія адвокатуры, тому наглядымъ доказательствомъ служитъ учрежденное при нашихъ коммерческихъ судахъ сословіе присяжныхъ стряпчихъ. Съ самаго основанія этихъ судовъ состоящіе при нихъ присяжные стряпчіе пользовались привиллегіею исключительнаго ходатайства въ этихъ судахъ, а между тѣмъ положеніе этой привилигированной корпораціи столь дурно и жалко, что едвали въ исторіи можно найти примѣръ болѣе жалкой адвокатуры. Итакъ полагаю, что вышеизложенныя соображенія достаточно убѣждаютъ въ томъ, что для улучшенія адвокатуры привиллегія исключительнаго судебнаго представительства, или другими словами монополія адвокатуры, вовсе не является главнымъ условіемъ. Это условіе явится само собою, гораздо же важнѣе и даже безусловно необходимо строгое отдѣленіе стряпческой дѣятельности отъ адвокатской.

Обращаясь за тѣмъ въ частности къ Россіи, мы видимъ, что сословіе присяжныхъ повѣренныхъ организовано у насъ на началахъ далеко не соотвѣтствующихъ вышеприведеннымъ требованіямъ. Въ лицѣ присяжнаго повѣреннаго соединены по закону и дѣятельность адвоката въ настоящемъ значеніи слова и несвойственная ему дѣятельность стряпчаго. Смѣшеніе этихъ дѣятельностей полное. Вотъ въ этомъ фактѣ и слѣдуетъ видѣть самую слабую сторону нашей привиллерованной адвокатуры, какъ самостоятельнаго учрежденія; въ этомъ фактѣ слѣдуетъ видѣть и причину того ма-

лаго уваженія и вліянія на общество, которое пріобрѣло сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Далѣе въ этомъ фактѣ заключается причина почему наше общество (говорю о громадномъ большинствѣ) не дѣлаетъ различія между частными ходатаями и присяжными повѣренными и иногда смѣшиваетъ ихъ даже съ коммиссіонерами. Не смотря на всю грубость этого послѣдняго факта, для него можно найти весьма понятное объясненіе: адвоката во французскомъ значеніи слова смѣшать съ коммиссіонеромъ не возможно, ибо въ ихъ дѣятельности нѣтъ положительно ничего общаго, между тѣмъ, какъ въ дѣятельности стряпчаго и коммиссіонера общаго весьма много и даже можно сказать, что каждый стряпчій въ обширномъ смыслѣ слова есть комисіонеръ. Почтенный докладчикъ весьма краснорѣчиво изображалъ печальное положеніе адвокатуры у насъ вообще и незавидное положеніе присяжныхъ повѣренныхъ въ особенности. Вполнѣ сожалѣя объ этомъ грустномъ явленіи, я тѣмъ не менѣе совершенно убѣжденъ въ томъ, что признаніе за присяжными повѣренными исключительнаго права судебнаго представительства не улучшитъ ихъ положенія. Оно можетъ быть увеличитъ ихъ матеріальныя средства, но оно не возвыситъ ихъ въ мнѣніи общества, оно не вселитъ къ сословію уваженія общества, оно не поставитъ нашу адвокатуру на тотъ высокій піедесталъ, на которомъ стоитъ адвокатура на западѣ. На присяжныхъ повѣренныхъ будутъ смотрѣть, какъ на чернорабочихъ, какъ на ремесленниковъ, но не какъ на людей науки и мысли, представителей высшей инстанціи, передовыхъ людей общества. Но независимо отъ вышеизложенныхъ существуютъ и другія причины, по которымъ признаніе въ настоящее время числа присяжныхъ повѣренныхъ достаточнымъ немыслимо и не желательно. Прежде всего позволительно думать, что не смотря на увѣренія самихъ присяжныхъ повѣренныхъ, число ихъ все-таки весьма недостаточно, затѣмъ относительное весьма короткое время со времени образованія этого сословія, сдѣлало то, что въ составъ его вступило много лицъ далеко неудовлетворяющимъ требованіямъ отъ адвоката въ европейскомъ смыслѣ. Крайняя слу-

чайность состава присяжныхъ повѣренныхъ явленіе весьма естественное. Далѣе полное отсутствіе выработанныхъ корпораціею твердыхъ принциповъ, столь необходимыхъ, традицій и обычаевъ, которыми такъ богата западная адвокатура, въ связи съ совершенною неопредѣленностью положенія помощника присяжныхъ повѣренныхъ — будущихъ членовъ корпораціи—окончательно убѣждаетъ, что признаніе за присяжными повѣренными исключительнаго права судебнаго представительства, при настоящей организаціи и состояніи этого сословія, какъ самому сословію, такъ въ особенности и обществу, принесло бы скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

В. Н. Лешковъ. Вставая здѣсь для того, что бы заявить возраженія противъ мнѣнія г. докладчика по вопросу, я не могу не отдать справедливости достойному и ученому изложенію дѣла. Докладъ хорошо знакомитъ насъ со многими аналогическими учрежденіями другихъ странъ, начиная съ Рима. Нельзя не пожалѣть что нашъ сочленъ не такъ подробно изложилъ отечественную древнюю адвокатуру, на которую, правда, жаловался Петръ В., но, какъ извѣстно, потому, что желалъ замѣнить древній состязательный, словесный процессъ канцелярскимъ, письменнымъ, отъ котораго спасаютъ Россію Уставы, отъ 20 ноября 1864 г.

Переходя къ существу вопроса, не могу не выразить сомнѣнія въ правильности рѣшенія, даннаго ему М. П. Соловьевымъ. По мнѣ, въ его докладѣ, смѣшаны два вопроса: 1) о пользѣ спеціалистовъ—юристовъ, для отправленія правосудія, и 2) о наступленіи времени и повода, уже теперь объявить, что въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ Одессѣ число присяжныхъ повѣренныхъ достаточно, по ст. 387 и 388. Вопросъ первый теоретическій, отвлеченный, если хотите, юридическій, подлежащій рѣшенію Юридическаго Общества, тогда какъ вопросъ второй административный, условленный обстоятельствами, числовой, статистическій, и потому-то порученный второю изъ названныхъ статей усмотрѣнію Министра Юстиціи. Первый вопросъ—о преимуществѣ адвокатуры, состоящей изъ лицъ спеціально образованныхъ тео-

ретически и практически, да дѣйствующихъ подъ вліяніемъ и надзоромъ избраннаго ими совѣта и т. п.,—о преимуществѣ такой адвокатуры предъ темною массою ходатаевъ диллетантовъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что наши судебныя учрежденія положительно рѣшаютъ вопросъ въ пользу присяжныхъ, спеціальныхъ юристовъ повѣренныхъ. Скажу болѣе, наши судебныя учрежденія, судя по изложенію Г. Соловьева, въ этомъ случаѣ, перенесли къ намъ именно начала Франціи, столь восхваляемыя г. нашимъ сочленомъ. Сомнѣніе можетъ касаться только мѣры для исключительности корпоративной адвокатуры.

Во Франціи никто не можетъ вести дѣло въ судѣ, безъ посредства адвоката, или присяжнаго повѣреннаго, такъ точно, какъ никто не можетъ вести дѣло, по мимо суда, или путемъ насилія, самосуда, самоуправства. Присяжный повѣренный во Франціи составляетъ такой же необходимый элементъ правосудія, какъ судъ и судья. И такое право адвокатовъ справедливо называется привиллегіею, а корпорація такихъ адвокатовъ привиллегированною. Какъ судъ, такъ и защита въ судѣ, во Франціи, есть дѣло государства. Но правильно ли такое положеніе дѣла? Согласно ли оно съ основнымъ началомъ гражданскаго права? Не нарушаетъ ли оно перваго изъ правъ гражданскихъ, права защищать самому свое? Нашъ законъ, разумно, не пошелъ такъ далеко, какъ законъ французскій, и предоставилъ намъ каждому самому защищать свое право на судѣ.

Но, какъ скоро законъ призналъ за мною право самому вести дѣло въ судѣ, то логически онъ долженъ былъ допустить свободу въ избраніи лицъ, которымъ, вмѣсто себя, довѣряю явиться въ судѣ, для веденія дѣла. Предполагается, что я изберу наиболѣе подходящее къ тому лице, а главное, что избраніе повѣреннаго есть мое право. Не во имя ли уваженія къ свободѣ дозволено закономъ избраніе мировыхъ судей. Какимъ же образомъ ограничитъ насъ, не нарушая нашей свободы, установленными, данными намъ

повѣренными? Въ предложенномъ вопросѣ есть сторона, которую должно отмѣтить.

Вопросъ говоритъ о цѣляхъ правосудія. Въ этой фразѣ смыслъ двоякій, состоящій, съ одной стороны, въ государственной функціи отправленія правосудія, а съ другой въ развитіи въ народѣ чувства справедливости и правоты. Весьма возможно, что замкнутая корпорація судей и повѣренныхъ будетъ сильно содѣйствовать правому рѣшенію процессовъ; а между тѣмъ устраненный отъ непосредственнаго участія въ судѣ, и не воспитываемый судомъ народъ будетъ только плодить дѣла и процессы. Едва ли желаемый бытъ общества. И вотъ почему ни въ Римѣ, ни въ Англіи не было и нѣтъ такой исключительной, замкнутой корпораціи адвокатовъ, какъ во Франціи. Свободна должна быть адвокатура, но свободно должно быть и общество. Не существуетъ же народъ для адвокатовъ, а напротивъ адвокаты для народа.

Понятно однакожъ, что въ видахъ пользы самого населенія, повѣренные должны обладать необходимыми для своей профессіи качествами умственными и нравственными, и нашъ законъ, кажется, сдѣлалъ, что̀ нужно, въ этомъ отношеніи, обѣщая, когда въ извѣстной мѣстности число присяжныхъ повѣренныхъ окажется достаточнымъ, т.-е. соотвѣтственнымъ съ нуждами населенія, объявить это число нормальнымъ, но съ соблюденіемъ извѣстныхъ предосторожностей, дѣйствуя по представленіямъ Судебныхъ Палатъ Министру Юстиціи, и по внесеніи отъ министра чрезъ государственный Совѣтъ на Высочайшее утвержденіе. Таково уваженіе разумнаго закона къ свободѣ гражданъ въ виду исключительныхъ правъ адвокатуры.

И такъ весь вопросъ сводится къ тому: настало ли время для закона и верховной власти нынѣ же объявить наличное число присяжныхъ, въ Петербургѣ ли или въ Москвѣ, достаточнымъ? Это второй вопросъ доклада, вопросъ факта, а не права.

Вопросъ, предложенный М. П. Соловьевымъ, остался открытымъ и затѣмъ былъ обсуждаемъ въ засѣданіяхъ Общества 19 и 26 ноября 1873 года. Большинство членовъ Общества, участвовавшихъ въ обсужденіи вопроса, выразило мнѣніе, что не привиллегированная адвокатура, при установленіи въ законахъ, образовательнаго ценза и гарантій, обезпечивающихъ ея назависимость и самостоятельность, наиболѣе соотвѣтствуетъ цѣлямъ правосудія.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ДРЕВНЕ-РУССКАГО УГОЛОВНАГО ПРАВА

ДО XVII СТОЛѢТІЯ.

Какъ вообще въ русской исторіи, такъ въ частности—въ исторіи нашего права, есть цѣлыя столѣтія про которыя изслѣдователю приходится сказать весьма немного.

Однимъ изъ такихъ періодовъ времени наиболѣе темныхъ, наименѣе раскрытыхъ, въ нашей ученой литературѣ, остается до сихъ поръ областно—вѣчевой періодъ,—періодъ дѣйствія областныхъ законодательствъ. Исторически — бытовая жизнь областей, ихъ обособленность и различіе между собою, юридически-соціальныя учрежденія и мѣстнообразность ихъ—все это мало изслѣдовано. Конецъ XIII, XIV и большая половина XV столѣтій до сихъ поръ не останавливали на себѣ внимательнаго взгляда ни историка, ни юриста; и не удивительно—остановиться взгляду было не на чѣмъ, сдѣлать болѣе или менѣе правильные историческіе или юридическіе выводы было почти не изъ чего. Трудность изслѣдованія этого времени происходила не отъ многосложности и разнообразія историческихъ данныхъ: узаконеній, преданій, сказаній и т. д., какъ во многихъ случаяхъ, не отъ противорѣчивыхъ и запутанныхъ мнѣній ученыхъ объ этомъ историческомъ періодѣ, однимъ словомъ, не отъ богатства ис-

торическихъ данныхъ, а отъ того, что эти данныя не были систематически сгруппированы и достаточно обслѣдованы.

Въ самомъ дѣлѣ, періодъ этого времени, въ особенности съ конца XIII до начала XV столѣтія, до возвышенія Москвы и ея централизаціи, мало имѣетъ для изслѣдователя такихъ этнографически-юридическихъ, разработанныхъ научно матеріаловъ, какими обильны другіе періоды русской исторіи. Мѣстнообразные обычаи, сказанія и преданія различныхъ областей, повѣрья и обряды, пословицы и поговорки, существовавшіе въ нихъ, до настоящаго времени мало обслѣдованы. Къ тому же законодательство областей дошло до насъ не все, а дошедшее отрывочно, не полно, а иногда безсвязно. Однако, не смотря на такую трудность въ изслѣдованіи этого времени, теперь вполнѣ сознана важность и необходимость обстоятельнаго изученія областно—вѣчеваго періода. Подъ вліяніемъ этого сознанія явились сборники различныхъ мѣстныхъ законодательныхъ памятниковъ и актовъ, южной Россіи, западной, малороссіи, края Рязанскаго, Пермскаго; города Шуи и пр. Стали собираться мѣстныя сказанія и пѣсни, появились собранія обычаевъ, повѣрій и обрядовъ различныхъ мѣстностей. Но весь этотъ матеріалъ, не достаточно еще полный и не провѣренный историческою критикою, представляется, такъ сказать, только фундаментомъ будущихъ, историческихъ и юридическихъ изслѣдованій объ этомъ времени. *)

Все сказанное ведетъ къ мысли о невозможности въ настоящее время представить не только исторію областно-вѣчеваго періода, но болѣе или менѣе правильный, историческій очеркъ жизнедѣятельности областей и ихъ мѣстно-образнаго различій.

---

*) *Пискарева*—Древнія грамоты и акты Рязанскаго края. 1854 г.; *Борисова*—Акты, относящіеся до обычаевъ, нравовъ, обрядовъ и повѣрьевъ Шуянъ въ XVIIстолѣтіи; *Калачова*—Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи; Уставныя, Судебныя и губныя грамоты изъ древняго періода Россіи *Высоцкаго*. СПб. 1860 г.; *Берха* Древнія госуд. грамоты, наказныя памяти и пр. собранныя въ Пермской губерніи; этнографическіе матеріалы о Россіи въ географич. извѣстіяхъ съ 1854 г. и др.

Отказываясь такимъ образомъ отъ мысли изобразить разнообразіе областно-вѣчеваго быта въ различныхъ областяхъ, историку остается на основаніи причинной связи живущаго съ отжившимъ, прошедшаго съ настоящимъ, замѣчать общія черты этого времени и его историческія особенности. Отказываясь отъ основательнаго указанія вѣковаго различія жизнедѣятельности областей—историку остается указать на то, что было общимъ для всѣхъ областей и вывести общую идею этого періода.

Подчиняясь въ своемъ историческомъ развитіи тѣмъ же опредѣленнымъ законамъ, какъ и жизнь отдѣльнаго лица — жизнь цѣлаго народа во многомъ аналогична съ нею.

Какъ воспитаніе, образованіе и вся начальная обстановка опредѣляютъ характеръ отдѣльнаго человѣка, такъ первоначальная обстановка, или организація жизнедѣятельности цѣлаго народа опредѣляетъ характеръ его послѣдующаго развитія.

Какъ все, что можетъ быть названо своеобразнымъ, индивидуальнымъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, какъ все, чѣмъ отличается онъ отъ прочихъ членовъ общества восходитъ ко временамъ давно имъ прожитымъ, часто ко временамъ его дѣтства, такъ въ жизни цѣлаго народа повторяется тотъ же законъ и явленія извѣстнаго періода коренятся въ предшествовавшимъ ему.

Это сравненіе историческаго развитія народа съ развитіемъ отдѣльнаго человѣка яснѣе прочихъ показываетъ тѣсную связь разновременныхъ явленій и постепенность ихъ историческаго хода. Если же вся духовная жизнедѣятельность человѣка, его языкъ, понятія и нравы, есть результатъ имъ прожитаго, то точно также вся духовная дѣятельность цѣлаго народа—его языкъ, понятія и нравы есть результатъ имъ прожитаго. Такимъ образомъ всѣ явленія жизни и отдѣльнаго лица и цѣлаго народа, тожественныя между собою, представляютъ тѣсную связь отжившаго съ живущимъ, существовавшаго съ существующимъ.

„Изучайте ребенка на рукахъ его матери," говоритъ Токвиль, „всмотритесь въ міръ внѣшній, отражающійся еще въ

первый разъ, въ темномъ зеркалѣ его мышленія, замѣчайте его первныя впечатлѣнія, прислушивайтесь къ его дѣтскому лепету, въ которомъ выражается могущество его мысли, присутствуйте, наконецъ при первой борьбѣ, которую онъ долженъ выдержать въ свѣтѣ,—тогда только поймете откуда происходятъ его предразсудки, привычки и страсти, господствующіе во всю его жизнь.....

Почти тоже самое происходитъ и съ народомъ. Событія, сопровождавшія его рожденіе и развитіе, имѣютъ огромное вліяніе на его будущее" *).

Слова этаго извѣстнаго ученаго какъ нельзя болѣе подтверждаютъ высказанное выше мнѣніе.

Право составляя только одну изъ сторонъ духовной жизнедѣятельности народа, какъ и вообще оно, въ своемъ историческомъ развитіи слѣдуетъ тѣмъ же постояннымъ законамъ.

Какъ необходимый результатъ общественности, рождаясь и существуя въ народѣ, право заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ особенности народнаго опредѣленія общественныхъ отношеній, которыя придаютъ ему національный характеръ. Съ другой стороны, какъ всякій развивающійся организмъ, право подчиняется вліянію времени и проходитъ извѣстныя фазы.

Задача историка-юриста и заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы услѣдить и ясно высказать это національно-временное значеніе права.

Право есть развивающійся организмъ, но во всякомъ организмѣ послѣдующее развивается изъ предшествовавшаго; а весь организмъ представляя собою одно цѣльное, стройное развитіе извѣстной идеи, тѣмъ самымъ неразрывно связывается во всѣхъ своихъ частяхъ—тоже замѣчается и въ правѣ. Разсматриваемое вообще, оно представляется цѣльнымъ организмомъ юридическихъ понятій извѣстнаго народа, разсматриваемое въ частности, какъ выраженіе юридическихъ понятій извѣстнаго времени, оно представляется только ча-

---

*) Демократія въ Америкѣ—пер. Якубовича 1860 г. 1 т. стр. 20 и пр.

стью цѣлаго организма, но частью неразрывно связанною съ другими. Такимъ образомъ право извѣстнаго времени тѣсно связывается съ временемъ предшествовавшимъ, въ свою очередь, заключая въ себѣ зерно послѣдующаго развитія. На эту-то связь и должно быть обращено главное вниманіе историка-юриста, при изслѣдованіи общей идеи права даннаго времени.

Заключая въ себѣ сумму нормъ, опредѣляющихъ отношенія членовъ общества между собою и къ обществу—право извѣстнаго народа не высказывается въ одномъ его законодательствѣ, оно выражается народными обычаями, преданіями, обрядами, пословицами и поговорками.

Поэтому объемъ права всегда шире объема законодательства даннаго времени. Законодательство извѣстнаго народа и времени можно назвать преимущественнымъ выраженіемъ права этаго народа и времени, но не болѣе. И это положеніе нисколько не покажется страннымъ, если признать, что изображать, или выражать, существующее не всегда и не всѣмъ возможно такъ, какъ оно дѣйствительно существуетъ. Законодательство стремится, по возможности обнять и выразить полно и ясно тѣ начала права, которыя существуютъ въ извѣстное время у извѣстнаго народа; но дѣйствительное осуществленіе этого стремленія зависитъ отъ способности наблюденія и формулированья наблюдаемыхъ явленій. Эта же способность зависитъ, въ свою очередь, какъ отъ развитія самаго наблюдателя, такъ отъ большаго или меньшаго развитія, разнообразія и многосложности всего наблюдаемаго. Для примѣра стоитъ сравнить древнѣйшій періодъ нашего права—періодъ дѣйствія Русской Правды съ какимъ нибудь позднѣйшимъ. напр., періодомъ Уложенія 1649 г.

Такое различіе между правомъ и законодательствомъ заставляетъ историка-юриста при изслѣдованіи права даннаго времени основываться въ своихъ выводахъ не на однихъ только законоположеніяхъ, а на всѣхъ тѣхъ источникахъ, въ которыхъ болѣе или менѣе выразились основныя начала правоваго порядка. Историкъ-юристъ долженъ поэтому извлекать изъ всѣхъ матеріаловъ, относящихся къ извѣстному

времени, все то, что заключаетъ въ себѣ какія либо указанія на существовавшія правовыя нормы, не смотря на то, вошли ли онѣ въ законодательство или нѣтъ. Иначе, если онъ будетъ основываться на этихъ легальныхъ положеніяхъ, на законодательныхъ памятникахъ, его исторія будетъ только исторіею законодательства, изображающей начала права, какъ они формулированы въ законодательствѣ, а не какъ существовали въ дѣйствительности.

„Такимъ образомъ," говоритъ Ирингъ, „здѣсь находитъ историкъ плодородное поле для своей дѣятельности, но, мы должны также прибавить, поле, не рѣдко весьма опасное.

Чѣмъ далѣе онъ углубляется въ него, чѣмъ ближе старается проникнуть онъ къ самой мастерской исторіи, тѣмъ туманнѣе, тѣмъ неопредѣленнѣе будутъ образы, которые ему встрѣчаются, тѣмъ чаще вмѣсто преслѣдуемыхъ имъ обликовъ, будутъ попадаться ему блудящіе огни, грозящіе сбить его съ надлежащей дороги. Уже со многими, стремившимися распознать духъ даннаго предмета, игралъ этотъ духъ насмѣшливой шутки, увлекая ихъ то въ ту, то въ другую сторону и, наконецъ, подсовывая въ ихъ руки вмѣсто себя какой нибудь фантомъ, который только самому изыскателю и, никому изъ постороннихъ лицъ, не могъ предоставиться тѣмъ, за что онъ былъ принятъ."

Къ сожалѣнію, въ нашей юридической литературѣ всѣ почти историческіе труды касаются только исторіи законодательства и съ этой стороны мало представляется пособій для изслѣдователя характера права извѣстнаго времени. Что же касается самихъ матеріаловъ къ изученію русскаго права древняго времени, то и здѣсь встрѣчаетъ изслѣдователя и недостаточная разработка самихъ матеріаловъ по отсутствію археографическихъ комментарій къ нимъ, не уясненія филологическимъ путемъ самой терминологіи встрѣчающейся въ нихъ; и не малая трудность извлечь изъ такихъ матеріаловъ, не провѣренныхъ строгою, историческою критикою, основныя начала права. Впрочемъ въ настоящее время, при изданіи древне-русскихъ, юридическихъ памятниковъ археографическою экспедиціею, при изданіи разныхъ истори-

ческихъ актовъ, сборниковъ древне-русскихъ былинъ и сказаній и другихъ памятниковъ духовной дѣятельности народа, изслѣдованіе древне-русскаго права становится значительно легче; въ этомъ отношеніи большую подмогу для изслѣдователя составляетъ также изданіе полнаго собранія русскихъ лѣтописей. *)

Въ настоящей характеристикѣ я старался, по возможности представить въ главныхъ основаніяхъ процессъ образованія русскаго уголовнаго права, въ связи съ историческими явленіями юридическаго быта, до XVII столѣтія, какъ времени положившимъ начало новой эпохи въ развитіи нашего уголовнаго права.

Высказывая свой общій взглядъ — отчасти, на основаніи собственныхъ выводовъ изъ историко-юридическихъ источниковъ древне-русскаго права, —отчасти на основаніи, новѣйшихъ историко-этнографическихъ и юридическихъ изслѣдованій,—я не вдаюсь въ подробное разсмотрѣніе нѣкоторыхъ вопросовъ по исторіи русскаго уголовнаго права, предоставляя это болѣе спеціальнымъ и болѣе подробнымъ изслѣдованіямъ, достоинствъ которыхъ не можетъ имѣть настоящая характеристика.

I.

Областно-вѣчевой періодъ.

Славянскія племена, имѣвшія „каждо свои обычаи, каждо свой нравъ,“ съ утвержденіемъ надъ ними одной княжеской власти въ лицѣ Рюрика, Олега, Игоря, Ольги и Святослава,

---

*) Но, говоритъ *Зибель*, историку вообще крайне трудно представить совершенно правильно, ясно и отчетливо историческія событія. „Большею частію ему приходится ограничиваться или возстановленіемъ произшествій изъ ихъ видимыхъ еще ему отрывковъ или слѣдствій, или же начертаніемъ картины его по свидѣтельствамъ третьихъ лицъ, которыя сами видѣли дѣло и притомъ *предположительно*, хорошо наблюдали, или узнали о немъ отъ очевидцевъ и притомъ, *предположительно*, хорошихъ очевидцевъ“—о законахъ историческаго знанія. Спб. 1867 г. переводъ *Никитскаго* стр. 9.

въ продолженіи этихъ пяти княженій были соединены первыми князьями въ одно цѣлое,—землю Русскую. Но это объединеніе, выражаемое преимущественно единствомъ представителя верховной власти, какъ болѣе внѣшнее, не могло заглушить историческаго различія славянскихъ племенъ, которое и высказалось въ русской исторіи вскорѣ послѣ этихъ пяти княженій, какъ только княжеская власть, прежде единая въ землѣ русской, стала принадлежать нѣсколькимъ князьямъ. Начало такой раздѣльности власти положено было Святославомъ, установившимъ княземъ у Полянъ своего сына Ярополка, у Древлянъ—Олега, у Новгородцевъ—Владиміра. Впрочемъ эта раздѣльность, высказавшаяся еще по смерти Владиміра, утвердилась окончательно лишь по смерти Ярослава I, раздавшаго пятерымъ сыновьямъ своимъ различныя княженія въ землѣ русской. Съ этихъ поръ, т. е. съ половины XI ст. начинаетъ яснѣе выражаться различіе прежней племенной особности и ихъ историческо-бытовой разрозненности, проявляясь въ различіи жизнедѣятельности княжествъ или области. Эти области, управляемыя отдѣльными другъ отъ друга независимыми князьями, снова пріобрѣтаютъ самостоятельное и независимое значеніе и земля изъ единой русской, дѣлается Новгородской, Псковской, Кіевской, какъ и сами князья этихъ областей, противуположно первымъ собирателямъ государства князьямъ Русскимъ становятся князьями Новгородскими, Кіевскими и т. д. Каждая область стала называться по имени главнаго города въ ней, стала имѣть своихъ управителей и судей, своихъ военачальниковъ и свою рать. Каждая область могла вступать въ различные договоры съ кѣмъ ей угодно и пользоваться такой же внѣшней самостоятельностью, какъ и другія. Между собою области опредѣляли различныя отношенія рядными грамотами, въ которыхъ полагались всякіе споры между жителями различныхъ областей разбирать „судомъ обчимъ,“ или же „ѣхать на третей,“ кого изберутъ. Не признавая такимъ образомъ ни за кѣмъ исключительнаго права разбора между-областныхъ споровъ, кромѣ суда выборныхъ третьихъ, области тѣмъ самымъ высказывали свою полную независимость въ отно-

шеніи суда, какъ высказывали ее въ отношеніи управленія.

При такой раздѣльности и независимости областей, всѣ прежнія, ихъ историческо-бытовыя различія стали обнаруживаться болѣе и болѣе. Эти различія выражались въ разнообразныхъ, областныхъ обычаяхъ, повѣрьяхъ, обрядахъ, былинахъ, пѣсняхъ, пословицахъ и поговоркахъ. Каждая область имѣла своихъ святыхъ, „каждая область своихъ блажитъ," говорятъ источники, каждая область имѣла свои мѣстные, издавна почитаемые, храмы; такими храмами, напр., были въ Новгородѣ и Кіевѣ церкви Св. Софіи, въ Псковѣ Св. Троицы. Каждая область вела свою мѣстную лѣтопись, въ которую вписывала всѣ свои замѣчательныя происшествія; этимъ объясняется почему мы не имѣемъ одной русской лѣтописи, а имѣемъ собраніе русскихъ лѣтописей, изъ которыхъ почти каждая отличается своеобразностью характера. Каждая область разнилась отъ другихъ различіемъ произношенія словъ и напѣва пѣсенъ. Каждая область сообразно своей мѣстности и другимъ обстоятельствамъ отличалась отъ прочихъ и въ промышленно-экономическомъ отношеніи: каждая область имѣла какую-нибудь преобладавшую промышленность; такъ Новгородцы считались древодѣлами, плотниками, Ярославцы убрусниками и пр. Различіе областей высказалось и въ чисто внѣшнемъ отношеніи—въ постройкѣ зданій и въ покроѣ платья. Всѣ эти различія жизнедѣятельности областей не могли не отразиться и на характерѣ самого народа; такъ характеръ Новгородцевъ, Псковитянъ и Вятичей отличался своеволіемъ и независимостью, а характеръ москвичей любовью къ Богу и преданностью къ князю. Наконецъ различіе областей отразилось и въ правѣ, древнѣйшій періодъ котораго заканчивается Русскою Правдою. Съ этого времени въ жизни народа начинаютъ возникать мѣстные юридическіе обычаи, которыя и образуютъ общія законодателства для каждой той области, гдѣ они возникаютъ.

Такъ зараждаются областныя законодательства. Общія начала права, выраженныя въ Русской Правдѣ, не перестаютъ

существовать и въ этихъ раждающихся законодательствахъ, но эти начала обособляются, получаютъ мѣстный оттѣнокъ, и въ нихъ мы уже не замѣчаемъ той общности и цѣльности какъ въ Правдѣ. Правда изъ русской дѣлается Новгородской, Псковской, Кіевской и т. д.

Эта-то исторически-бытовая своеобразность областей, впервые указанная извѣстными нашими историками Костомаровымъ и Щаповымъ, въ настоящее время можетъ быть признана существеннымъ, неопровержимымъ фактомъ русской исторіи.

Но какъ разнообразіе вѣтвей одного и того же корня не можетъ уничтожить внутренняго единства между частями цѣлаго растенія, такъ и мѣстнообразное различіе областей не могло уничтожить ихъ внутренней, объединяющей связи, выразившейся въ единствѣ языка, религіи и ихъ соціально-политическомъ бытѣ. „Географическая мѣстность страны," говоритъ Костомаровъ, „и обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сложился бытъ восточныхъ славянъ, произвели на долго въ историческомъ развитіи народа сочетаніе единства и цѣлости земли съ раздѣльностію частей ея и своеобразностью жизни въ каждой изъ этихъ частей." *) Такимъ образомъ, какъ составныя части одного и того же цѣлаго различныя области, не смотря на свою видимую особность необходимо должны были имѣть между собою извѣстную общность, которая дѣйствительно и проявилась въ народовластіи древнѣйшаго времени.

Народъ, искавшій въ княжеской власти только объединенія и умиренія усобицъ, происходившихъ отъ безграничности народовластія, добивавшійся только порядка отъ княжеской власти, не желалъ вовсе ея безграничности и ограничивалъ ее ограниченнымъ ею народовластіемъ, удерживаемымъ столько же силою привычки, сколько и необходимости. Взаимно опредѣляясь и наблюдая одна за другой встрѣчаются эти

*) Основа, 1861 г., № 1; см. также *Щапова* Великорусскія области и Смутное время.

двѣ власти въ русской исторіи, сначала совмѣстно, потомъ враждебно и наконецъ,—подчиненно. Во время раздѣльности земли русской на многія княжества или области, сообразно ихъ историческо-бытовой разрозненности, народовластіе существовало совмѣстно *съ княжескою властью* и заявляло себя по прежнему въ участіи самаго народа во всемъ общественномъ строѣ того времени. Народъ, какъ только новый князь садился на столъ, уряживался съ нимъ объ его правахъ и обязанностяхъ и предложивъ ему извѣстныя условія, требовалъ, чтобъ князь „суженаго, ряженаго не посужалъ;“ князь, принявъ условія отъ народа, обыкновенно закрѣплялъ ихъ исполненіе крестнымъ цѣлованіемъ и послѣ этого только становился областнымъ княземъ. Это крестное цѣлованіе, или клятвенное обѣщаніе, отбираемое отъ каждаго почти князя, встрѣчается едва ли не во всѣхъ областяхъ до XV ст. Когда князь начиналъ забывать свой рядъ съ народомъ и отклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, тотъ же народъ напоминалъ ему почасту „ряду нашего не посужати,“ а править и судить „по крестному цѣлованію въ правду.“ Если же князь, не смотря на напоминаніе, явно начиналъ злоупотреблять своей властью и произвольничать, народъ прямо говорилъ ему: „не можемъ терпѣть твоего насилія, пойди прочь,“ и показывалъ ему „путь отъ себя,“ какъ говорятъ источники, послѣ чего, по изгнаніи князя, избиралъ себѣ новаго, уряживаясь и съ нимъ не нарушать обычно-народнаго порядка, „какъ то изстари пошло.“ Это уряживанье съ княземъ, какъ и его изгнаніе народомъ, въ особенности рѣзко выразилось въ сѣверно-русскихъ областяхъ. Такъ въ области Новгородской, болѣе другихъ отличавшейся своею независимостью и народовластіемъ, въ теченіи одного XII столѣтія было смѣнено около 50 князей. Слишкомъ любившіе свою свободу и дорожившіе своимъ народовластіемъ, Новгородцы, при малѣйшей произвольности князя, изгоняли его, „коли худъ князь, такъ его въ грязь,“ говорили они. Избранная, такимъ образомъ, областями власть становилась рядомъ съ народной и опять по прежнему на ряду съ княжескимъ управленіемъ и судомъ шло обычно-

народное самоуправленіе и самосудъ. Рядомъ съ княжескими намѣстниками, волостелями, тіунами и прочими его чиновниками стояли земскіе выборные: посадники, старосты, десятскіе, сотскіе, тысячскіе и другіе, и существовали на ряду съ княжескими узаконеніями юридическіе обычаи народа. Такъ какъ князь и вѣче, законъ и обычай, чиновникъ и выборный шли по одной и той же дорогѣ, другъ другъ не сбивая и неостанавливая, но одинъ другаго наблюдая и направляя. Съ перваго взгляда кажется страннымъ такое двоевластіе областей, но по внимательномъ разсмотрѣніи эта странность уничтожается. Области не были какими-то двухголовыми, чудовищными организмами, а князь и вѣче двумя членами организма съ одними и тѣми же отправленіями. Утверждать это, значитъ утверждать возможность совмѣстнаго существованія нѣсколькихъ верховныхъ властей въ одномъ и томъ же политическомъ цѣломъ: чего не было, да и не могло быть въ областяхъ. Ни князь, ни народъ, каждый отдѣльно, ни были представителями верховной власти, а оба вмѣстѣ составляли одну верховную власть. По этому и терминъ, употребленный мною,—„двоевластіе“ областно-вѣчеваго періода обозначаетъ не двѣ равно-правныя власти, а двойственность одной верховной власти, дѣлившейся между княземъ и народнымъ вѣчемъ. Однимъ словомъ, какъ князь, считаясь представителемъ началъ государственной власти, былъ средоточіемъ всего государственнаго, такъ вѣче, считаясь представителемъ началъ народовластія, было средоточіемъ всего обычно-народнаго. Такимъ образомъ верховная власть, совмѣщая въ себѣ элементы княжескій и народный, какъ двѣ рѣки сливающіяся въ одно русло, составляла одно цѣльное опредѣленное понятіе.

Каждый князь былъ представителемъ государственныхъ интересовъ своей области и внутри ея и въ внѣшнихъ отношеніяхъ. Онъ былъ главнымъ начальникомъ областнаго войска, онъ назначалъ въ различныя должности членовъ своей дружины, онъ установлялъ налоги и дани, собиралъ ихъ посредствомъ своихъ чиновниковъ и расходовалъ по своимъ соображеніямъ. Онъ имѣлъ право издавать свои уза-

коненія и возводить въ законъ народные обычаи; онъ de jure считался главою администраціи и суда, отъ него зависѣло награжденіе и наказаніе своихъ чиновниковъ. Онъ имѣлъ свой дворъ и пользовался различными преимуществами и ему отдавались различныя внѣшнія почести. Но всѣ эти права княжеской власти ограничивались правами народнаго вѣча *).

Вѣче было выраженіемъ политической власти народа, потому что на вѣчѣ народъ избиралъ себѣ князя, на вѣчѣ же избирались земскіе выборные—посадники и тысячскіе, въ городахъ, старосты и десятскіе, иногда сотскіе, въ селахъ и деревняхъ. Вѣче было выраженіемъ и законодательной власти, потому что на вѣчѣ составлялись областныя законодательства и судныя грамоты; такъ въ Новгородѣ въ 1471 г., а въ Псковѣ въ концѣ XIV столѣтія или началѣ XV столѣтія были составлены такія грамоты. Вѣче, наконецъ, было выраженіемъ административной и судебной власти народа, потому что вѣче было главою центральнаго, обычно-народнаго самоуправленія и самосуда. Во всѣхъ важныхъ, общественныхъ случаяхъ сходилось народное вѣче и, выслушавъ предложеніе князя или посадника принимало или отвергало ихъ предложенія и постановляло свой приговоръ, въ дѣлахъ внутренняго управленія. Въ судебномъ отношеніи вѣче судило обвиняемыхъ народомъ и наказывало осужденныхъ, оно было верховно-уголовнымъ трибуналомъ въ дѣлахъ о государственныхъ преступленіяхъ; оно лишало посадниковъ—посадничества, князей—княжества.

Таковъ былъ государственный строй областей, основанный на исторически-бытовыхъ условіяхъ.

Саморазвитіе разнообразныхъ, жизненныхъ силъ, въ свободномъ проявленіи дѣятельности народа, составляютъ отличительный признакъ областно-вѣчеваго періода. Свобода была яснымъ солнцемъ того времени свѣтящимъ каждому и согрѣвающимъ одинаково всѣхъ, кто только признавался свободнымъ въ соціальномъ быту того времени, она была жиз-

*) *Сергѣевичъ*—Вѣче и Князь. М. 1867 г.

неннымъ началомъ и выражалась во всѣхъ явленіяхъ государственнаго и общественнаго быта.

Какъ свободно было избраніе областями того или другаго князя, такъ для жителей областей было свободно избраніе той или другой области для своего мѣстожительства. „А боярамъ и слугамъ межъ насъ вольнымъ воля," договаривались областные князья въ своихъ рядныхъ грамотахъ. Вольнымъ воля существовала и въ избраніи рода службы, извѣстной промышленности, опредѣленнаго занятія и т. д.

Такимъ образомъ раздѣльность русской земли на самостоятельныя области, сообразно ихъ исторически-бытовой разрозненности, съ внутреннимъ, органическимъ единствомъ ихъ между собою, составляетъ основу областно-вѣчеваго періода.

Исторически-бытовая разрозненность славянскихъ племенъ, выразившаяся въ раздѣленіи земли русской на многія, самостоятельныя области, отразившаяся въ ихъ юридическомъ быту, не могла не отразиться въ частности и въ сферѣ уголовнаго права.

Но принимая во вниманіе то обстоятельство, что это раздѣльность на самостоятельныя области не уничтожала ихъ внутренняго между собою единства, какъ вѣтвей одного и того же корня, нельзя не думать, что это различіе было болѣе во внѣшности, чѣмъ въ содержаніи, болѣе формальное, чѣмъ матеріальное. Матеріалъ изъ котораго строились, фундаментъ на которомъ строились областныя, уголовныя законодательства не могли не быть общими одинаковыми для всѣхъ областей и только самая, такъ сказать, архитектура зданій носила мѣстный характеръ. Не долго продолжая свое самостоятельное существованіе, области не могли окончательно обособиться и выработать своеобразныя, рѣзкія особенности, бросающіяся прямо въ глаза, а поэтому не утратили онѣ и своего общаго единства, слишкомъ замѣтнаго, чтобы упустить его изъ виду. Такимъ образомъ первая наша задача въ этой характеристикѣ уголовнаго права, указать на его единство въ различныхъ областяхъ и вывести общія начала проявившіяся въ немъ.

Съ исторической точки зрѣнія это внутреннее единство происходившее изъ общаго, характеристическаго признака различныхъ областей—народовластія и на ряду съ нимъ поставленной княжеской власти выразилось въ двойственности юридическаго быта. Вторая задача наша указать на сколько выразилась эта двойственность въ уголовномъ правѣ.

Наконецъ наша третья задача, на основаніи тѣсной, причинной связи историческаго развитія явленій вообще, и права въ особенности, указать на существовавшія основанія уголовнаго права времени предшествовавшаго областно-вѣчевому періоду и на тѣ, которыя явились впослѣдствіи, однимъ словомъ, указать общій характеръ уголовнаго права разсматриваемаго періода.

Служа выраженіемъ существующаго взгляда извѣстнаго времени на преступленіе и наказаніе, уголовное право областно-вѣчеваго періода не представляется еще вполнѣ обособившимся. Слѣды прежняго воззрѣнія временъ Р. Правды, что вообще всякое нарушеніе права, безъ яснаго различія способа нарушенія, вызываетъ реакцію, отразилось въ смѣшеніи гражданскаго и уголовнаго нарушенія правъ. А слѣдъ воззрѣнія на преимущественное право реакціи противъ правонарушителя непосредственно потерпѣвшему отразился въ неясномъ разграниченіи частнаго удовлетворенія и наказанія въ собственномъ смыслѣ.

Истцомъ въ это время назывался и контрагентъ въ гражданскомъ дѣлѣ и непосредственно-обиженный въ уголовномъ, а иногда даже и самъ преступникъ. *) Какъ истецъ въ гражданскомъ дѣлѣ могъ кончить мировой, такъ непосредственно-пострадавшій отъ преступленія могъ помириться съ преступникомъ и прекратить тѣмъ нетолько свое взысканіе, но и избавить его отъ самаго наказанія: „А на тати и на разбойники же чего истецъ не возметъ, ино и князю продажа не взяти“, узаконяетъ Псковская судебная гра-

*) Пск. Суд. Грам. *Энгельмана* 71, § 45, 120, 84, 163, 109. А. А. Э. I т. № 92.

мота. *) Основное правило гражданскаго обвинительнаго процесса—„безъ истца нѣтъ суда“, примѣнялось иногда и къ уголовнымъ преступленіямъ, почему и наказаніе за нихъ отожествлялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ гражданскимъ. Такъ, когда кредиторъ жаловался на должника, оскорбленный словесною, или реальною обидою на своего обидчика, каждый изъ этихъ двухъ лицъ разсматривался какъ контрагентъ въ гражданскомъ дѣлѣ, и каждый могъ требовать рѣшенія дѣла поединкомъ,—„полемъ“. Тотъ, кто оставался побитымъ, или убитымъ, признавался обыкновенно и виновнымъ и изъ его остатковъ доправлялись истцевые иски и взыскивалась княжая продажа. **) Такимъ образомъ, частный гражданскій характеръ проглядывалъ въ наказуемости многихъ преступленій этого времени, а нѣкоторыя, гражданскія правонарушенія разсматривались какъ уголовныя. Но это смѣшеніе никакъ не указываетъ на полную безразличность гражданской и уголовной неправды въ глазахъ тогдашняго общества и отсутствіе опредѣленной грани, такъ сказать демаркаціонной черты, между ними, не уничтожало ихъ различія между собою.

Съ одной стороны, будучи выраженіемъ началъ прежняго времени, уголовное право областно-вѣчеваго періода не успѣло еще обособиться и отдѣлиться отъ сферы чистогражданскаго права, съ другой — какъ результатъ болѣе развившихся и уясненныхъ понятій о правѣ, оно не могло не выразить въ себѣ началъ уголовнаго права съ спеціальнымъ его значеніемъ.

Такъ въ противуположность прежнему господству самоуправства въ областныхъ законодательствахъ видно стремленіе уничточтожить его. „А до суда надъ нимъ (подсудимымъ) силы не дѣять“, узаконяетъ Новгородская судная грамота, „а кто силу доспѣетъ, ино тымъ его и обинить.“ Тоже запрещеніе самовольной расправы установляется и

---

*) Ibid. II. С. Г.

**) Псков. Суд. Гр. 71 стр. § 44 (Изслѣдованіе Энгельмана).

въ Псковской судной грамотѣ: „а кто предъ господою ударитъ на судѣ своего истца, ино его въ рубли выдать тому человѣку, а князю продажа". Далѣе, противуположно существовавшій прежде гражданской, обвинительной формѣ процесса въ областныхъ законодательствахъ зачатки инаго изгляда, по которому извѣстныя правонарушенія преслѣдовались и безъ жалобы обиженнаго, что ясно видно изъ слѣдующихъ словъ Псков. суд. грам. „А гдѣ учинится бой, у торгу, или на улицы, во Псковѣ, или на пригородѣ, или въ селѣ, на волости, въ пиру, а грабежу не будетъ, а тотъ бой многы люди видѣли въ торгу, или на улицы, или въ пиру, а ставши предъ ними человѣка 4 или 5, аркучи слово: того билъ; ино кто бився, того человѣка на ихъ душа выдати въ рубли битому человѣку; а княжая продажа". *) Обыкновенно представляя самимъ сторонамъ „слаться на своихъ послуховъ", по сущности обвинительнаго процесса, Псковская судная грамота вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, пріисканіе послуховъ и вообще уголовныхъ доказательствъ возлагаетъ на самъ судъ, что уже составляетъ одинъ изъ основныхъ признаковъ слѣдственнаго процесса. **) Новгородская судная грамота точно также предоставляя право вѣдаться сторонамъ свободно: „знать истцю исца", обвиняемыхъ въ татьбѣ, убійствѣ, грабежѣ и разбоѣ предписываетъ не укрывать, а поставить на судъ, въ противномъ случаѣ подвергаетъ виновнаго платежу общественной пени, кромѣ частнаго удовлетворенія истца. ***) Таже грамота разбирательство дѣлъ уголовныхъ о наѣздѣ и грабежѣ, въ случаѣ столкновенія ихъ съ гражданскими правонарушеніями, предписываетъ разбирать и рѣшать прежде послѣднихъ: „А кто на комъ поищетъ наѣзда, или грабежа въ земскомь дѣлѣ, ино судити напередъ наѣздъ и грабежъ, а о землѣ послѣ судъ". ****)

---

*) Пск. Суд. Гр. 168 стр. § 114.
**) Ibid. §§ 94 и 95.
***) А. А. Э. т. I, № 92.
****) Ibid.

Что же собственно называлось преступленіемъ и въ чемъ состоялъ его отличительный характеръ?

Въ настоящее время преступленіемъ называется такое нарушеніе права, которое влечетъ за собою преслѣдованіе и наказаніе въ интересѣ цѣлаго общества; наоборотъ, гражданскимъ правонарушеніемъ считается только то, которое преслѣдуется и наказывается въ интересѣ частнаго лица. Уже изъ этого чисто-внѣшняго различія видно, что основаніе дѣленія правонарушеній заключается въ самомъ характерѣ ихъ: тѣ нарушенія, которыя оскорбляютъ все общество, нарушая его права, смущая его спокойствіе, причиняя ему вредъ въ настоящемъ и угрожая опасностью въ будущемъ—получаютъ собственно значеніе преступленій; остальныя нарушенія, оскорбляющія преимущественно частное лицо, имѣютъ значеніе собственно гражданскихъ правонарушеній. По этому уголовныя правонарушенія можно назвать общественными, гражданскія же частными. Съ общественнымъ значеніемъ является преступленіе и въ исторіи. На какой бы степени развитія не стоялъ народъ, для него дѣйствія, нарушающія въ существѣ правовой, общественный порядокъ были и будутъ всегда преступленіемъ. *)

Высказанное положеніе повидимому опровергается тѣмъ, что не всегда одни и тѣже дѣйствія считались преступленіями, а напротивъ, напр. убійство, считаемое теперь преступленіемъ, въ русскомъ правѣ стало наказываться въ собственно-уголовномъ смыслѣ не ранѣе судебниковъ, до этого же времени наказуемость его, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ и взысканіе за гражданское нарушеніе, отмѣнялось вслѣдствіе мироваго соглашенія потерпѣвшаго отъ преступленія съ преступникомъ. Съ другой стороны неплатежъ долга, признаваемый за гражданское правонарушеніе, въ древне-рус-

*) Курсъ уголовнаго права—*Спасовича* 1863 г. стр. 68—87; очеркъ теоріи уголовнаго права *Чебышева—Дмитріева* (Юрид. журналъ Салманова); его-же „о правѣ наказанія“, Ярославль, 1859 г.; Учебникъ—*Бернгра*, переводъ *Неклюдова* и приложенія къ нему; *Будзинскій* Начала уголовнаго права, 1870 г. *Таганцевъ* о повтореніи преступленій (Жур. М. Ю. 1866 г. кн. 12).

скомъ правѣ стоялъ на ряду съ «боемъ, лаемъ и грабежемъ и наказывался одинаково съ этими преступными дѣйствіями.

Изъ этаго слѣдуетъ повидимому то, что не считалось преступленіемъ прежде можетъ сдѣлаться таковымъ впослѣдствіи и на оборотъ дѣйствіе, признаваемое за преступное и наказываемое уголовно, можетъ со временемъ потерять свой уголовный характеръ и признаваться безнаказаннымъ; однимъ словомъ изъ этого слѣдуетъ, что преступленіе не имѣетъ въ себѣ самомъ отличительнаго признака, а зависитъ отъ воззрѣній народа даннаго времени, и что вообще все уголовное право имѣетъ временное, условное значеніе.

Но это только повидимому. Преступленіе было, есть и будетъ всегда преступленіемъ съ присущими ему элементами правонарушимостью и противуобщественностью. Эти два элемента входятъ въ понятіе всякаго преступленія и отличаютъ его отъ множества преступныхъ дѣйствій или запретовъ, наказуемыхъ въ силу ихъ противурелигіозности, противунравственности и по силѣ многихъ другихъ причинъ. Конечно, не отличая многихъ законодательныхъ запретовъ, являющихся подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, отъ преступленій въ собственномъ смыслѣ, можно сказать, что объемъ преступныхъ дѣйствій измѣняется, сообразно духу времени и взгляду законодательства. Уложеніе 1649 г. напр. составленное подъ сильнымъ вліяніемъ и государственныхъ и византійско-каноническихъ тенденцій, представляетъ неоспоримое явленіе увеличенія объема преступныхъ дѣйствій по русскому уголовному праву. Но замѣтимъ, что всякое законодательство, сколько бы оно не увеличивало числа преступныхъ дѣйствій своимъ запрещеніемъ, не можетъ исключить изъ числа ихъ тѣ дѣйствія, которыя являются собственно преступленіями. *) Этимъ то и отличается преступленіе по существу своему отъ преступленія по закону. Законодательные запреты увеличиваются и уменьшаются: „брань и табачничество“, объявленныя Уложеніемъ

*) Преступленія по существу своему можно бы назвать delicta juris gentium; преступленія же по законодательству—delicta juris civilis.

1649 г. дѣйствіями преступными, *) не считались за преступныя до Уложенія, какъ несчитаются преступленіями по современному законодательству. Между тѣмъ противуобщественныя преступленія, въ собственномъ смыслѣ слова, съ древнѣйшаго и до настоящаго времени считаются преступленіями. Съ этой точки зрѣнія преступленіе является съ неизмѣннымъ, постояннымъ характеромъ и примѣняется только наказаніе его, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ.

Во времена Рус. Правды убійство и воровство считались такими же преступленіями, какъ во времена областно-вѣчеваго періода, но наказанія за убійство и воровство по Рус. Правдѣ и областнымъ законодательствамъ были различны.

Прежде, въ первичномъ обществѣ, по недостатку спеціальныхъ органовъ для преслѣдованія и наказанія виновныхъ, каждый обиженный, естественно, долженъ былъ становиться такимъ органомъ и самъ непосредственно преслѣдовать и наказывать, какъ преступниковъ, такъ и гражданскихъ правонарушителей. Не удивительно при этомъ, что наказывая уголовнаго преступника, напр. вора, частное лицо ставило его на одну доску съ неисправнымъ должникомъ, потому что въ обоихъ дѣйствіяхъ, при неразвитости тогдашнихъ понятій о правѣ, видѣло одинаковое нарушеніе своего права. При такомъ соціальномъ бытѣ, общество непосредственно само преслѣдовало и наказывало преступника только въ исключительвыхъ случаяхъ. Ему не было необходимости выражать свою уголовно-карательную власть во всѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ преступленій, потому что эта власть выражалась въ органахъ его воли, обиженныхъ преступленіемъ частныхъ лицахъ. Для нихъ это наказаніе преступника было, такъ сказать, обязательнымъ правомъ. И только за невозможностью наказанія преступника непосредственно-обиженному, или въ другихъ исключительныхъ случаяхъ, само общество преслѣдовало и наказывало виновныхъ, или уполномочивало къ тому извѣстныхъ лицъ. Такъ, родствен-

*) Ул. XXV; А. А. Э. IV, № 30.

ный союзъ въ первичное время преслѣдовалъ и наказывалъ обиду своего члена при невозможности наказать ее непосредственно-обиженному. По ослабленіи родственныхъ связей, юридическій союзъ, напр. русская община, поглотившая собою родственный союзъ точно также преслѣдовала и наказывала преступниковъ въ случаяхъ исключительныхъ, экстраординарныхъ, признавая за родственниками убитаго, или за непосредственно-обиженнымъ право наказанія во всѣхъ обыкновенныхъ, ординарныхъ преступленіяхъ. Наконецъ государство, поглотившее собою общину, въ свою очередь, долго признаетъ за ней право наказывать ординарныя преступленія, сохраняя между тѣмъ за ними государственное значеніе. Такимъ образомъ, въ какой бы формѣ не существовало общество, преступленіе всегда носитъ общественный характеръ. Въ быту родственномъ оно считалось оскорбленіемъ всего родственнаго союза, въ общинномъ—общины въ государственномъ—государства.

Но сохраняя свой общественный характеръ, преступленіе какъ я замѣтилъ, по различію формъ общественной жизни, преслѣдовалось и наказывалось неодинаково,

Во времена областно-вѣчеваго періода, преступленіе, сохраняя свое общественное значеніе, продолжаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ преслѣдоваться и наказываться непосредственно-обиженными и его родственниками. Съ этой то стороны преступленіе и кажется имѣющимъ не общественное, а частное значеніе, все равно, какъ увидимъ послѣ, представляется оно въ иныхъ случаяхъ неимѣющимъ государственнаго значенія въ московскомъ государствѣ. Но эта сторона не должна закрывать собою общественнаго значенія преступленія, съ которымъ оно существуетъ всегда, съ которымъ является и въ разсматриваемое время.

Въ періодъ Рус. Правды наиболѣе тяжкія преступленія, по воззрѣнію того общества, подвергались наказаніямъ собственно уголовнымъ—личнымъ; такими преступленіями были: поджогъ, разбой, конокрадство и нѣкоторыя другія. По Псковской судной грамотѣ тяжкія преступленія также подвергались наказаніямъ личнымъ: перевѣтъ (измѣна), поджогъ,

татьба кромская (изъ Кремля) и конокрадство наказывались смертью: „А кромскому татю и коневому и перевѣтнику и зажигательнику тѣмъ живота не дати". *) Разбой Псковская судная грамота не причисляетъ къ этимъ преступленіямъ, а ставитъ на ряду съ „находомъ" и „грабежомъ". Причина, почему разбой не стоитъ на ряду съ тяжкими преступленіями, какъ по Рус. Правдѣ, можетъ быть дѣйствительно заключается въ томъ, какъ думаетъ г. Богдановскій, что слово „разбой" въ Рус. Правдѣ и въ Псковской судной грамотѣ означало неодинаковыя преступленія. **) Впрочемъ и по Псковской судной грамотѣ преслѣдованіе и наказаніе разбоя не предоставлялись одному истцу: „пакы тои же истецъ," узаконяетъ грамота, „на комъ сочатъ разбоя не почнетъ слаться на послуха, іно чтобъ неслался одинъ *истецъ іно господа послатъ съ суду*, своихъ людей." ***) Обыкновенное воровство, въ третій разъ совершенное, наказывалось также смертью: „а въ третій разъ изличивъ (вора) живота ему не дати, какъ и кромскому татю". ****) Въ этомъ правилѣ, выраженномъ еще въ Рус. Правдѣ, †) видно древне-русское основаніе увеличенія наказанія за рецидивъ, существующій и теперь въ народномъ быту, высказываясь въ пословицѣ: „третья вина виновата".

По Новгородской судной грамотѣ, хотя и не существовало личныхъ наказаній за болѣе тяжкія преступленія, тѣмъ не менѣе все-таки нѣкоторыя преступленія, по тяжести наказанія выдвигались изъ ряда другихъ; такими преступленіями были: наѣздъ, грабежъ, самовольное оставленіе судьей должности и наводка или нападеніе (въ Пск. суд. гр. находъ. †*)

Какъ видно изъ этого въ областныхъ законодательствахъ

---

*) П. С. Г. 73, § 46.

**) Истор. разв. понят. о прест. и наказ. въ Р. Правдѣ до Петра 1-го 1857 г. 102.

***) П. С. Г. § 95, 16.

****) ibid 76, § 48, 17.

†) 55 Тр. сп.

†*) А. А. Э. I, № 92

далеко не всѣ преступленія имѣли значеніе собственно уголовныхъ и немногія влекли за собою собственно уголовныя наказанія. Но законодательство народа не есть его право. Въ тоже время, когда законодательство только зараждалось когда всѣ почти общественныя отношенія опредѣлялись обычаями, законодательство далеко было отъ дѣйствительности. Мы съ рожденія до смерти живущіе въ государствѣ, гдѣ всѣ наши отношенія опредѣляются положительнымъ закономъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ опредѣляемъ ихъ обычаями. Въ древнемъ обществѣ было не такъ. Начала права прежде чѣмъ перейти въ слово существуютъ въ умѣ, точно также прежде чѣмъ перейдти въ писанный законъ, они существуютъ въ словесномъ обычаѣ. Не многосложность такихъ обычаевъ, въ первичное время, дѣлаетъ нетруднымъ ихъ запоминаніе и обычное право заступаетъ законодательство. Со временемъ общественныя отношенія усложняются болѣе и болѣе, обычаи ихъ опредѣляющіе накопляются въ большомъ количествѣ и для человѣка настаетъ трудность, даже невозможность, удержать ихъ въ памяти. Въ это время на помощь слову является письмо и рядомъ съ обычнымъ правомъ возникаетъ законодательство. Но это законодательство грубо, не полно и не ясно. Обыкновенно первые законодательные памятники есть только сборники разныхъ обычаевъ почти безъ всякой системы. И если бы кто по такимъ памятникамъ вздумалъ изобразить характеръ того времени, его изображеніе было бы также мало похоже на тогдашнее время, какъ законодательство того времени на право. Если и въ наше время многое изъ жизненныхъ явленій ускользаетъ отъ глазъ законодателя, если и въ наше время, когда законодательство совершенно закрываетъ собою обычное право, оно все-таки не отождествляется съ нимъ, то первичное законодательство тѣмъ болѣе не могло обнять многихъ явленій дѣйствительной жизни. На ряду съ закономъ въ древнее время стоялъ обычай и то, что не опредѣлялось законодательствомъ существовало въ обычномъ правѣ.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что въ областныхъ законодательствахъ немногія изъ правонарушеній являются съ

характеромъ уголовныхъ, въ дѣйствительной жизни многія правонарушенія имѣли имъ свойственный характеръ преступленій. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, если основываясь на законодательныхъ памятникахъ, мы допустимъ, что „перевѣтъ“ въ Новгородской области, извѣстной своею независимостью и упорною борьбою за нее, и дѣйствительно, неупоминаемый въ Новгородской суд. грамотѣ, какъ преступленіе, „перевѣтъ тѣмъ не менѣе преслѣдовался и наказывался въ дѣйствительности, какъ одно изъ самыхъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій. Точно также, хотя и не упоминались въ законодательствахъ, но считались по обычному праву за преступленія: крамола, превышеніе власти и др. *) Извѣстныя, опредѣленныя средства наказаній, употребляемыя противъ нѣкоторыхъ изъ этихъ преступленій, показываютъ что они были результатомъ обычно-народныхъ воззрѣній и основывались на обычномъ правѣ. Съ другой стороны, то участіе народа, съ которымъ онъ преслѣдовалъ и наказывалъ преступниковъ, вооружаясь противъ нихъ цѣлою улицею, цѣлымъ городомъ, возставая поголовно, показываетъ, что преступленіе имѣло общественное значеніе, т.-е. носило уголовный характеръ.

Несходнымъ съ народнымъ взглядомъ на преступленіе является взглядъ княжеской власти.

Народъ видѣлъ въ преступленіи оскорбленіе своего обычая, нарушеніе своего спокойствія; князь, въ силу своей власти, смотрѣлъ на преступленіе преимущественно какъ на оскорбленіе своего личнаго достоинства, своихъ распоряженій. Преступленіе по обычно-народному праву имѣло матеріальное значеніе, какъ общественное зло –лихое дѣло; по княжескому воззрѣнію, преступленіе имѣло преимущественно формальное значеніе, какъ нарушеніе княжескихъ распоряженій, формальныхъ предписаній. Народъ основывалъ свое воззрѣніе на преступленіе на обычномъ правѣ, князь же болѣе на своемъ личномъ усмотрѣніи.

Оттого-то часто скорѣе личная вражда, гнѣвъ на ослуш-

*) См. П. С. Л. I т. т. II, III, IV и V.

ника, чѣмъ дѣйствительное преступленіе были причинами княжескаго наказанія. И небольшой проступокъ, оскорблявшій достоинство князя, простое неисполненіе какого-либо его распоряженія, въ глазахъ княжеской власти становились преступленіемъ. Лѣтописи, разсказывая про жестокія княжескія наказанія, обыкновенно выставляютъ причиною ихъ личныя отношенія къ преступнику и характеризуютъ ихъ субъективнымъ произволомъ князя, карающимъ иногда совершенно невинныхъ. Такъ князь Василько, наказывая за свое ослѣпленіе, говоритъ лѣтопись, „створи мщеніе на людехъ неповинныхъ и пролія кровь неповинну.“ *) Изяславъ, изгнанный отъ себя кіевлянами, по возвращеніи своемъ въ Кіевъ, въ порывъ гнѣва „иныхъ погуби не испытавъ“. **) Иногда лѣтописи прямо говорятъ „разгнѣвался князь такой-то на такого-то и убилъ, поточилъ, или по другому какъ наказалъ его. ***) Поддерживаемая, кромѣ того, воззрѣніями духовенства, княжеская власть еще болѣе имѣла силы дѣлаться произвольной и наказываемый во многихъ случаяхъ, какъ говорится былъ „безъ вины виноватъ.“ Это вліяніе духовенства на княжескую власть, обнаружившееся вскорѣ по принятіи христіанства въ совѣщаніи епископовъ съ Владиміромъ, болѣе и болѣе поднимало власть князей въ ихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ народа. Князь, по воззрѣнію духовенства, «поставленъ отъ Бога люди свои унимати отъ лихаго обычая,» онъ есть властелинъ въ вотчинѣ. ****) Усиливая власть князей и ихъ право «казнить злыхъ и добрыхъ миловать,» духовенство, естественно должно было враждовать съ народовластіемъ, усиливая подчиненіе княжеской власти, дѣлая его обязанностью, неисполненіе которой въ глазахъ духовенства становилось грѣхомъ, въ глазахъ князя преступленемъ.

---

*) П. С. Л. I, 113, 114.

**) Ibidem.

***) П. С. Л. IV, 176; V, 134; см. т. I, 74; II, 281; III, 33; IV, 120, 162, V, 170 VI, 36, 149 и проч.

****) А. И. I, № 16.

Съ теократической точки зрѣнія смотрѣло духовенство и на преступленіе. Оно въ его глазахъ было не столько оскорбленіемъ общества, сколько оскорбленіемъ божества, нравственности и религіи, не столько нарушеніемъ земскаго обычая, сколько нарушеніемъ божеской заповѣди, правилъ нравственности, или религіи. Преступникъ, по воззрѣнію духовенства, былъ не тать, не разбойникъ, не убійца, онъ былъ просто злой человѣкъ, или грѣшникъ. Въ своихъ посланіяхъ къ князьямъ, или народу духовенство увѣщевало преслѣдовать и наказывать такія дѣйствія, которыя по обычно-народному праву не были преступленіями. Кириллъ Бѣлоозерскій въ посланіи къ Можайскому князю Андрею Дмитріевичу говоритъ: „И ты, господине, внимай себѣ: чтобы корчмы въ твоей отчинѣ не было, зане, господине, то велика пагуба душамъ. Тако же, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны не праведныя.... Такоже, господине и разбоя бы и татьбы въ твоей отчинѣ не было... Такоже, господине, уймай подъ собою люди отъ сквернихъ словъ и отъ лаянья, понеже то все прогнѣваетъ Бога.... А отъ упиванья бы есте уймались, а милостынку бы есте по силѣ давали.... А Великому Спасу и причистѣй Его Богородицѣ чтобы есте, господине, велѣли молебны пѣть по церквамъ, а сами бы есте, господине, ко церкви ходить не лѣнились.“ *) Другое духовное лицо, игуменъ Панфилъ просилъ Псковскаго намѣстника и прочія власти уничтожить обычно-народныя игры въ праздникъ Рождества Св. Іоанна Предтечи: Вы же, господье мои благочестивые мужи, властели сущіи, грозная держава града сего христолюбиваго! уймите храбрскимъ мужествомъ вашимъ отъ таковаго начинанія идольскаго служенія богозданный народъ сей.“ **) Это византійско теократическое воззрѣніе на различныя дѣйствія придало многимъ нравственно-религіознымъ проступкамъ характеръ преступленій, вслѣдствіе чего многія дѣйствія, считаемыя прежде безразличными, явились преступленіями.

*) А. И. I № 16.
**) Don. A. И. I, № 22.

Такъ стали преступленіями: языческое богослуженіе, оскорбленіе христіанской святыни, древній обычай похищенія женщинъ, древній обычай свободнаго развода, двоеженство, вступленіе въ бракъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства, ворожба, поврежденіе могилъ и стѣнъ церковныхъ, церковное воровство, прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе, противоестественное плотское совокупленіе, личныя оскорбленія родителей и родственниковъ, семейная кража, драка, пьянство и брань. *) Всѣ эти преступленія судились самимъ духовенствомъ, на основаніи древнихъ уставовъ нашихъ князей, предоставлявшихъ судить ихъ по Номоканону. Право духовнаго суда подтверждается и областными грамотами: Новгородская судная грамота узаконяетъ духовенству: «судити свой судъ святительски, по святыхъ отецъ правилу, по Номокануну.“ **) Этотъ судъ духовенства, основанный не на обычаѣ народа, не на княжескихъ узаконеніяхъ, а на церковныхъ правилахъ, естественно долженъ былъ обособиться, отдѣлиться отъ суда общаго: „И владычню намѣстнику судъ“, говоритъ Псковская судная грамота, и на судъ не судити князю, ни судьямъ, „но прибавляетъ она“, ни намѣстнику (отъ власти духовной) княжа суда не судити ***).

---

*) Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по Ист. Рус. права.

Церковный уставъ Владиміра слѣдующимъ образомъ перечисляетъ предметы вѣдомства церковнаго суда,—„церквамъ Божіимъ даны слѣдующіе суды: роспускъ, смилное, заставаніе, пошибаніе, умычкы, промежи мужемъ и женою о животѣ ихъ, въ племени, въ сватовствѣ поімутся, вѣдовство, потвори, чародѣаніе, влхвованіе, зеленичество, уреканіе три: бляднею, и зелій и еретичествомъ, зубояжа, или сынъ отца біетъ, илі матерь дочка біетъ, или сноха свекровь, или кто уречется сквернымъ словы и прилагая отца и матерь, или сестры, или дѣти, а любо племя тяжутся о задниці, церковная татба, мертвеци сволочать, крестъ посѣкутъ, или на стѣнахъ тресни емлютъ изъ креста, скотъ или псы, птиці безъ велики нужда въведеть въ церковь, или что не подобно церкови съдѣетъ, илі два друга иматися бити единаго жена другаго иметъ за лоно и роздавитъ, или кого застанутъ четвероножиною, или кто подъ овиномъ молится, или въ ржи, или подъ рощеніемъ, или у воды, или дѣвка дитя поврежетъ.“ 393—419 стр.

**) А. А. Э. I, № 92.

***) П. С. Г. 110, § 73.

Такимъ образомъ, какъ самое воззрѣніе на преступленіе, такъ и основанія его преслѣдованія не были общими, цѣльными въ древне-русскомъ правѣ областно-вѣчеваго періода. По воззрѣнію народа преступленіе носило преимущественно общественное значеніе, по воззрѣнію князя—лично произвольное, по воззрѣнію духовенства — нравственно-религіозное. Народъ въ преслѣдованіи преступленій основывался преимущественно на обычаѣ, князь на личномъ усмотрѣніи духовенство—на своихъ правилахъ.

Уголовное наказаніе, по современнымъ понятіямъ есть наказаніе личное, падающее на самаго преступника, какъ непосредственно нарушившаго общественное спокойствіе, противуположно гражданскому, падающему скорѣе на имущество, чѣмъ на лицо правонарушителя. По этому въ областныхъ законодательствахъ, гдѣ всѣ почти наказанія преступленій падали на имущество преступника, нельзя не замѣтить ихъ тожественности съ гражданскими. Но эта тожественность, основывавшаяся на формѣ тѣхъ и другихъ наказаній не уничтожала ихъ внутренняго различія между собою. Еще во времена Рус. Правды, въ началѣ своего возникновенія, денежныя пени, уплачиваемыя преступникомъ, разнились между собою: однѣ, уплачиваемыя потерпѣвшему преступленіе, гражданскому истцу, составляли собственно гражданское наказаніе, другія, платимыя князю за самое преступленіе подходили подъ понятіе уголовнаго. Тоже различіе между пенями видно и въ законодательствѣ разсматриваемаго времени, въ которомъ вообще говоря, система композицій является господствующею. По Новгородской судной грамотѣ пеня съ преступника шла или въ пользу общественной власти „Великому Новугороду“, и князю, или же частному лицу, гражданскому истцу, какъ матеріальное удовлетвореніе за ущербъ отъ правонарушенія. Общественная пеня, или пеня за преступленіе взыскивалась съ обвиненныхъ въ „наводкѣ“, т.-е. въ открытомъ нападеніи нѣсколькихъ человѣкъ на кого-либо, съ обвиненныхъ въ наѣздѣ и грабежѣ, съ укрывателя уголовнаго преступника, съ поручителя, если отъ его вины происходило возмущеніе

народа съ цѣлью освободить взятаго на поруки отъ суда, или судебнаго приговора. Со всѣхъ этихъ преступниковъ взыскивалась общественная пеня, дѣлившаяся между княземъ и Новгородомъ и сверхъ, того преступникъ платилъ „истцевыя иски", или „убытки", какъ называется здѣсь частное удовлетвореніе. По своему количеству пеня за преступленіе является однообразною и сообразуется только съ званіемъ виновника: „взять Великимъ княземъ и Великому Новугороду", узаконяетъ Новгородская судная грамота въ своихъ статьяхъ, „на виноватомъ на бояринѣ 50 рублевъ, а на житьемъ 20 рублевъ, а на молодшемъ 10 рублевъ, а истцю убытки подойметь" (заплатитъ). *) По Псковской судной грамотѣ пеня общественная за преступленіе является подъ названіемъ „княжьей продажи". Она взыскивалась съ обвиненныхъ въ убійствѣ, нанесеніи побоевъ, въ находѣ (по Новг. грам. наводка), разбоѣ и грабежѣ. Рядомъ съ ней существовало матеріальное удовлетвореніе истца. „А за баранъ (покраденный) присужать 6 денегъ, а за овцу 10 денегъ государю (хозяину), а судьи 3 денги, старая правда. А за гусакъ и за гусыню присужать по 2 денги государю, а судьѣ 3 деньги." **) Изъ приведенной статьи видно, что и судья получалъ извѣстную пеню съ преступника, что существовало и въ прочихъ областяхъ, составляя, такъ называемыя, судебныя пошлины за производство суда. ***) Такимъ образомъ, преобладавшая система денежныхъ взысканій въ законодательствѣ этого времени подраздѣлялась на три разряда: 1) судебныя пошлины, шедшія намѣстникамъ, волостелямъ, тіунамъ и проч. княжескимъ чиновникамъ и земскимъ выборнымъ за производство суда, не составляя необходимой принадлежности процесса, они объясняются правительственно-финансовыми соображеніями того времени, 2) удовлетвореніе потерпѣвшаго отъ преступленія, истца,

*) А. А. Э. I, № 92.

**) П. С. Г. 76, 77, § 49.

***) А. А. Э. I, № 13, 103, 115, 123, 224 и др.

существовавшее на ряду съ общественными пенями, и наконецъ, 3) общественная пеня за само преступленіе, т.-е. собственно-уголовное наказаніе.

Совмѣстное существованіе общественной пени съ частвымъ удовлетвореніемъ, уголовнаго наказанія съ гражданскимъ, объясняется взглядомъ на преступленіе того времени. Всякое преступленіе обыкновенно заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: съ одной стороны, оно есть оскорбленіе всего общества — общественное правонарушеніе, причиняющее обществу чисто интеллектуальный, ничѣмъ не вознаградимый и неоцѣнимый вредъ, съ другой стороны, преступленіе есть въ тоже время нарушеніе частнаго права, наносящее потерпѣвшему вредъ болѣе или менѣе вознаградимый, по цѣнности нарушеннаго блага въ юридическомъ оборотѣ того времени вознаградимый матеріально. Изъ этой двойственности преступленія происходитъ и двойственность наказанія за него. Когда же преслѣдованіе и наказаніе преступленій было преимущественно въ рукахъ непосредственно обиженнаго, послѣдняя, частная сторона ихъ наказывалась всегда соразмѣрно понесенной потери, причиненному ущербу. Въ настоящее время преслѣдованіе и наказаніе преступленій находится въ рукахъ самаго общества и частная сторона ихъ въ немногихъ, исключительныхъ случаяхъ. Но въ то время, когда наказаніе составляло еще не отжившее право непосредственно-обиженнаго, онъ естественно не могъ не вмѣстить въ него и своего частнаго удовлетворенія за понесенное. Для человѣка того времени было бы слишкомъ великодушно забыть личный интересъ и пословицу—„своя рубашка къ тѣлу ближе.“ Вотъ почему Рус. Правда частное удовлетвореніе ставила выше общественнаго: „передн пагубу исплатить“, говоритъ этотъ памятникъ, „а въ прочи князю поточити и“.

Съ большимъ развитіемъ общественныхъ отношеній, болѣе уясняется и значеніе преступленія и наказаніе за него начинаетъ переходить изъ рукъ частнаго лица, обиженной стороны въ руки самаго общества и его спеціальныхъ органовъ. Но и тогда, частное удовлетвореніе долго еще про-

должаетъ существовать въ правѣ и хотя и не имѣетъ перевѣса надъ общественнымъ, но все-таки является какъ бы параллельно ему, существуя совмѣстно съ нимъ, что и видно, въ областныхъ законодательствахъ.

Но если по областнымъ законодательствамъ въ наказаніи преступленій и преобладала система композицій, носившая гражданскій характеръ, если на ряду съ общественною пенею и стояло частное удовлетвореніе, то въ дѣйствительности многія преступленія по обычно-народному праву наказывались исключительно лично, т.-е. въ собственномъ смыслѣ уголовно. Я уже замѣтилъ, что обычно-народное право и законодательство этого времени восполняло одно другое, потому очень естественно, что не доставало законодательству, то дополнялось обычаемъ; страннымъ только кажется преобладаніе имущественныхъ наказаній надъ личными по законодательству и въ то же время преобладаніе личныхъ надъ имущественными по обычному праву. Но и эта странность уничтожается если внимательно разсмотрѣть ее. Потребность въ законодательствѣ, какъ я сказалъ выше, настаетъ для народа только съ накопленіемъ, съ усложненіемъ обычаевъ, однимъ словомъ, съ трудностью запомнить правила, выраженныя въ словѣ. Поэтому всѣ тѣ обычаи, которые по своему содержанію трудно удержались въ памяти первыми входятъ въ законодательство, формулирующее обычное право. Матеріальное удовлетвореніе, перешедшее потомъ въ систему композицій существовало въ обычномъ правѣ еще во времена Рус. Правды, но трудность удержать въ памяти множество числовыхъ обычаевъ принудила выразить то въ письмѣ, что легко забывалось въ словѣ. Затѣмъ все, что выражалось просто и ясно въ обычномъ правѣ, что не легко было забыть, въ чемъ было трудно спутаться, все это по прежнему удерживалось въ обычномъ правѣ. На этомъ то основаніи рядомъ съ денежными пенями по законодательству Рус. Правды существовали многія личныя наказанія по обычному праву. Тоже явленіе повторилось и въ областныхъ законодательствахъ. И здѣсь, если не главное, то одною изъ главныхъ причинъ, преобладанія системы компози-

ціи, была трудность удержать въ обычномъ правѣ множество числовыхъ нормъ, опредѣлявшихъ количество общественныхъ и частныхъ взысканій. Такимъ образомъ, за выдѣломъ системы композицій въ обычномъ правѣ остались многія, личныя наказанія, употреблявшіяся противъ преступниковъ. Обычно-народная уголовная власть, выразившаяся во времена Рус. Правды въ формѣ общественной мести кажется еще болѣе окрѣпшею въ вѣчевой расправѣ областно-вѣчеваго періода. Вѣче, этотъ древній символъ народовластія было и верховнымъ трибуналомъ того времени, предъ который призывались и простолюдины, и гражданскія и духовные владыки и всѣ придержащія власти. Какъ слѣдствіе народовластія, эта вѣчевая расправа съ большею, или меньшею силою проявлялась во всѣхъ областяхъ. Въ высшемъ развитіи она существовала у Новгородцевъ *) и Псковитянъ **), въ меньшемъ развитіи существовала у Кіевлянъ ***), Галичанъ ****), Ростовцевъ и Суздальцевъ †), Ладожанъ †*), Новоторжцевъ †**), Володимірцевъ †***), Брянцевъ †****), Ярославцевъ ††) и у многихъ другихъ. Тяжкихъ и опасныхъ преступниковъ по вѣчевому приговору обыкновенно наказывали смертью во всѣхъ областяхъ, но сообразно различію областей было различіе и въ видахъ смертной казни. Въ Новгородской области обычный видъ смертной казни былъ потопленіе—сверженіе съ моста въ Волховъ въ Псковской повѣшеніе въ другихъ областяхъ сожженіе и проч. Менѣе тяжкихъ

---

*) П. С. Л. I, 210; II, 88, 307; III, 7, 30, 42, 44, 53, 65, 71, 87, 85, 99, 100, 101, 140, 226, 231; IV, 4, 7, 10, 20, 29, 42, 72, 122, 126, 128; V, 157, 158, 162, 163, 170, 196, 206 и др.

**) Ibid. III, 7; IV, 233, 266, 270, 282; VI, 23, 25 и др.

***) Ibid. II, 4; IV, 7; V, 159 и др.

****) Ibid. II, 106.

†) Ibid. I, 149, (11,82).

†*) Ibid. III, 7.

†**) Ibid. V, 222, 223.

†***) Ibid. I, 163 (11, 119, 120).

†****) ibid V, 222 (10).

††) IV, 39; V, 190.

и опасныхъ преступниковъ наказывали лишеніемъ свободы, или отнятіемъ имущества, т. е. потокомъ и разграбленіемъ, какъ они называются въ правѣ обычномъ. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что потокъ и разграбленіе, узаконяемыя Рус. Правдою, не существуя по областнымъ законодательствамъ, сохраняютъ свое значеніе въ обычномъ правѣ, какъ доказательство того, что начала права, выраженныя въ Рус. Правдѣ не перестаютъ существовать и въ областно-вѣчевой періодъ съ одной стороны; съ другой, что эти начала хотя и не выражались въ законодательствѣ, тѣмъ не менѣе были въ обычномъ правѣ. Потокъ, какъ извѣстно, по Рус. Правдѣ означалъ вообще изгнаніе изъ общества преступнаго члена, отказъ отъ его защиты и выдачу его князю. Съ этимъ значеніемъ потокъ является и въ областно-вѣчевой періодъ. Такъ въ XIII столѣтіи, разсказывается въ Новгородской лѣтописи слѣдующій фактъ: „цѣловаша Новгородци честьный хрестъ, яко не хочемъ держати дѣтій Дмитровыхъ (прежняго, Новгородскаго посадника), ни Володислава, ни Бориса, ни Твьрдислава Станиславиця и Овъстрата Домажировиця, и поточи я князь къ отцю“ *). Иногда потокъ принималъ видъ ссылки съ назначеніемъ опредѣленнаго мѣстожительства въ извѣстной мѣстности **) что касается до разграбленія, то это средство наказанія въ обычномъ правѣ, какъ и по Рус. Правдѣ, носило имущественный характеръ — оно состояло въ полномъ или неполномъ лишеніи преступника имущества и, какъ и по Рус. Правдѣ, употреблялось большею частью въ соединеніи съ личнымъ наказаніемъ ***) отобранное отъ преступника имущество обыкновенно шло въ пользу общества по равной части на каждаго, при этомъ иногда изъ него выдѣлялась извѣстная часть и князю. Такъ по сверженіи съ посадничества, за открывшіяся злоупотребленія, Новгородскаго посадника Дмитра, когда имущество

*) П. С, I, III, 31.

**) Ibid. II, 106; III, 31 и 85; IV, 4, 74.

***) Ibid. I, 157, 210; II, 4; III, 30, 46, 74, 126, 140, V, 142 и 222, 196, 223 и 261.

его было предано разграбленію, то Новгородцы, говоритъ лѣтопись, „избытокъ раздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу а что на дѣщкахъ, а то князю оставиша“ *). Кромѣ разграбленія въ обычномъ правѣ употреблялось и другое средство имущественныхъ наказаній—денежныя пени или окупы, взыскиваемые съ менѣе тяжкихъ преступни- и вообще не часто употребляемые. Эти денежныя пени, какъ и имущество преступника при разграбленіи, шли также въ пользу общества, по ровной доли на каждаго. Такъ въ 1398 году Новгородцы взяли денежный окупъ съ измѣнившихъ имъ Двинянъ, „а у Двинянъ за ихъ преступленіе и за ихъ вину... взяша 2000 рублевъ, а 3000 коневъ; бяше бо всѣхъ Новогородцевъ 3000“**).

Каждое изъ изчисленныхъ средствъ наказанія, постановленное вѣчевымъ приговоромъ общества, приводилось немедленно въ исполненіе, и неисполненіе приговора или противодѣйствіе ему разсматривалось какъ преступленіе и подвергало виновнаго обычно-народному наказанію. Когда однажды въ Новгородѣ, по вѣчевому приговору, кинули одного осужденнаго въ Волховъ и какой-то рыболовъ вынулъ утопавшаго, то такой поступокъ рыболова немедленно былъ наказанъ, какъ преступленіе—Новгородцы „того рыболова домъ пограбиша“. ***) Что всѣ эти народныя наказанія были обычными, что они не были чисто-случайными, произвольно-фактическими—это доказываетъ уже самая опредѣленность и постоянность средствъ наказанія, это доказываетъ далѣе и то, что наказанія народа были признаваемы княжескою властью ****), это доказываетъ наконецъ положительное названіе народныхъ наказаній обычными всѣми, древними нашими источниками †).

---

*) П. С. Л. IV, см. т. 46.

**) Ibid. III, 99, см. т. IV, 7; V, 158 и др.; въ приведенномъ примѣрѣ въ первый разъ встрѣчается, въ лѣтописныхъ разсказахъ XIV столѣтія, слово преступленіе.

***) П. С. Л. V, 261 стр.

****) Ibid. III, 31 стр.

†) Преимущественно въ лѣтописяхъ III, IV и VI тт.

Обычно-народный взглядъ на преступленіе, какъ я замѣтилъ, не былъ сходенъ съ княжескимъ. Тоже несходство является и въ наказаніяхъ. Признавая за княземъ право суда, на ряду съ судомъ общественнымъ, право брать опредѣленныя, денежныя пени, выдавая преступниковъ — „на потокъ ему, по обычному праву, народъ ставилъ такимъ образомъ право княжеской, уголовно карательной власти на ряду съ своею властью. Вообще судныя и уставныя грамоты этого періода *) дають полное и ясное указаніе на то, что рядомъ съ княжескимъ или намѣстничьимъ судомъ стоялъ судъ общества или выборныхъ людей отъ общества. Такъ въ Новгородской судебной грамотѣ говорится: " А посаднику судити судъ свой съ намѣстники великаго князя„; въ 3 ст. Псковской судной грамоты: „А князь и посадникъ на вѣчи суду не судитъ; судити имъ у князя на сѣнѣхъ"; въ уставной Бѣлозерской 1488 года: „А намѣстникомъ нашимъ безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ". Объ этомъ же участіи общества въ отправленіи правосудія въ разсматриваемое время говорятъ и многія правовыя грамоты. Признавая однако право суда за княземъ—княжескія наказанія народъ считалъ правовыми только тогда, когда они, какъ и судъ князя, были „по праву народа". А между тѣмъ и судъ княжій и княжескія наказанія не согласовались съ народными обычаями, потому что князья, опираясь преимущественно на судебно-уголовную власть свою, допускали произвольныя и не рѣдкія уклоненія отъ народныхъ обычаевъ, также какъ и ихъ судьи. Иногда сами князья открыто признавались въ произвольности своего суда, своихъ судей и своихъ наказаній. Такъ князь Полоцкій Константинъ у себя на пиру говорилъ попу Семену, что его тіунъ „непровдоу соудитъ, мъздоу имѣетъ, люди продаетъ, мучитъ." **) Конечно, въ особенности сна-

*) Псковская, относящаяся къ XIV и XV ст., Новгородская 1456 и 1471 гг. и уставная Бѣлозерская 1488 года; см. также статью *Бѣляева* „о судѣ намѣстническомъ на руси въ старину" (Юрид. журналъ Сал. манова) и уставныя, судебныя и губныя грамоты *Высоцкаго*. Спб. 1860.

**) Обозрѣніе Кормчей книги въ Историческомъ видѣ *Розенкамфа* Мск. 277 стр.

чала, народъ не привыкши къ такому порядку вещей, требовавшій отъ князя „суда по правдѣ, по крестному цѣлованію," не могъ сносить княжескаго произвола и въ рѣдкихъ только случаяхъ подчинялся ему. Но съ бо́льшимъ развитіемъ княжеской власти, усиливаемой вліяніемъ духовенства, кругъ этихъ случаевъ значительно разширился, хотя наказанія князя и продолжаютъ сохранять преимущественно фактическое значеніе. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что средства княжескаго наказанія, въ противоположность обычно — народнымъ основывались болѣе на личномъ произволѣ, выборъ того или другаго средства наказанія въ большой части случаевъ зависѣлъ отъ частнаго соображенія князя и не опредѣлялся никакою положительною нормою. Однако не смотря на такую неопредѣленность средствъ княжескаго наказанія, все таки ихъ можно подвести или подъ категорію смертной казни, или лишенія свободы, или конфискаціи всего или части имущества. Смертной казни подвергались болѣе тяжкіе оскорбители княжеской, всѣмъ остальнымъ — менѣе виновные. Лишеніе свободы состояло или въ высылкѣ изъ извѣстной мѣстности *), или въ ссылкѣ въ извѣстную мѣстность **) иногда съ заключеніемъ „въ порубъ или погребъ", какъ назывались тогда тюрьмы ***). Имущественныя наказанія князя состояли или въ забраніи всего имущества виновнаго, или части его, или взятіи денежной пени, но неопредѣленной. Иногда всѣ эти средства наказанія князя носили и правовой характеръ и не признавались народомъ за произвольную княжескую расправу; это было именно тогда, когда народъ выдавалъ князю преступника для наказанія. Лѣтописные факты указываютъ собственно на выдачу преступника князю „на потокъ" т. е. для ссылки его въ извѣстную мѣстность по опредѣленію князя, но изъ этого едвали можно выводить, что только княжеская ссылка, выданнаго ему преступника,

*) П. С. Л. V, 148.

**) Ibid. III, 33; IV, 120, 162; V, 170; VI, 36, 149.

***) Ibid. I, 60, 70, 73, 74, 136, 163, 215; II, 88, 120, 317; III, 35; IV, 176, 266; V, 141, 162, 222, 223; VI, 12, 36 и пр.

имѣла правовое значеніе. Встрѣчались конечно случаи, гдѣ народъ былъ согласенъ съ какимъ бы то ни было княжескимъ наказаніемъ, если видѣлъ, въ совершившемъ преступленіе, человѣка, достойнаго такого наказанія. Но эти случаи вѣроятно были рѣдки, такъ что, собственно говоря, одна выдача князю „на потокъ„ и встрѣчалась только часто, указывая на правовое значеніе этого личнаго, уголовнаго наказанія князя. Такимъ образомъ, можно сказать, что вообще княжескія наказанія, за рѣдкими исключеніями, носили личный, произвольный характеръ и если въ средствахъ, то и въ мѣрѣ основывались не на обычаѣ, какъ народныя наказанія, а на личномъ усмотрѣніи княжеской власти.

Такой произвольности княжескихъ наказаній много содѣйствовало древнее духовенство своимъ нравственно-религіознымъ взглядомъ на преступленіе и абсолютнымъ правомъ, придаваемымъ князьямъ „миловать всѣхъ добрыхъ и наказывать всѣхъ злыхъ.“ Само же духовенство, первоначально греческое, незнакомое съ русскими обычаями, естественно, большую часть юридическихъ отношеній мѣрило своею мѣркою—византійско-каноническими правилами, изложенными въ Номоканонѣ. Сильное своею юриспруденціей, оно, въ кругу своего вѣдомства, ревностно старалось подогнать разнообразныя, юридическія отношенія русскаго быта подъ свою мѣрку. Но то сильное противодѣйствіе, которое оказывала языческая старина новоявленному христіанству, рѣзкая противуположность византійско-каноническихъ законовъ съ народными обычаями и вслѣдствіе этого упорное непринятіе первыхъ и упорное отстаиванье послѣднихъ—все это заставило духовенство первоначально уступать духу народной жизни. Такимъ образомъ не отказываясь отъ религіозно-нравственнаго значенія нѣкоторыхъ дѣйствій и ихъ наказуемости, оно, въ тоже время, не могло отказаться на первыхъ порахъ отъ наказуемости ихъ по своимъ правиламъ. Этимъ объясняется почему въ древнѣйшихъ церковныхъ уставахъ рядомъ съ объявленіемъ извѣстныхъ дѣйствій преступными по Номоканону наказуемость ихъ опредѣлялась денежными пенями по русскому праву. Духовенство еще при первокре-

стителѣ земли русской сознало опытомъ, какъ трудно было замѣнять обычно-народныя наказанія наказаніями византійскими, не только самому ему, но даже княжеской власти,—вотъ почему оно первоначально уступило. Но и въ этой уступкѣ народному праву принятіемъ со стороны духовенства существовавшей въ русскомъ правѣ системы композицій замѣтно проглядываетъ новый взглядъ на наказаніе. По русскому обычному праву наказаніе являлось общественною реакціей, общественнымъ возмездіемъ, вслѣдствіе чего болѣе тяжкія противообщественныя преступленія наказывались и болѣе строже, такъ, напр., по Рус. Правдѣ убійство наказывалось уплатою 40 гривенъ, тогда какъ воровство взысканіемъ 12 гривенъ. По византійско-каноническому праву наказаніе было нравственно-религіознымъ возмездіемъ, вслѣдствіе чего рядомъ съ денежными пенями существовала эпитимія и болѣе противунравственныя или противурелигіозныя преступленія наказывались и болѣе строже, такъ напр., по церковнымъ уставамъ двоеженство наказывалось взысканіемъ 40 гривенъ, а самоволѣный разводъ—12 гривенъ. Но руководясь на первыхъ порахъ въ наказаніи преступниковъ церковными уставами нашихъ князей, духовенство тѣмъ не менѣе употребляло въ иныхъ случаяхъ и свой Номоканонъ. Число этихъ случаевъ, гдѣ вмѣсто церковныхъ уставовъ употреблялся Номоканонъ и вмѣсто денежныхъ пеней наказанія личныя, уголовныя, увеличивалось все болѣе и болѣе, по мѣрѣ развитія христіанства и усиленія значенія духовенства. Такое усиленіе духовенства происходило отъ княжеской власти, которая введя христіанство, должна же была и поддерживать его, а слѣдовательно и покровительствовать духовенству. Такимъ образомъ, поддерживаемое князьями, и, какъ говорятъ источники, обогащаемое отъ нихъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ, одаряемое различными привиллегіями, духовенство значительно разширило кругъ своей юрисдикціи. Обособивши свой судъ отъ суда князя и народа духовенство стало „судить свой судъ по св. Отець правилу, по Номоканону“ и начало употреблять различныя болѣзненныя наказанія, узаконяемыя Номоканономъ, но совер-

шенно неизвѣстныя до того въ русскомъ правѣ. Такъ при великомъ князѣ Андреѣ, разсказываютъ лѣтописи, былъ епископъ Ѳеодорецъ отличавшійся страшною жестокостью въ наказаніяхъ, онъ мучилъ и бояръ и постельничьихъ Андреевыхъ, варилъ женщинъ въ котлахъ, отрѣзывалъ многимъ носы и уши, когда же, продолжаютъ лѣтописи, князь Андрей послалъ Ѳеодорца къ митрополиту, то митрополитъ велѣлъ ему „урѣзати языкъ, яко злодѣю и еретику и руку правую уяти и очи ему выняти, зане хулу измолви на св. Богородицу“ *) Точно также Новгородскій епископъ Лука наказалъ обвинившаго его холопа Дудика, отрѣзавши ему носъ и обѣ руки **). Возникши впервые въ судѣ церковномъ—эти византійскія, членовредительныя наказанія стали мало по малу проявляться и въ княжеской расправѣ. Княжеская власть съ одной стороны, сама содѣйствовавшая, усиленіемъ значенія духовенства и обособленіемъ его суда, къ появленію чисто византійскихъ наказаній,—съ другой стороны, при появленіи ихъ, въ свою очередь, поддерживаемая въ своей произвольности духовенствомъ не могла не увлечься его примѣромъ. Такъ князь Изяславъ, изгнанный Кіевлянами изъ Кіева, по утвержденіи въ немъ снова наказалъ смертію 70 человѣкъ, „а другія слѣпы, а иныхъ погуби же не испытавъ.“ Точно также, въ 1257 г. Александръ Невскій жестоко наказалъ бояръ наставниковъ своего сына,—нѣкоторые изъ нихъ были ослѣплены, у другихъ обрѣзали носы ***).

*) П. С. Л. I, 152; II, 102.

**) Исторія *Карамзина* (изданія Эйнерлинга) II, 144.

***) Ibid. IV, 49.

ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ПО ВОПРОСУ О ПЕРЕСМОТРѢ УЛОЖЕНІЯ О НАКАЗАНІЯХЪ.

I. О кражѣ со взломомъ.

Со времени введенія въ Россіи судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года, возникла мысль о настоятельной необходимости пересмотрѣть наше уложеніе о наказаніяхъ, улучшить редакціи его статей, привести его въ согласіе съ современнымъ состояніемъ нашего общества и науки права.

Одно изъ первыхъ затрудненій, съ которымъ новымъ судамъ пришлось столкнуться въ ихъ практической дѣятельности, заключалось въ невозможности весьма часто согласовать свои приговоры, произносимые не на основаніи предвзятой теоріи доказательствъ, а на основаніи внутренняго убѣжденія судей съ требованіями закона. Уложеніе отстало во многихъ своихъ опредѣленіяхъ отъ общества, двинувшагося сильно впередъ, оно сохранило строгія наказанія за такія преступленія, которыя въ сущности не заключаютъ въ себѣ ничего кромѣ простаго весьма незначительнаго проступка; оно съ другой стороны не преслѣдуетъ такихъ преступленій, которыя представляютъ весьма тяжкія правонарушенія, требующія весьма строгихъ наказаній. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на наказанія, опредѣляемыя уложеніемъ за нарушеніе законовъ о паспортахъ и на отсутствіе въ уложеніи узаконеній, охраняющихъ жилище человѣка. Само уложеніе признало свою несостоятельность, пред-

оставляя судьямъ карать такія преступленія, которыя не предусмотрѣны закономъ уголовнымъ.

Такое положеніе вызываетъ рядъ случаевъ, въ которыхъ присяжные засѣдатели отвергаютъ виновность лицъ, привлеченныхъ къ суду на основаніи точнаго, буквальнаго смысла законовъ. Практическимъ дѣятелямъ хорошо извѣстно, что преслѣдованіе на судѣ лицъ за многія преступныя, по уложенію, дѣйствія почти невозможно, и всегда, за очень рѣдкими исключеніями, присяжные засѣдатели отказываютъ признавать такихъ лицъ виновными, не смотря на полныя въ этомъ отношеніи доказательства. Съ другой стороны рядъ оправдательныхъ приговоровъ даетъ поводъ къ ропоту направленному противъ присяжныхъ засѣдателей, а этотъ ропотъ можетъ подорвать довѣріе къ великому и спасительному институту присяжныхъ засѣдателей.

Впрочемъ сознаніе необходимости улучшить наше уложеніе вполнѣ созрѣло и должно въ скоромъ времени получить свое осуществленіе. Полагая, что въ то время, когда подготовляется все необходимое для осуществленія этой великой мысли, нѣкоторыя замѣтки практическихъ дѣятелей по судебной части, извлеченныя ими изъ тѣхъ дѣлъ, которыя встрѣчались имъ въ судахъ, какъ бы ничтожны эти замѣтки не были, могутъ до извѣстной степени служить указаніями для лицъ, на которыхъ будетъ возложена задача преобразовать наше уложеніе; мы рѣшились, съ своей стороны, собрать и привести въ систему наши замѣтки, извлеченныя изъ огромнаго количества уголовныхъ дѣлъ, прошедшихъ черезъ наши руки. Къ этимъ замѣткамъ мы позволимъ себѣ присоединить наши выводы и соображенія, на которыхъ могло бы быть основано измѣненіе того или другаго узаконенія въ уложеніи о наказаніяхъ. Не придавая нашимъ замѣткамъ никакого особеннаго значенія, мы думаемъ исполнить только то, къ чему, по нашему убѣжденію, обязанъ каждый практическій дѣятель, жаждущій правильнаго развитія нашихъ судебныхъ учрежденій и нашего законодательства.

Мы избираемъ на первый разъ вопросъ о преступленіи, чаще всего встрѣчающемся въ практической дѣятельности

и представляющій не маловажныя затрудненія при примѣненіи къ нему ученія нашего уложенія. Такимъ преступленіемъ представляется кража вообще и кража со взломомъ въ особенности. Предметомъ нашихъ замѣтокъ мы избираемъ послѣднюю.

Кража со взломомъ есть преступленіе чаще всего встрѣчающееся въ нашей общественной жизни. Дѣла о кражахъ со взломомъ составляютъ главную массу дѣлъ, поступающихъ къ судебнымъ слѣдователямъ и въ наши суды. По дѣламъ о кражахъ со взломами, чаще всего, приходится присяжнымъ засѣдателямъ произносить свои приговоры. Между тѣмъ ученіе нашего уложенія о кражахъ этого рода представляется однимъ изъ самыхъ туманныхъ и неудачно составленныхъ ученій. Опредѣленіе уложенія о наказаніяхъ по этому вопросу порождаетъ на практикѣ много серьозныхъ недоразумѣній и почти неразрѣшимыхъ препятствій.

Прежде нежели мы приведемъ примѣры тѣхъ недоразумѣній, которыя встрѣчались намъ на практикѣ при примѣненіи 1647 и 1648 ст. уложенія, мы позволимъ себѣ привести нѣсколько цифръ, собранныхъ нами по округу Московскаго Окружнаго Суда и служащихъ выраженіемъ тому въ какомъ огромномъ количествѣ возникаютъ эти дѣла, какой исходъ получаютъ они на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ и какимъ образомъ относятся къ этимъ преступленіямъ присяжные засѣдатели.

Въ округѣ Московскаго Окружнаго Суда съ 1866 по 1872 годъ (т.-е. за 5 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ) возникло 4349 дѣлъ о кражахъ со взломомъ и о кражахъ подобранными ключами *) (ст. 1647 и 1648 улож. о наказ.). Количество возникшихъ дѣлъ распредѣляется по годамъ слѣдующимъ образомъ:

---

*) Для удобства изложенія мы понимаемъ подъ именемъ кражъ со взломомъ оба рода кражъ. Мы будемъ называть кражи со взломомъ внѣшнимъ—кражами перваго рода; кражи со взломомъ внутреннимъ—кражами втораго рода и кражи подобранными ключами—кражами третьяго рода.

Возникло дѣлъ въ	1866	году.....		288
„ „ „	1867	„		654
„ „ „	1868	„		774
„ „ „	1869	„		867
„ „ „	1870	„		989
„ „ „	1871	„		777
			Всего...	4349 дѣлъ.

Такимъ образомъ количество возникающихъ дѣлъ до 1871 года постоянно и значительно возвышалось и только въ 1871 году цифра эта нѣсколько понизилась.

Распредѣляя количество возникающихъ дѣлъ по родамъ кражъ, мы получимъ слѣдующую таблицу:

	I рода.	II рода.	III рода.
1866 годъ....	134	121	33
1867 „	323	269	62
1868 „	391	300	83
1869 „	392	381	94
1870 „	478	363	148
1871 „	325	316	136
Всего....	2043	1750	556

Изъ сравненія цифръ за 1870 годъ и за первый полный 1867 годъ оказывается, что сравнительно наибольшее увеличеніе дѣлъ замѣчается по дѣламъ о кражахъ третьяго рода и наименьшее по дѣламъ о кражахъ втораго рода. *)

Между тѣмъ дѣла о кражахъ со взломомъ, возникающія въ такомъ значительномъ количествѣ, нѣ достигаютъ удовлетворительнаго исхода какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ и главная масса преступленій этого рода остается безнаказанной.

Выраженіемъ результата предварительныхъ по этимъ дѣламъ слѣдствій служатъ слѣдующія цифры:

*) См. табл. I.

Изъ общаго количества возникшихъ дѣлъ (4349) только по 963 дѣламъ представилось возможнымъ составить обвинительные акты. Иначе сказать едва $22,_{14}\%$ дѣлъ получило дальнѣйшее движеніе, $77,_{86}\%$ дѣлъ или прекращено или передано на разсмотрѣніе мировыхъ судей. *)

Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы прекращенныя дѣла страдали отсутствіемъ лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ. Собранныя мною свѣдѣнія доказываютъ, что по 4349 дѣламъ было привлечено въ качествѣ обвиняемыхъ 4033 лица. Изъ этого общаго числа 1338 лицъ предано суду, а дѣла о 478 лицахъ переданы на разсмотрѣніе мировыхъ судей.

Такимъ образомъ на 2700 дѣлъ прекращенныхъ производствомъ было привлечено въ качествѣ обвиняемыхъ 2217 лицъ. Принимая же во вниманіе, что изъ 2700 дѣлъ 1172 дѣла прекращены производствомъ за необнаруженіемъ виновныхъ (277 ст. уст. угол. суд.) оказывается, что по 1528 прекращеннымъ дѣламъ было привлечено въ качествѣ обвиняемыхъ 2217 человѣкъ. Слѣдуетъ замѣтить, что 1528 дѣлъ прекращены производствомъ не по отсутствію преступнаго дѣянія или уликъ, такъ какъ судебные слѣдователи имѣли же основаніе привлечь лицъ къ обвиненію, но по недостаточности уликъ для преданія лицъ этихъ суду **).

Изъ приведенныхъ выше цифръ оказывается, что *не только 62% дѣлъ прекращается производствомъ, но и почти 55% лицъ, привлеченныхъ на основаніи извѣстныхъ данныхъ къ обвиненію, освобождаются отъ преслѣдованія.*

Таковые весьма неутѣшительные результаты предварительныхъ слѣдствій по дѣламъ о кражахъ со взломомъ представляются еще менѣе удовлетворительными по исходу дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ.

Хотя по 963 дѣламъ и были составлены обвинительные

*) Изъ числа 3386 главная масса дѣлъ дальнѣйшимъ производствомъ прекращено ($62,_{09}\%$ об. ч.) и весьма незначительное количество передано мировымъ судьямъ (едва $15,_{77}\%$ об. ч.). См. Т.

**) См. Т. I, III.

акты, по которымъ предано суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 1338 лицъ, но далеко не по всѣмъ дѣламъ лица эти понесли наказаніе, опредѣленное закономъ за кражу со взломомъ.

Изъ общаго числа 963 дѣлъ, присяжные засѣдатели вынесли оправдательные приговоры по 185 дѣламъ, но 140 дѣламъ отвергли существованіе взломовъ и только по 638 дѣламъ признали обвиненіе доказаннымъ въ предѣлахъ обвинительныхъ актовъ. *)

Съ другой стороны изъ числа 1338 лицъ, преданныхъ суду, только 929 лицъ понесли наказаніе за кражу со взломомъ, остальныя же или оправданы (245) или приговорены къ наказанію за простую кражу (164). **)

Такимъ образомъ изъ общаго числа возникшихъ дѣлъ и общаго числа лицъ привлеченныхъ къ обвиненію, *только* $14_{67}\%$ *дѣлъ получаютъ удовлетворительное съ смыслѣ обвиненія разрѣшеніе и едва* 23% *лицъ обвиняемыхъ приговариваются къ наказанію за кражи со взломомъ.*

Не лишены интереса, кромѣ того, слѣдующія данныя, вытекающія изъ собранныхъ мною цифръ.

Какъ уже ранѣе замѣчено было, количество дѣлъ о кражахъ со взломомъ возрастаетъ значительно въ періодъ времени отъ 1867 до 1871 года, между тѣмъ въ тотъ же періодъ времени количество дѣлъ, по которымъ составляются обвинительные акты сравнительно значительно падаютъ. Обвинительная власть и обвинительная камера въ виду частыхъ и значительныхъ по количеству оправданій очевидно строже и строже относится къ оцѣнкѣ уликъ при преданіи суду. Такъ изъ общаго числа возникшихъ дѣлъ обвинительная камера пропустила дѣлъ съ обвинительными актами:

въ 1866	году	$47_{,91}\%$
„ 1867	„	$25_{,84}\%$
„ 1868	„	$25_{,96}\%$

*) См. Т. II.
**) См. Т. IV.

въ 1869 „ 20,30 %
„ 1870 „ 18,60 %
„ 1871 „ 12,23 % (*)

Не смотря однако на такое явленіе количество оправдательныхъ на судѣ приговоровъ не уменьшается, но съ каждымъ годомъ увеличивается.

Изъ числа дѣлъ предложенныхъ суду съ обвинительными актами присяжные засѣдатели разрѣшили въ смыслѣ согласномъ съ актами:

въ 1866 году 81,16 %
„ 1867 „ 66,27 %
„ 1868 „ 71,49 %
„ 1869 „ 67,61 %
„ 1870 „ 61,95 %
„ 1871 „ 42,10 % (**)

Если теперь количество дѣлъ, по которымъ состоялись приговоры обвинительные, сопоставить съ количествомъ возникавшихъ дѣлъ, то окажется, что удовлетворительно, въ смыслѣ обвиненія, разрѣшено дѣлъ:

въ 1866 году 38,88 %
„ 1867 „ 17,12 %
„ 1868 „ 18,21 %
„ 1869 „ 13,72 %
„ 1870 „ 11,52 %
„ 1871 „ 5,14 % ***)

Переходя затѣмъ къ разсмотрѣнію данныхъ, относящихся къ различнымъ видамъ кражъ со взломомъ, мы остановимъ наше вниманіе на томъ, что не всѣ виды кражъ со взломомъ получаютъ на судѣ одинаково неудовлетворительный исходъ. Одинъ видъ кражъ со взломомъ—кража со взломомъ внѣшнимъ—проходитъ на судѣ гораздо удовлетворительнѣе,

*) См. Т. I.
**) См. Т. II.
***) См. Т. I, II.

чѣмъ кражи двухъ остальныхъ видовъ, хотя по отношенію къ исходу дѣлъ этихъ на предварительномъ слѣдствіи надо придти къ выводу противуположному.

Обращаясь прежде всего къ результату предварительныхъ слѣдствій мы получимъ слѣдующую таблицу:

	Возникло дѣлъ.	Дошло до суда.
Кражъ перваго рода.....	2043	303
„ втораго „	1750	487
„ третьяго „	556	173

Такимъ образомъ изъ числа возникшихъ дѣлъ до разсмотренія присяжныхъ засѣдателей доходитъ дѣлъ:

о кражахъ	перваго рода	$14,_{83}$ %
„	втораго „	$27,_{34}$ %
„	третьяго „	$31,_{16}$ %

Затѣмъ изъ числа прекращенныхъ дѣлъ наибольшее количество дѣлъ, прекращенныхъ по необнаруженію виновныхъ, приходится на дѣла о кражахъ перваго рода, а именно по дѣламъ:

о кражахъ	перваго рода	$34,_{85}$ %
„	втораго „	$21,_{48}$ %
„	третьяго „	$15,_{17}$ %. *)

Какъ мы выше сказали иной выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ данныхъ, касающихся исхода дѣлъ этихъ на судѣ. Изъ числа дѣлъ предложенныхъ Окружному Суду съ обвинительными актами получили удовлетворительное въ смыслѣ обвиненія разрѣшеніе по дѣламъ:

о кражахъ	перваго рода	$79,_{94}$ %
„	втораго „	$66,_{32}$ %
„	третьяго „	$54,_{34}$ %. **)

*) Смотр. т. I.
**) Смотр. т. II.

Съ другой стороны, сравнивая число лицъ преданныхъ суду съ количествомъ лицъ приговоренныхъ къ наказанію за кражи со взломомъ, мы увидимъ, что присяжные засѣдатели менѣе всего оправдали обвиняемыхъ по дѣламъ о кражѣ перваго рода и наиболѣе по дѣламъ о кражахъ третьяго рода.

Такъ оправдано по дѣламъ:

о кражахъ перваго рода 15,30%
„ втораго „ 18,41%
„ третьяго „ 23,89%. *)

Не малое значеніе имѣетъ и то обстоятельство, что только въ теченіи перваго года своего существованія присяжные засѣдатели безразлично относились ковсѣмъ тремъ видамъ кражъ со взломомъ, начиная же со втораго года существованія судовъ присяжные засѣдатели дѣлаютъ большое различіе между кражами перваго рода и двумя другими видами кражъ со взломомъ. Слѣдующая таблица служитъ тому доказательствомъ.

Удовлетворительно въ смыслѣ обвиненія разрѣшено присяжными дѣлъ:

	въ 1866 г.	въ 1867 г.	въ 1868 г.	въ 1869 г.	въ 1870 г.	въ 1871 г.
о кражѣ 1-го рода	70,97.	68.	77,05.	77,14.	75.	59,27.
„ 2-го „	86.	66,66.	68,26.	63,63.	60,97.	39,58.
„ 3-го „	76,19.	62,06.	63,88.	55,17.	42,10.	25**)

Мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ приведенныхъ выше цыфръ нѣкоторые общіе выводы.

Въ округѣ Московскаго Окружнаго Суда и на сколько намъ извѣстно въ округахъ всѣхъ остальныхъ судовъ главная масса возникающихъ дѣлъ состоитъ изъ дѣлъ о кражахъ со взломомъ. Къ сожалѣнію дѣятельность органовъ судебной власти по обнаруженію виновныхъ въ совершеніи кражъ со взломомъ должна быть признана не вполнѣ удовлетворительной. Органамъ судебной власти удается только

*) Смотр. Т. III.
**) Смотр. Т. II.

$22_{,14}$% дѣлъ поставить въ то положеніе, когда преданіе суду привлеченныхъ къ дѣлу лицъ становится неизбѣжнымъ, по остальнымъ дѣламъ о кражахъ дѣятельность ихъ, будучи весьма многосложна и крайне обременительна, остается безплодной.

Разсматривая эту дѣятельность по отношенію къ различнымъ видамъ кражъ со взломомъ, мы замѣчаемъ, что результаты ея различны, смотря по видамъ кражъ. Въ то время, когда по дѣламъ о кражахъ третьяго рода по 31 дѣлу изъ ста составляются обвинительные акты, по дѣламъ о кражахъ перваго рода такой исходъ получаютъ только 14 дѣлъ.

Гдѣ искать причинъ такого явленія? Не касаясь общаго вопроса о положеніи слѣдственной части вообще и крайне недостаточнаго количества личнаго состава слѣдователей, не говоря о томъ, что наши слѣдователи поставлены въ необходимость полагаться только на свои собственныя силы и не должны ожидать ни откуда себѣ помощи, что организація полиціи и въ большинствѣ случаевъ неудовлетворительный личный ея составъ не дозволяютъ чинамъ полиціи содѣйствовать судебнымъ властямъ по дѣламъ о кражахъ—мы должны искать причинъ неудовлетворительнаго исхода предварительныхъ по этимъ дѣламъ слѣдствій въ неправильномъ распредѣленіи дѣлъ о кражахъ между мировыми судебными учрежденіями и общими судами, въ самомъ свойствѣ такого преступленія, какъ кража со взломомъ, и той обстановкѣ, при которой начинаются предварительныя по этимъ дѣламъ слѣдствія.

О первой причинѣ мы сдѣлаемъ наши выводы въ концѣ нашихъ замѣтокъ, такъ какъ разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ разсмотрѣнія всего ученія о кражахъ со взломомъ. Въ настоящее время мы остановимся на двухъ другихъ причинахъ.

Кража есть явленіе въ нашей жизни ежедневное, едва-ли не ежечасное. Къ преступленію этому наше общество привыкло, оно, такъ сказать, притерпѣлось къ болѣзни. Совершеніе кражи почти не возбуждаетъ никакой тревоги въ обществѣ. Обыкновенно сожалѣютъ о пострадавшемъ лицѣ,

но смотрятъ на него, какъ на лице отчасти самовиновное въ своемъ несчастіи. Ему повторяютъ очень извѣстную пословицу „не клади плохо — не вводи вора въ грѣхъ.“ Возбудить тревогу въ обществѣ способна только такая кража, которая совершена смѣло, при угрожающей обстановкѣ. Таковы въ большинствѣ случаевъ кражи со взломомъ внѣшнимъ.

Безучастное, безразличное отношеніе общества къ кражамъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что во первыхъ не всѣ случаи кражъ дѣлаются гласными и во вторыхъ не по всѣмъ изъ нихъ возбуждается преслѣдованіе своевременно. Лице пострадавшее весьма не рѣдко или оставляетъ безъ всякаго заявленія совершеніе у него кражи, или же прибѣгаетъ къ самоуправству, къ самосуду. Не мало возникаетъ въ судѣ дѣлъ объ убійствахъ или нанесеніи тяжкихъ поврежденій воромъ, пойманнымъ и не на мѣстѣ преступленія. Намъ извѣстна цѣлая мѣстность въ Россіи гдѣ почти никогда, за очень рѣдкими исключеніями, не заявляется о совершенныхъ кражахъ. Лица постороннія, не заинтересованныя въ дѣлѣ, никогда не заявляютъ объ извѣстныхъ имъ кражахъ. Съ другой стороны, если пострадавшее лице и рѣшится заявить о совершенной у него кражѣ, то сдѣлаетъ это послѣ того, какъ частью само или при содѣйствіи сельской полиціи предприметъ рядъ такихъ дѣйствій, которыя собьютъ судебнаго слѣдователя съ прямаго пути, или же, напугавъ лицъ виновныхъ въ совершеніи кражи, дадутъ имъ возможность и время скрыть всѣ слѣды, ведущіе къ обнаруженію ихъ виновности. Путь, которымъ обыкновенно течетъ дѣло о кражѣ, путь конечно не легальный, но тѣмъ не менѣе путь избѣжать котораго при общемъ состояніи полиціи не возможно. Путь этотъ таковъ: испортивъ дѣло мѣрами такъ сказать домашними, сельская полиція передаетъ свои свѣдѣнія общей полиціи; эта послѣдняя, продержавъ у себя эти свѣдѣнія болѣе или менѣе долгое время, облекаетъ ихъ въ письменную форму и, какъ собственное дознаніе, вручаетъ ихъ судебному слѣдователю. Въ такихъ дознаніяхъ весьма рѣдко можно встрѣтить не только дѣльный и основательный розыскъ, но даже сколько нибудь

толковое и грамотное изложеніе тѣхъ скудныхъ фактовъ, которые подносятся судебнымъ слѣдователямъ для дальнѣйшаго обслѣдованія. Получивъ заявленіе такого рода тогда, когда уже почти дѣлать нечего, заваленный трудной работой по другимъ крайне серьознымъ и опаснымъ преступленіямъ, судебный слѣдователь очевидно не можетъ отнестись къ этому дѣлу съ той энергіей, съ которой онъ относится къ другимъ дѣламъ и если только какой-нибудь неловкій или неопытный воръ не успѣлъ скрыться отъ домашняго розыска сельскаго старосты, то дѣло просто облекается въ извѣстную форму и прекращается властію Суда или Палаты.

Нѣсколько иное теченіе имѣютъ дѣла о кражахъ въ Москвѣ. Тамъ о совершившемся преступленіи полиція весьма быстро доводитъ до свѣдѣнія судебнаго слѣдователя, но и немедленно покидаетъ дѣло на произволъ судьбы, предоставляя собственнымъ средствамъ слѣдователя раскрыть виновныхъ въ кражѣ. Москва не имѣетъ сыскной полиціи, а потому такое отношеніе къ дѣламъ о кражахъ врядъ ли можетъ быть поставлено ей въ вину. Въ настоящее время сыскная дѣятельность возлагается на туже наружную полицію, при чемъ и личный составъ наружной полиціи и матеріальныя средства ей дающіяся, не могутъ соотвѣтствовать тѣмъ трудамъ и расходамъ, съ которыми сопряжена сыскная дѣятельность.

Съ другой стороны средства судебныхъ слѣдователей къ раскрытію виновныхъ ограничены уставами, не дозволяющими судебнымъ слѣдователямъ лично прибѣгать къ секретнымъ розыскамъ. Наконецъ и послѣднее средство къ раскрытію виновныхъ—содѣйствіе частныхъ лицъ по дѣламъ о кражахъ не имѣетъ мѣста. Весьма часто по дѣламъ о болѣе серьозныхъ преступленіяхъ частныя лица считаютъ своею обязанностію сообщать судебнымъ слѣдователямъ всѣ извѣстныя имъ по дѣлу свѣдѣнія. По дѣламъ о кражахъ судебные слѣдователи не располагаютъ совершенно этимъ средствомъ и равнодушіе, съ которымъ общество относится къ кражамъ, проявляется и въ томъ, что частныя лица отстраняются отъ всякаго содѣйствія къ раскрытію винов-

ныхъ. Такимъ образомъ судебные слѣдователи, будучи оставлены на произволъ судьбы по всѣмъ дѣламъ о кражахъ, должны раскрыть все дѣло единственно тѣми средствами, которыя даютъ имъ уставы.

Чтоже можетъ сдѣлать судебный слѣдователь своими собственными средствами безъ секретнаго полицейскаго розыска и безъ содѣйствія частныхъ лицъ? Кража есть тайное похищеніе чужой собственности. Она совершается при такой обстановкѣ, когда обнаруженіе виновныхъ становится крайне затруднительно. Измѣненіе условій, при которыхъ преступленіе совершено, облегчающее открытіе виновныхъ, измѣняетъ и самый родъ преступленія. Отсутствіе свидѣтелей самого совершенія кражи, могущихъ опознать похитителей, совершеніе преступленія въ большинствѣ случаевъ ночью или при подобныхъ же условіяхъ, позднѣе по преимуществу обнаруженіе самаго факта кражи—всѣ эти три условія, встрѣчающіяся въ совокупности по каждому почти дѣлу о кражѣ и не встрѣчающіяся въ своей совокупности по другимъ преступленіямъ, вліяютъ весьма сильно на раскрытіе дѣла во всѣхъ его подробностяхъ. Имущество, предметъ кражи, не можетъ быть легко сбываемо. Сбытъ покраденнаго въ большинствѣ случаевъ происходитъ при участіи многихъ лицъ, сообщество которыхъ, хотя и не носитъ признаковъ шайки, тѣмъ не менѣе весьма близко подходитъ къ этому понятію. Слѣдовательно пріобрѣтеніе поличнаго представляется весьма труднымъ и безъ розыска невозможнымъ, въ особенности трудно оно тогда, когда похищено крестьянское имущество. Похититель въ этомъ случаѣ принадлежитъ къ одной средѣ съ пострадавшимъ лицемъ.

Виновные въ совершеніи кражъ могутъ быть обнаружены безъ участія сыскной дѣятельности или случайно, или послѣ долгихъ крайне утомительныхъ усилій со стороны судебнаго слѣдователя, но усилій, предпринятыхъ возможно быстро послѣ совершенія кражи, а это-то послѣднее условіе и не существуетъ въ дѣлахъ о кражахъ. Цифры приведенныя нами выше и указываютъ на то, что по отношенію къ кражамъ въ дѣлѣ раскрытія виновныхъ играетъ главную

роль случай. Оно и понятно. Судебные слѣдователи слишкомъ завалены работой для того, чтобы они могли по каждому дѣлу о кражѣ настоятельно принять послѣдній изъ указанныхъ нами способовъ.

Между тѣмъ цифры о количествѣ привлеченныхъ къ дѣламъ лицъ указываютъ повидимому на невѣрность нашихъ замѣчаній. Можетъ быть спросятъ: чѣмъ объяснить эту массу привлеченныхъ къ дѣламъ лицъ? Не указываетъ ли она на то, что судебные слѣдователи, имѣя передъ собой обвиняемыхъ и нѣкоторыя противъ нихъ улики, единственно по небрежности не разработали этихъ уликъ и не уличили обвиняемыхъ?

Вопросъ этотъ разрѣшается, какъ намъ кажется, слѣдующимъ образомъ:

Не всѣ виды кражъ со взломомъ совершаются при одинаковыхъ условіяхъ. Совершить кражу подобраннымъ ключемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не можетъ лице совершенно постороннее, не знакомое съ условіями и обстановкой пострадавшаго лица. Это преступленіе по самому своему свойству требуетъ извѣстныхъ приготовительныхъ дѣйствій—подбора ключа или орудія къ замку. Точно также и кража со взломомъ внутреннимъ для своего совершенія требуетъ нѣкотораго знакомства съ тѣми же условіями. На оборотъ кража со взломомъ внѣшнимъ почти не нуждается въ томъ, чтобы похититель былъ знакомъ съ домашней обстановкой пострадавшаго лица. Большинство дѣлъ о кражахъ со взломомъ внѣшнимъ доказываетъ, что эта кража совершается людьми посторонними и составляетъ весьма серьозное нападеніе на собственность, нападеніе, весьма легко переходящее въ другое болѣе тяжкое преступленіе. Съ другой стороны въ большинствѣ дѣлъ о кражахъ двухъ другихъ видовъ обвиняемыя лица принадлежатъ къ людямъ, находившимся въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ пострадавшему лицу. Вотъ почему пострадавшія лица при совершеніи кражъ со взломомъ внѣшнимъ, испуганныя смѣлымъ нападеніемъ похитителя, почти всегда немедленно обращаются къ подлежащей власти съ заявленіемъ о совер-

шенномъ преступленіи и почти никогда не заявляютъ прямыхъ непосредственныхъ указаній на виновныхъ лицъ. Въ дѣлахъ о кражахъ съ остальными видами взломовъ пострадавшее лице прежде всего старается угадать лице совершившее кражу. Прежде нежели заявить власти о совершившемся преступленіи, оно старается найти среди своихъ знакомыхъ, прислуги, работниковъ и даже родныхъ такое лице, которое могло бы совершить преступленіе. Оно предпринимаетъ само собственными своими силами рядъ сыскныхъ пріемовъ, дѣлаетъ рядъ умозаключеній о виновности лица имъ заподозрѣннаго и въ большинствѣ случаевъ, заявляя о совершившейся кражѣ, придаетъ этому заявленію видъ прямой жалобы на извѣстное лице. Испортивъ дѣло домашнимъ розыскомъ, огласивъ свои подозрѣнія, очень часто обыскавъ заподозрѣнное лице, пострадавшее лице ставитъ судебнаго слѣдователя, въ виду ст. 303 Уст. Угол. Судопр., въ необходимость привлечь заподозрѣннаго къ дѣлу.

Такимъ путемъ накопляется масса лицъ обвиняемыхъ при предварительномъ слѣдствіи и накопляется она независимо отъ дѣятельности полиціи и судебнаго слѣдователя.

Путь домашняго розыска приводитъ очень часто къ тому, что противъ обвиняемаго собираются извѣстныя, косвенныя улики. Свидѣтели подъ вліяніемъ убѣжденія самаго пострадавшаго лица смотрятъ подозрительно на обвиняемаго и склонны каждому факту придать неблагопріятное для обвиняемаго значеніе; они же вмѣстѣ съ лицемъ пострадавшимъ занимались домашнимъ, такъ сказать, обыскомъ; подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ обознавали поличное и совершенно добросовѣстно подтверждали всѣ эти данныя на предварительномъ слѣдствіи. Необходимъ извѣстный навыкъ къ дѣламъ, необходимо хорошее знакомство съ условіями нашей общественной жизни для того, чтобы оцѣнить эту связь уликъ по достоинству и придти къ положительнымъ выводамъ. Не смотря на все желаніе правильно поставить на судѣ обвиненіе, не смотря на всю осторожность при преданіи суду, весьма нерѣдко извѣстное стеченіе уликъ, выработанныхъ этимъ путемъ, приводитъ заподозрѣнныхъ лицъ

на скамью обвиняемыхъ, а на судѣ обнаруживается шаткость доказательствъ и несостоятельность уликъ. Предварительное слѣдствіе лишено самаго могучаго средства для избѣжанія подобныхъ ошибокъ—перекрестнаго допроса. Хотя уставы и предоставляютъ обвиняемымъ право предлагать чрезъ слѣдователя вопросы свидѣтелямъ, но это далеко не тотъ перекрестный допросъ, который имѣетъ мѣсто на судебномъ слѣдствіи. Весьма часто перекрестный допросъ на судѣ рельефно выставляетъ на видъ, какія ошибки были допущены при оцѣнкѣ показаній, данныхъ на предварительномъ слѣдствіи, а между тѣмъ эти ошибки были неизбѣжны, не отвратимы. Обыкновенно ропщутъ за эти ошибки на лицъ, производившихъ слѣдствіе, но не вникаютъ въ то, почему и при какихъ условіяхъ возникли и были допущены эти ошибки.

Иное направленіе получаютъ дѣла, предоставленныя правильному, законному теченію. Таковы, какъ мы выше замѣчали, дѣла о кражахъ со взломомъ внѣшнимъ. Тамъ дѣятельность пострадавшаго лица, находясь, иногда подъ контролемъ полиціи и почти всегда подъ контролемъ слѣдователя, получаетъ правильное направленіе. Хотя результатъ предварительныхъ слѣдствій и по этимъ дѣламъ далеко не блестящъ, но за то тѣ дѣла, которыя доходятъ до суда, получаютъ на судѣ болѣе удовлетворительное разрѣшеніе, чѣмъ дѣла двухъ остальныхъ видовъ.

Выводы наши по этому предмету основываются на точныхъ цифровыхъ данныхъ. Обиліе привлеченныхъ къ слѣдствіямъ лицъ замѣчается по дѣламъ о кражахъ втораго и третьяго рода, тогда какъ большинство дѣлъ о кражахъ перваго рода прекращается по отсутствію лицъ обвиняемыхъ. Такъ изъ числа прекращенныхъ дѣлъ по каждому виду кражъ прекращено по ст. 277-й дѣлъ о кражахъ перваго рода $52,_{58}\%$, втораго рода $36,_{75}\%$ и третьяго рода 26%. Далѣе изъ числа дѣлъ о кражахъ перваго рода только 15% доходитъ до суда, тогда какъ по дѣламъ о кражахъ втораго и третьяго рода до суда доходятъ 28% и 31% дѣлъ. Съ другой стороны удовлетворительно проходитъ на судѣ дѣлъ

о кражахъ перваго рода 73%, тогда какъ дѣла остальныхъ двухъ видовъ не насчитываютъ и 62%.

Обращаясь затѣмъ къ другимъ даннымъ, вытекающимъ изъ приведенныхъ нами цыфръ, мы остановимся на томъ, какъ относятся присяжные засѣдатели къ дѣламъ о кражахъ со взломомъ и какъ смотрятъ они вообще на значеніе взлома.

Мы видѣли выше, что Окружному Суду было предложено съ обвинительными актами 963 дѣла о кражахъ со взломомъ. Изъ этого числа разрѣшено согласно съ обвинительными актами 638 дѣлъ, или 66,25%. Между тѣмъ процентное отношеніе дѣлъ, получившихъ удовлетворительное разрѣшеніе, различно, смотря по виду кражъ. Такъ удовлетворительно въ смыслѣ обвиненія разрѣшено дѣлъ.

о кражахъ перваго рода 72%
„ втораго рода 66,32
„ третьяго рода 54,34. *)

Съ другой стороны изъ числа дѣлъ, получившихъ несогласное съ обвинительными актами разрѣшеніе (325 д) по 140 дѣламъ состоялись обвинительные приговоры, но присяжные засѣдатели отвергли существованіе взломовъ. Процентное отношеніе этихъ дѣлъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Отвергнуто существованіе взломовъ по дѣламъ:

о кражахъ перваго рода 11,22%
„ втораго рода 14,57
„ третьяго рода 20,23. **)

Цифры эти служатъ доказательствомъ тому, что

1) наименьшее количество оправданій приходится на дѣла о кражахъ со взломомъ внѣшнимъ;

2) наибольшее — на дѣла о кражахъ подобраннымъ орудіемъ;

---

*) Смотр. Т, I, II.

**) Смотр. т. II.

3) наименьшее число случаевъ, въ которыхъ присяжные засѣдатели отвергли существованіе взломовъ, причитается снова на дѣла о кражахъ перваго рода, и

4) наибольшее—на дѣла о кражахъ третьяго рода.

Мало того приводимая ниже таблица указываетъ на то, что присяжные засѣдатели постоянно и въ значительномъ количествѣ отрицаютъ существованіе взломовъ по дѣламъ о кражахъ втораго и третьяго рода, въ особенности по дѣламъ послѣдняго рода, тогда какъ по дѣламъ о кражахъ перваго рода, за исключеніемъ 1871 года, случаи эти сравнительно гораздо рѣже. Таблица эта слѣдующая:

	1866 г.	1867 г.	1868 г.	1869 г.	1870 г.	1871 г.
по кражамъ I рода	12,90.	14.	13,11.	5,771.	7,81.	22,22.
„ „ II „	8,13.	15,55.	11,53.	12,98.	23,17.	18,75.
„ „ III „	19,04.	17,24.	19,44.	13,78.	21,5.	35. *)

Могутъ сказать, что результатъ такого рода зависитъ отъ того, что, какъ и выше было замѣчено, дѣла о кражахъ со взломомъ внѣшнимъ производятся болѣе тщательно, а потому и судьямъ предлагается болѣе данныхъ для осужденія виновныхъ. Замѣчаніе это, если и имѣетъ серіозное значеніе по вопросу о количествѣ оправдательныхъ приговоровъ, оно не имѣетъ никакого значенія въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжными засѣдателями отвергнуто существованіе взлома.

Вопросъ о существованіи взлома на предварительномъ слѣдствіи разрѣшается обыкновенно не иначе, какъ путемъ осмотра взлома судебнымъ слѣдователемъ, о чемъ составляется закономъ установленный актъ. Обвинительная власть держится въ Московскомъ округѣ и на сколько намъ извѣстно и въ другихъ округахъ, того правила, чтобы не пропускать дѣла безъ актовъ осмотровъ. Исключенія изъ этого правила почти не существуютъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда акта осмотра взлома составлено не было, дѣло получаетъ направленіе какъ дѣло о простой кражѣ. Такимъ образомъ дѣла предлагаются съ обвинительными актами суду

*) Смотр. Т. II.

только въ такомъ случаѣ, когда существованіе взлома доказывается безъусловно. Небрежность въ этомъ случаѣ едва ли возможна. Производство осмотра по дѣламъ о кражахъ со взломомъ есть дѣйствіе несложное и слѣдователя мало обременяющее въ огромномъ же большинствѣ случаевъ даже облегчающее судебнаго слѣдователя, такъ какъ этимъ путемъ опредѣляется подсудность дѣлъ, весьма часто неправильно направляемыхъ къ слѣдователямъ. Въ слѣдствіе этого осмотры производятся судебными слѣдователями весьма охотно и обстоятельно.

Не смотря однако на это сравнительно значительное количество случаевъ, въ которыхъ присяжные засѣдатели отвергали доказанное фактически существованіе взломовъ, указываетъ на то, что присяжные засѣдатели весьма склонны къ отрицанію взлома

Достаточно прослѣдить нѣсколько процессовъ этого рода для того чтобы убѣдиться какъ настоятельно, съ какимъ вниманіемъ присяжные засѣдатели относятся именно къ этому вопросу. Они тщательно разбираютъ самый актъ осмотра, предлагаютъ цѣлый рядъ разспросовъ касающихся преимущественно факта взлома. — Опровергнуть обвиненіе съ этой стороны есть задача, которую принимаетъ на себя защита почти по всѣмъ дѣламъ и надо признать, что она находитъ себѣ въ этомъ помощниковъ среди лицъ предсѣдательствующихъ на судѣ.

Такое отношеніе къ дѣлу имѣетъ свое прямое основаніе въ самомъ ученіи о взломѣ нашего уложенія о наказаніяхъ. Ученіе это туманное и не опредѣленное не заключаетъ въ себѣ никакого руководящаго начала, которое вліяло бы на людей обязанныхъ осуществлять на практикѣ ученіе закона. И въ самомъ дѣлѣ лице, слушающее пренія на судѣ, не можетъ не быть поражено тѣми разнообразными толкованіями закона, которыя ему приходится выслушивать. Съ одной стороны обвиненіе, основываясь на буквѣ закона, говоритъ, что извѣстный предметъ, указанный въ законѣ, былъ сломанъ для совершенія кражи, а потому и кража должна быть признана кражей со взломомъ. Съ другой стороны за-

щита просить присяжныхъ обратить свое вниманіе на то, что поврежденія предмета ничтожны, что кража совершена при такихъ условіяхъ, при которыхъ она ничѣмъ не отличается отъ простой кражи и это въ извѣстныхъ случаяхъ имѣетъ за себя серіозныя основанія. Напрасно обвиненіе старается подкрѣпить свои доводы внутреннимъ смысломъ закона, оно невольно приходитъ въ столкновеніе съ вопросомъ, что такое взломъ и въ чемъ заключаются мотивы для усиленія наказанія за кражу имъ сопровождаемую. Что приведетъ оно въ доказательство своихъ доводовъ? Законъ? но онъ не дѣлаетъ никакихъ опредѣленій; логическій смыслъ закона но уложеніе въ двухъ статьяхъ, относящихся до кражи со взломомъ, не только не выражаетъ никакихъ принциповъ положенныхъ въ основаніе ученія, но прямо и не посредственно противорѣчитъ себѣ самому при исчисленіи примѣрныхъ поврежденій составляющихъ взломы. Приведетъ ли обвиненіе въ доказательство правильности своихъ доводовъ мнѣнія ученыхъ юристовъ, но мнѣнія эти основаны не на ученіи нашего уложенія, а на теоріи и ученіи законодательствъ другихъ государствъ, ученіи, имѣющемъ мало общаго съ статьями нашего уложенія. Удалятся ли на совѣщаніе присяжные засѣдатели вполнѣ удовлетворенные разъясненіями безпристрастнаго предсѣдателя? Врядъ ли. Предсѣдатель точно также не располагаетъ никакими средствами разъяснить этотъ вопросъ и на судѣ нерѣдко можно слышать такого рода объясненія: актъ осмотра доказываетъ, что извѣстные предметы были сломаны; дѣло присяжныхъ засѣдателей убѣдиться этимъ доказательствомъ или его отвергнуть, составляютъ ли эти поврежденія взломъ или нѣтъ— это дѣло суда и болѣе ничего. Не рѣдко къ этому въ видѣ назиданія присоединяется объясненіе, что присяжные никому не отдаютъ отчета въ своихъ приговорахъ, или иначе сказать, имѣютъ будто бы право отвергать то, что очевидно доказано. Какой же исходъ для присяжнаго засѣдателя, добросовѣстно относящагося къ своимъ обязанностямъ? Онъ сознаетъ, что нельзя оправдать вора, пойманнаго съ поличнымъ на мѣстѣ кражи, а между тѣмъ наказаніе ему

предстоящее не соотвѣтствуетъ его винѣ. Совершая кражу въ глухомъ лѣсу, въ гнилой не жилой сторожкѣ, вынувъ для этого пробой изъ гнилой притолки двери, пробой едва державшійся на своемъ мѣстѣ—этотъ человѣкъ не совершилъ ничего ужаснѣе простой кражи. За что же онъ будетъ наказанъ шестью степенями выше, чѣмъ воръ, совершившій простую кражу. Между тѣмъ фактъ взлома на лицо. Можетъ быть скажутъ, что присяжнымъ засѣдателямъ нѣтъ дѣла до наказанія; имъ оно, согласно закону, и не должно быть извѣстно. Но между тѣмъ, что должно быть и что есть бываетъ большая разница и присяжные засѣдатели во всякомъ случаѣ не могутъ не знать, что имъ подсудны только тяжкія по наказанію преступленія, а прослушавши во время сессіи два, три приговора, они хорошо ознакомятся съ системой наказаній за кражи со взломомъ. Остается для нихъ исходъ одинъ. Лучше заслужить упрекъ въ непослѣдовательности, чѣмъ вынудить судъ приговорить человѣка къ наказанію свыше мѣры его вины. Отсюда проистекаютъ отрицанія взломовъ весьма не рѣдко въ ущербъ очевидности. Для человѣка, не покидающаго городъ, мало знакомаго съ условіями сельской жизни, можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ присяжные засѣдатели затрудняются признать взломами такія поврежденія, какъ взломы замковъ въ сундукахъ, поврежденія замковъ въ дверяхъ, оторваніе въ полу чердака доски, прибитой гвоздями, но ознакомившись съ условіями, при которыхъ въ большинствѣ случаевъ хранятся вещи въ нашихъ деревняхъ и селахъ нельзя не согласиться, что одно только поврежденіе зданій и хранилищъ никакъ не объясняетъ причины такого громаднаго усиленія наказанія.

Въ самомъ дѣлѣ кража со взломомъ, по ученію нашего Уложенія, совершенная въ городахъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ, кромѣ поврежденій, ничего общаго съ такою же кражею, совершенною въ деревнѣ. Въ то время, когда первая является дѣйствительно преступленіемъ опаснымъ и служитъ выраженіемъ извѣстной доли энергіи и значительнаго развитія злой воли преступника, вторая,—за ис-

ключеніемъ случаевъ прямаго нападенія на жилыя мѣста, ни чѣмъ не отличается отъ простой кражи, совершенной при условіяхъ, опредѣленныхъ ст. 170 Уст. о Наказ. Происходитъ это отъ различія условій быта городскаго и сельскаго. Въ городѣ иначе располагаются надворныя строенія, иначе хранится имущество, чѣмъ въ деревнѣ. Народонаселеніе въ городахъ скучено на сравнительно ограниченномъ пространствѣ и въ болѣе значительномъ количествѣ. Совершая кражу въ городѣ похититель рискуетъ скорѣе быть пойманнымъ на мѣстѣ преступленія; рѣшаясь на кражу, онъ готовится защищаться до послѣдней крайности, желая совершить кражу и зная за какими крѣпкими запорами хранится имущество его соблазняющее, онъ почти всегда вооруженъ орудіями для совершенія взломовъ, орудіями, могущими служить ему для самообороны. Присутствіе такого орудія ясно сказывается во всякомъ актѣ осмотра по слѣдамъ, оставленнымъ на мѣстахъ взломовъ. Наконецъ кражи, совершенныя въ городахъ почти всегда, за весьма рѣдкими исключеніями, заключаютъ въ себѣ тяжкое правонарушеніе—нападеніе на жилое строеніе, нарушеніе спокойствія семейной, домашней жизни. Кража въ городахъ очень часто и легко переходитъ въ другое болѣе тяжкое преступленіе въ грабежъ или разбой. Другое дѣло въ деревнѣ. Тамъ народонаселеніе разбросано на болѣе широкомъ пространствѣ. Имущество хранится за такими запорами, которые не требуютъ никакого труда для ихъ уничтоженія. Строенія, въ которыхъ хранятся имущества, весьма часто не только не находятся въ связи съ жилыми строеніями, но разбросаны отъ нихъ на далекомъ разстояніи въ самыхъ глухихъ, ничѣмъ не защищенныхъ мѣстахъ поселка. Не менѣе часто имущество хранится даже и не въ самомъ селеніи, а въ необитаемыхъ сторожкахъ и сараяхъ, построенныхъ въ лѣсу и отхожихъ пустошахъ. Просмотрѣвъ дѣло о кражахъ со взломомъ, совершенныхъ въ уѣздахъ, рѣдко можно встрѣтить взломы, совершенные какимъ-либо заранѣе приготовленнымъ орудіемъ. Чаще всего орудія взломовъ добываются похитителями здѣсь же на мѣстѣ кражи. Это—гвоздь, палка, щепка, ка-

кой-либо металлическій обломокъ. Всѣ эти винтовые деревянные замки отпираются въ большинствѣ случаевъ двумя пальцами или вытягиваются руками. Деревянные запоры, досчатыя едва сколоченныя двери уступаютъ простому нажатію рукой, плечемъ, толчку ногою. Посмотрите, напримѣръ, на недавній случай, происшедшій на судѣ. Кража совершена изъ чулана сарая, находившагося въ трехъ верстахъ отъ ближайшаго поселка. Въ чуланѣ дверь изломана и обратилась въ отдѣльныя доски, пробой у косяка выдернутъ, при чемъ самая притолка разломана, поврежденія значительны, а между тѣмъ все это совершено однимъ человѣкомъ и простыми не вооруженными руками. Для совершенія такихъ кражъ не требуется отъ похитителя ни особенной смѣлости, ни особенной испорченности злой воли и сама кража не представляется на столько опасной, какъ кража совершенная при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она совершена въ городахъ. Такая кража, совершенная внѣ жилыхъ мѣстъ и строеній, ничѣмъ, какъ, замѣчено, не отличается отъ простой кражи, совершенной при условіяхъ, исчисленныхъ въ ст. 170-ой Уст. о Наказ. нал. мир. Суд.

Такимъ образомъ одной наличности взлома, поврежденія хранилищъ совершенно недостаточно для того, чтобы простую кражу обратить въ кражу квалифицированную, наказуемую въ шесть разъ сильнѣе простой. Такое наказаніе не соотвѣтствуетъ винѣ преступника и если учиненіе извѣстныхъ поврежденій строеній и запоровъ само по себѣ, не зависимо отъ другихъ обстоятельствъ сопровождающихъ кражу, и можетъ служить выраженіемъ нѣсколько большей испорченности воли преступника, то оно съ другой стороны не можетъ имѣть такого рѣшительнаго вліянія на наказуемость кражи.

Между тѣмъ среди дѣлъ о кражахъ со взломомъ въ судебной практикѣ встрѣчаются дѣла особой важности. Совершаются кражи, выражающія собой значительную долю испорченности злой воли преступника, особую съ его стороны смѣлость. Кражи эти имѣютъ угрожающій жизни и спокойствію жителей характеръ. Они возбуждаютъ въ об-

ществѣ основательную тревогу и требуютъ особаго для преступника наказанія. Всѣ эти случаи заключаютъ въ себѣ, кромѣ совершенія взломовъ, другой признакъ болѣе важный. Это прямое нападеніе не только на имущество пострадавшаго лица, какъ и всякая кража, но на его жилище, на то, что для человѣка на столько же дорого, на сколько дорога ему жизнь и личная свобода. Въ нѣдрахъ своей семьи, у своего очага человѣкъ ищетъ спокойствія, возможности труда. Въ своемъ жилищѣ хранитъ онъ все, что ему дорого. Тамъ живутъ близкіе ему люди, спокойствіе которыхъ онъ охраняетъ, тамъ хранится и самое дорогое для него имущество. Человѣкъ вездѣ и во всякое время охранялъ и охраняетъ какъ святыню свой домашній очагъ и ревностно защищаетъ его отъ всякихъ нападеній. Вотъ почему и кража соединенная съ нападеніемъ на жилище возбуждаетъ всегда особую тревогу въ обществѣ. Съ другой стороны тотъ, кто нападетъ на жилище другаго, не можетъ не сознавать всѣхъ опасностей своего преступнаго дѣянія и если, не смотря на это, совершаетъ его, то выражаетъ тѣмъ самымъ такую злую волю, которая требуетъ особыхъ мѣръ для своего подавленія. Вотъ почему и наши присяжные засѣдатели отвергая легко существованіе взломовъ въ дѣлахъ о кражахъ, совершенныхъ внѣ жилыхъ мѣстъ, строго относятся къ кражамъ со взломомъ, совершеннымъ изъ жилаго дома. Почти всѣ случаи, въ которыхъ присяжные засѣдатели отвергли существованіе взлома, почти всѣ они касаются кражъ совершенныхъ внѣ жилыхъ мѣстъ.

Законодательства западной Европы обратили свое особенное вниманіе на принципъ охраны жилищъ. Они придали ему то значеніе, которое придаетъ ему и общественное мнѣніе. Охрана жилищъ для кодексовъ западной Европы служитъ главнымъ мотивомъ для того, чтобы признать кражи со взломомъ квалифицированными кражами, при чемъ самыя поврежденія, будутъ ли они незначительны или громадны,—не играютъ никакой роли.

Только въ нашемъ уложеніи ученіе о кражахъ со взломомъ не построено на этомъ принципѣ. Уложеніе ученіе

свое строитъ единственно на свойствѣ совершенныхъ поврежденій, то-есть на такомъ признакѣ, который ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія и отвергается обществомъ. Какую сбивчивость понятій вноситъ этотъ признакъ въ ученіе о кражѣ со взломомъ и какія затрудненія представляетъ такое ученіе на практикѣ мы увидимъ при разсмотрѣніи ученія нашего Уложенія, къ чему мы и переходимъ.

Уложеніе, опредѣляя наказаніе за кражи со взломомъ, говоритъ:

„*За кражу со взломомъ наказаніе опредѣляется, смотря по роду и важности учиненнаго взлома, именно:*

когда для сего былъ сдѣланъ подкопъ подъ домъ или иное зданіе, или же отбиты, или разбиты ворота или наружныя двери зданія, или проломаны стѣны, или кровля, или сдѣланъ иной проломъ.

Когда же взломъ ограничивался разбитіемъ или поврежденіемъ оконъ, или внутреннихъ въ зданіи дверей, шкаповъ, сундуковъ, ларцевъ или иныхъ хранилищъ, въ коихъ находились украденныя вещи или другіе предметы, или же отбитіемъ замковъ, бывшихъ на тѣхъ сундукахъ или иныхъ хранилищахъ, или же оторваніемъ приложенныхъ къ нимъ печатей,“ то и т. д.

Затѣмъ къ кражѣ со взломомъ приравнено „*похищеніе запертыхъ сундуковъ, ларцевъ или иныхъ хранилищъ какого-либо движимаго имущества, хотя и безъ разбитія и поврежденія оныхъ, а равно и за открытіе сихъ сундуковъ, ларцевъ, шкаповъ или иныхъ хранилищъ посредствомъ поддѣльныхъ, или подобранныхъ, или украденныхъ ключей, или же крючьевъ, гвоздей или иныхъ какого-либо рода орудій.*“*)

Такимъ образомъ Уложеніе, не давая никакого опредѣленія взлома, употребляетъ выраженіе „за кражу со взломомъ,“ полая, что слово это понятно само по себѣ и не требуетъ поясненія. Между тѣмъ далѣе законъ перечисляетъ различныя поврежденія, которыя составляютъ взломы. Очевидно,

*) Ст. 1647-я, 1648-я.

перечисленіе это есть не болѣе какъ примѣры, такъ какъ перечислить все то, что можетъ встрѣтиться на практикѣ законъ не въ силахъ. Однако самое перечисленіе предметовъ, могущихъ быть поврежденными при совершеніи взлома, сдѣлано очевидно поверхностно, безъ строгаго выбора, вслѣдствіе чего и вноситъ значительную путаницу въ понятіе о взломѣ, неудачное же употребленіе нѣкоторыхъ выраженій достаточно этому содѣйствуетъ.

Практика по свойству примѣрныхъ поврежденій и предметовъ поврежденныхъ раздѣлила взломы на *внѣшніе и внутренніе*, а по тяжести наказаній на взломы *перваго и втораго* рода. Она признаетъ взломомъ внѣшнимъ всѣ поврежденія исчисленныя въ первой части ст. 1647-й, а внутреннимъ — поврежденія исчисленныя во второй части той же статьи.

Такое дѣленіе не имѣетъ точнаго основанія. Очевидно, что внѣшнимъ взломомъ должно признавать такія поврежденія, посредствомъ которыхъ похититель проникъ изъ внѣ въ строенія, зданіи и ограды тѣхъ мѣстъ, гдѣ хранилось похищенное имущество. Между тѣмъ нашъ законъ исключаетъ изъ первой части статьи 1647-ой одинъ изъ видовъ внѣшняго взлома—разбитіе и поврежденіе оконъ и относитъ этотъ видъ взлома ко второй части статьи. Такимъ образомъ законъ нашъ при опредѣленіи характера взлома не придаетъ особаго значенія тому, совершенъ ли взломъ извнѣ или внутри, хотя нѣкоторые изъ взломовъ внѣшнихъ и наказываетъ строже взломовъ внутреннихъ. Затѣмъ примѣры поврежденій, исчисленные въ ст. 1647-й, не даютъ возможности съ точностію опредѣлить—придаетъ ли законъ какое-либо значеніе тому, гдѣ, на какомъ мѣстѣ, при какихъ условіяхъ произведены взломы. Такъ съ первой части статьи законъ нѣсколько разъ повторяетъ слова „домъ, зданіе“ и заставляетъ придти къ тому заключенію, что подкопъ и поврежденіе воротъ или дверей только тогда признаются взломами, когда они совершены надъ домами и зданіями, но затѣмъ различные виды проломовъ стѣнъ и кровлей не имѣютъ уже этого опредѣленія и можно думать, что про-

ломы въ стѣнахъ и кровляхъ суть взломы внѣшніе, хотя бы стѣны и кровли и не составляли домовъ и зданій. Должны ли стѣны быть проломаны снаружи зданія, или къ тому же роду взломовъ надо присоединить проломы и стѣнъ внутри зданія? О поврежденіи послѣдняго рода вторая часть статьи ничего не говоритъ. Далѣе, что опредѣляютъ послѣднія слова первой части статьи „*или сдѣланъ иной проломъ.*“ Гдѣ, при какихъ условіяхъ этотъ *иной проломъ* долженъ быть совершенъ? Наконецъ, намъ кажется, что самое выраженіе „проломъ“ выбрано неудачно. Стѣны и кровля нашихъ деревенскихъ и многихъ городскихъ построекъ могутъ быть повреждены и другимъ, кромѣ пролома, способомъ. Напримѣръ стѣны изъ земли и нескрѣпленныхъ камней, соломенная крыша сарая и избы.

Какъ трудно изъ приведенныхъ нами статей Уложенія составить цѣльное, послѣдовательное ученіе и съ какими трудностями приходится бороться людямъ примѣняющимъ Уложеніе къ отдѣльнымъ случаямъ—это можно видѣть изъ разнообразныхъ рѣшеній вассаціоннаго суда. На основаніи неясной фразы первой части статьи 1647-й и голаго простаго перечисленія примѣровъ во второй ея части и въ статьѣ 1648-й наша практика пришла къ тому заключенію, что взломъ всякаго помѣщенія, зданія, хранилища и запора, гдѣ бы и при какихъ условіяхъ онъ не былъ бы произведенъ, обусловливаетъ собою существованіе взлома. Если это ученіе согласно съ истиннымъ смысломъ закона, то къ какому виду взлома слѣдуетъ отнести взломъ плетневаго забора, огараживающаго, напримѣръ, крестьянскій выгонъ. Ни по свойству поврежденія, ни по качеству поврежденнаго предмета, ни по степени участія злой воли преступника случай этотъ не подходитъ подъ примѣрныя поврежденія, указанныя первой частью статьи 1647-й, слѣдовательно не можетъ быть отнесенъ къ внѣшнему взлому, еще менѣе можетъ быть отнесенъ онъ къ взлому внутреннему.

Въ рѣшеніяхъ Кассаціоннаго Департамента Сената мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ случаевъ возбуждавшихъ сомнѣніе въ томъ, обусловливаютъ ли извѣстныя по-

врежденія существованіе взломовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ рѣшеній Сената.

Сенатъ призналъ, что законъ различаетъ два рода взломовъ: къ первому отнесены поврежденія дѣлаемыя съ намѣреніемъ проникнуть внутрь зданія, за исключеніемъ поврежденія оконъ; затѣмъ, какъ поврежденія оконъ, такъ *и всѣ* другія поврежденія внутри зданія, состоятъ ли они въ разбитіи или поврежденіи внутреннихъ дверей или какихъ либо хранилищъ отнесены ко взлому втораго рода *)

Это рѣшеніе Сената составляетъ не столько разъясненіе, сколько исправленіе закона. Сенатъ даетъ опредѣленіе взлома внѣшняго, чего законъ не дѣлаетъ; мало того Сенатъ расширяетъ значеніе внутренняго взлома и съуживаетъ понятіе о взломѣ внѣшнемъ, что впрочемъ согласно съ справедливостью хотя и не вполнѣ согласно съ буквальнымъ смысломъ закона. Сенатъ говоритъ, что „*всѣ другія поврежденія внутри зданія*“ составляютъ взломъ втораго рода. Но законъ во второй части статьи ничего неговоритъ о *проломѣ* внутреннихъ стѣнъ зданія, а на оборотъ въ первой части статьи употребляетъ выраженіе „*или сдѣланъ иной проломъ.*“ Сенатъ по видимому самъ находится. въ нѣкоторомъ недоумѣніи и, употребивъ точное опредѣленіе внутренняго взлома, спѣшитъ внести нѣкоторое ограниченіе въ это понятіе, добавляя: „состоятъ ли они (взломы) въ разбитіи или поврежденіи внутреннихъ дверей или какихъ-либо хранилищъ,“ давая этимъ понять, что только такія поврежденія внутри зданія составляютъ взломы. Разбираемое нами рѣшеніе возбуждаетъ еще другой интересный вопросъ. Какъ выше мы сказали, первая часть статьи 1647-й даетъ въ одномъ случаѣ указанія на то, что взломы внѣшніе касаются только зданій и домовъ; въ другихъ случаяхъ законъ не дѣлаетъ этого разъясненія. Между тѣмъ стѣны могутъ составлять извѣстное сооруженіе, не составляя зданія или дома; эти стѣны могутъ имѣть кровли въ видѣ навѣсовъ и также могутъ не составлять ни зданія, ни дома. Таковы ограды дворовъ, пустопорожнихъ мѣстъ,

*) Рѣш. Кассац. Угол. Д-та Сен. 1868 г. № 681.

выгоновъ и т. п. Сенатъ въ томъ же рѣшеніи раздѣляетъ понятіе о зданіяхъ и оградахъ. Сенатъ разъясняетъ, что законъ говоритъ о зданіяхъ вообще, не касаясь того обнесено ли зданіе оградой или нѣтъ, а такъ какъ ранѣе сего тоже рѣшеніе Сената опредѣляетъ, что внѣшній взломъ есть поврежденіе, имѣющее единственную цѣль доставить похитителю возможность проникнуть внутрь *зданія*, то слѣдовательно поврежденія оградъ не составляютъ взлома.

Не имѣя передъ собою твердаго опредѣленія закона, Правительствующій Сенатъ не остался при этомъ толкованіи. Въ другомъ случаѣ онъ придалъ иной смыслъ первой части 1647-й статьи и значеніе взлома внѣшняго распространилъ и на поврежденія оградъ. Сенатъ въ этомъ случаѣ разсуждаетъ такъ: *проломомъ* признается *всякое* отверстіе въ стѣнѣ, кровлѣ или иной части зданія или строенія, когда оно сдѣлано посредствомъ поврежденія, съ цѣлью проникнуть въ то мѣсто, изъ котораго виновный намѣренъ похитить имущество, а такъ какъ въ законѣ не сдѣлано различія между стѣнами и кровлями, ограждающими со стороны и сверху входъ во дворъ и стѣнами или кровлями зданій, служащихъ для жилья или храненія какого-либо имущества, то Сенатъ признаетъ, что разобраніе соломенной крыши стѣны, окружающей дворъ есть взломъ перваго рода. *) Въ этомъ рѣшеніи Сенатъ снова дѣлаетъ различіе между зданіями и оградами, но признаетъ поврежденія послѣднихъ взломами только на томъ единственномъ основаніи, что законъ въ своемъ туманномъ перечисленіи не дѣлаетъ различія между различными стѣнами и кровлями,—между тѣмъ какъ въ первомъ рѣшеніи Сенатъ признавалъ, что законъ говоритъ только о зданіяхъ.

Два приведенныя рѣшенія Сената служатъ прямымъ доказательствомъ того, что статья 1647-я допускаетъ всевозможно разнообразныя и другъ другу противурѣчащія толкова-

*) Рѣш. Угол. Кассац. Д-та Сен. 1868 г. № 376 и 1870 г. № 558.

нія, такъ какъ оба толкованія Сената имѣютъ за себя различныя части одной и той же статьи закона.

Далѣе Сенату предстояло разрѣшить вопросъ о томъ составляетъ ли раскопъ соломенной крыши взломъ перваго рода. Это весьма рѣдкій случай, такъ какъ присяжные засѣдатели почти всегда отвергаютъ существованіе такого повреждения. Законъ самъ по себѣ не предвидѣлъ такого повреждения, какъ не предвидѣлъ множество поврежденій встрѣчающихся на практикѣ. Всякій, кто знаетъ, какъ дѣлаются у насъ соломенныя крыши, согласится, что раскопъ соломенной крыши никакъ не можетъ быть поставленъ рядомъ съ „*проломами*“ стѣнъ и кровель въ общепринятомъ значеніи этого слова. Тогда какъ послѣднія требуютъ и особыхъ усилій, весьма часто особыхъ приготовленій и всегда особыхъ орудій взлома, раскопъ соломенной крыши совершается легко и просто одними руками, безъ всякихъ приготовленій, усилій и орудій. Раскопъ соломенной крыши нисколько не труднѣе взлома замка и лубочнаго короба и разбитія рамъ и оконъ. Если послѣднее отнесено къ внутреннему взлому, то почему же раскопъ крыши есть взломъ перваго рода. Сенату необходимо было выдти изъ этого затрудненія и онъ снова дополняетъ законъ опредѣленіемъ въ немъ не существующимъ. Сенатъ опредѣляетъ понятіе о проломѣ, онъ говоритъ, что проломъ есть всякое *отверстіе, сдѣланное посредствомъ поврежденія.* Такое опредѣленіе, удобное для подведенія раскопа крыши подъ ученіе о внѣшнемъ взломѣ, врядъ ли можетъ быть признано удачнымъ и вполнѣ разъясняющимъ вопросомъ. Согласно такому опредѣленію проломъ или взломъ стѣны будетъ имѣть мѣсто только тогда, когда въ стѣнѣ или въ кровлѣ сдѣлано *отверстіе.* Такимъ образомъ, если вмѣсто отверстія будетъ уничтожена, разобрана вся стѣна, во всемъ ея составѣ, или ограда будетъ вся повалена, перемѣщена съ мѣста на мѣсто, какъ это легко можетъ случиться и нерѣдко бывало съ плетневыми заборами,—тогда, по ученію Сената, это дѣяніе не будетъ взломомъ, такъ какъ пролома (отверстія посредствомъ поврежденія) не будетъ. Установивъ такой взглядъ

на значеніе пролома, Сенату пришлось идти по этому пути далѣе и ограничить это опредѣленіе толкованіемъ слова *поврежденіе*. Въ рѣшеніи 1871 года по дѣлу Голосовой Сенатъ призналъ, что поврежденіе можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда части матеріала, изъ котораго сдѣланы кровля или стѣна, имѣютъ между собою скрѣпленіе, связь, или же когда эти части прикрѣплены къ неподвижнымъ частямъ зданія. Сенатъ не призналъ по этому взломомъ тотъ случай, когда былъ разобранъ потолокъ, состоящій изъ досокъ между собою не скрѣпленныхъ. Въ такомъ случаѣ почему же раскопъ соломенной крыши есть взломъ;—солома, составляющая крышу, всегда имѣетъ мѣсто гдѣ она ни къ чему не прикрѣплена и свободно разбирается. *) Источникъ подобнаго недоразумѣнія находится въ самомъ законѣ и неудачно выбраннымъ словомъ законъ ставитъ практическихъ дѣятелей въ весьма затруднительное положеніе.

Чтобы окончить съ первой частью статьи 1647-й остановимся еще и на томъ, что и послѣдній примѣръ поврежденія отбитіе или разбитіе воротъ зданія можетъ также возбуждать недоразумѣніе на практикѣ, ибо ворота рѣже составляютъ часть зданія, а въ большинствѣ случаевъ составляютъ принадлежность оградъ.

Разбирая первое изъ приведенныхъ выше рѣшеній Сената мы имѣли уже случай указать, что и вторая часть статьи 1647-й, предусматривающая случаи внутренняго взлома, также не ясна и туманна и даетъ возможность различныхъ толкованій. Къ внутреннему взлому отнесенъ одинъ изъ видовъ внѣшняго взлома, исключены почему-то поврежденія внутреннихъ въ зданіи стѣнъ. Затѣмъ и эта часть статьи встрѣтила на практикѣ затрудненія, доходившія до разсмотрѣнія Сената. Приведемъ изъ нихъ одно, наиболѣе характеризующее редакцію этой статьи. Взломы различныхъ замковъ какъ у хранилищъ, такъ у воротъ и дверей составляютъ случаи чаще другихъ встрѣчающіеся на практикѣ. Мнѣ

*) Послѣднему изъ приведенныхъ рѣшеній Сената, совершенно противорѣчатъ рѣшенія Сената за 1868 годъ № 339, 376.

извѣстно, что въ трехъ судахъ Московскаго Округа всегда и безъ всякихъ съ чьей-либо стороны возраженій было принято за правило, что всевозможные взломы замковъ, когда поврежденіе ограничивалось однимъ замкомъ, спеціально предусмотрѣны 2-ю частію 1647-й и по этому составляютъ взломъ втораго рода. Такое соображеніе основано на редакціи второй части статьи 1647-й, а также на томъ, что первая часть совершенно не имѣетъ въ виду различныхъ видовъ запоровъ и говоря о воротахъ и дверяхъ, предусматриваетъ тотъ случай, когда *самыя вороты или наружныя двери отбиты или разбиты*, что кромѣ того законъ, приравнивая къ взлому *) подборъ ключей и орудій къ замкамъ, не дѣлаетъ различія между замками, находящимися на наружныхъ или внутреннихъ дверяхъ зданія. Правительствующій Сенатъ не призналъ такого взгляда правильнымъ. Сенатъ не опровергая выше приведенныхъ выводовъ, пришелъ къ тому заключенію, что замокъ есть часть двери, что и печать, приложенная къ двери, составляетъ ея часть, а потому и призналъ, что взломъ замка и сломаніе печати у наружной двери зданія составляютъ внѣшніе взломы. **) Не говоря уже о томъ, что врядъ ли висячій замокъ и печать составляютъ части дверей, страннымъ представляется такое противорѣчіе: взломъ замка у внутренней двери зданія и открытіе замка поддѣльнымъ ключемъ составляютъ дѣянія одинаково наказуемыя, а взломъ замка у наружной двери, составляя взломъ перваго рода, наказуемъ значительно выше однороднаго съ нимъ дѣянія—подбора къ тому замку ключа или инаго орудія. Очевидно въ этомъ случаѣ виноваты туманность, неясность и противорѣчія самого закона.

Разсмотрѣвъ отдѣльно каждое изъ постановленій закона, необходимо отдать себѣ отчетъ и объ общемъ значеніи этихъ постановленій, разсмотрѣть ихъ въ совокупности, опредѣлить какіе принципы положены въ основаніе ученія о кра-

---

*) ст. 1648 Ул.

**) Рѣш. Утол. Кассац. Д-та Сен. 1868 г. № 861, 734, 1869 г. № 317, 345, 440; 1871 г. № 1720.

жѣ со взломомъ. И въ этомъ отношеніи законъ представляетъ мало данныхъ для того, чтобы придти къ категорическимъ заключеніямъ. Что охраняетъ законъ, наказывая кражу со взломомъ сильнѣе простой кражи. По видимому единственно только хранилища и различнаго рода запоры. Разъ хозяинъ принялъ мѣры запереть свое имущество, законъ охраняетъ эти запоры и хранилища. Законъ не дѣлаетъ никакого различія въ томъ принялъ ли хозяинъ какія-либо мѣры къ тому, чтобы запоры и хранилища съ своей стороны не были бы небрежно брошены на произволъ судьбы, а оберегались бы извѣстнымъ образомъ. Законъ не говоритъ о томъ гдѣ, въ какихъ мѣстахъ и при какихъ условіяхъ долженъ быть совершенъ взломъ для того, чтобы онъ видоизмѣнялъ самую кражу. Мы видѣли ранѣе, что Сенатъ по отношенію къ взлому перваго рода сдѣлалъ попытку ограничить значеніе его по отношенію только къ однимъ зданіямъ, но затѣмъ вынужденъ былъ отступиться отъ этого ограниченія. Въ самомъ дѣлѣ указанная нами по этому поводу туманность и неясность редакціи закона не даетъ данныхъ къ положительнымъ выводамъ. Точно также и по отношенію къ внутреннему взлому законъ не опредѣляетъ мѣста совершенія взлома, а говоритъ только о свойствѣ поврежденія и предметахъ долженствующихъ быть поврежденными при совершеніи взлома. На основаніи того, что законъ умалчиваетъ о мѣстѣ совершенія взлома, практика выработала тотъ взглядъ, что по ученію нашего кодекса взломъ можетъ быть произведенъ надъ запертымъ хранилищемъ во всякомъ мѣстѣ. Такъ что взломъ хранилища, небрежно брошеннаго или забытаго въ какой-либо глухой мѣстности, взломъ стѣны, ограждающей какое-либо пустопорожнее мѣсто, взломы хранилищъ на возахъ и т. п. все это обусловливаетъ собою существованіе кражи со взломомъ.

Хотя практика новыхъ судовъ въ своемъ толкованіи Уложенія разнится отъ практики старыхъ судовъ, но по вопросу о мѣстѣ совершенія взломовъ она съ нею сходится. Въ нашемъ Уложеніи существуетъ правило, отвергаемое всѣми юристами, и дающее право судамъ придавать самое

широкое толкованіе постановленіямъ закона, наказывать за такія дѣянія, которыя не предусмотрѣны положительнымъ уголовнымъ закономъ. Это право имѣло своимъ послѣдствіемъ расширеніе ученія о взломѣ и отнесеніе къ взломамъ такихъ поврежденій, которыя, строго говоря, не могутъ быть признаваемы взломами. На оборотъ прежняя судебная практика держалась другаго правила. Она не давала распространительнаго значенія статьямъ закона. Такъ по отношенію къ ученію о кражѣ со взломомъ въ мнѣніи Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденномъ 3-го октября 1851 года, по дѣлу дворянина Тыртова выражено: „что при положительномъ опредѣленіи взлома въ статьяхъ 2228 и 2229 Улож. о Наказ. *) и по общимъ понятіямъ о семъ дѣйствіи нельзя назвать взломомъ какое-либо дѣяніе, кромѣ означенныхъ въ сихъ статьяхъ.“ Изъ этого видно, что и прежняя практика, хотя и ограничивала понятіе о взломѣ тѣми только поврежденіями, которыя точно исчислены въ законѣ, но и обусловливала существованіе взлома только одними поврежденіями, не обращая вниманія на то въ какихъ мѣстахъ и при какихъ условіяхъ поврежденія эти были совершены. Съ другой стороны законъ не даетъ возможности опредѣлить почему совершеніе кражи со взломомъ по нашему Уложенію наказывается сильнѣе простой кражи, въ чемъ законъ усматриваетъ особую опасность этого преступленія. Допуская то правило, что взломъ можетъ быть совершенъ на всякомъ мѣстѣ и при всевозможныхъ обстоятельствахъ, законъ допускаетъ такимъ образомъ возможность возвышенія наказанія за такія кражи, сопровождающіяся поврежденіемъ хранилищъ, которыя ничѣмъ по свойству и характеру своему не отличаются отъ простыхъ кражъ, о чемъ мы говорили выше. Обыкновенно принято говорить, что законъ караетъ, въ этомъ случаѣ особенно испорченную, злую волю преступника. Эта особенная испорченность преступника выражается въ томъ усиліи, въ томъ

*) Изд. 1866 г. ст. 1647-я, 1648-я.

упорствѣ, съ которыми злая воля преступника приводитъ намѣреніе свое въ исполненіе. Такой мотивъ приводитъ къ возвышенію наказанія за кражи со взломомъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденное 26-го Іюня 1849 года, по дѣлу Маркевича. Тотъ же выводъ можно сдѣлать изъ цѣлаго ряда рѣшеній Кассаціоннаго Департамента Сената. Иначе сказать нашъ законъ имѣетъ въ виду только важность совершенныхъ поврежденій и степень физической силы, употребленной похитителемъ для совершенія поврежденія, и на этомъ основаніи одинъ изъ видовъ внѣшняго взлома относитъ къ взлому внутреннему. Но, какъ и ранѣе мы замѣтили, такого рода принципъ самъ по себѣ не поддается какому-либо точному опредѣленію и легко видоизмѣняется при каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Изъ самаго исчисленія примѣрныхъ поврежденій въ законѣ видно какъ трудно уловить этотъ принципъ и строго привести его на практикѣ.

По этой теоріи чѣмъ лучше была спрятана вещь, чѣмъ лучше устроены были запоры и хранилища, чѣмъ лучше было выстроено зданіе въ которомъ хранилась вещь, тѣмъ значительнѣе было упорство преступника въ исполненіи его плана, тѣмъ болѣе должно было быть употреблено съ его стороны усилій для приведенія задуманнаго плана въ исполненіе, тѣмъ испорченнѣе, значитъ, была его воля и тѣмъ сильнѣе должно быть назначено наказаніе для преступника. Въ этомъ случаѣ дѣленіе взломовъ на внѣшніе и внутренніе не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ и тѣ и другіе безразлично могутъ совмѣщать въ себѣ вышеуказанныя условія, такъ что многіе изъ взломовъ внутреннихъ должны вызывать болѣе строгое наказаніе, чѣмъ многіе изъ взломовъ внѣшнихъ. Если законъ нашъ, имѣя въ виду карать злую волю преступника, оцѣниваетъ ее только тѣмъ усиліемъ, которое употреблено преступникомъ для совершенія различныхъ поврежденій, то онъ долженъ отказаться отъ всякаго опредѣленія, отъ всякаго перечисленія примѣрныхъ поврежденій и отдать вопросъ о взломѣ на полный произволъ судовъ, предоставивъ имъ самимъ опредѣлить степень нака-

зуемости каждаго отдѣльнаго случая. Несостоятельность закона съ этой стороны неподлежитъ сомнѣнію. Непонятно, напримѣръ, почему подкопъ подъ зданіе наказывается сильнѣе разбитія внутреннихъ въ зданіи дверей. Очевидно, что раскопать землю, которой засыпаны стулья крестьянскаго амбара, не сравненно легче, чѣмъ разбить двери жилаго дома. Такой подкопъ выражаетъ собою несравненно менѣе злую волю преступника, чѣмъ взломъ окна въ комнатѣ, гдѣ спитъ хозяинъ; онъ будетъ служить доказательствомъ еще меньшей испорченности преступника, если мы допустимъ, что амбаръ находился, какъ это и часто случается, внѣ селенія, въ концѣ крестьянской усадебной земли. Изъ приведеннаго примѣра видно, что если законъ нашъ имѣетъ въ виду только одну важность совершенныхъ поврежденій, то и это основаніе не проведено имъ со всею послѣдовательностью и онъ караетъ сильнѣе совершеніе поврежденій менѣе важныхъ чѣмъ совершеніе поврежденій болѣе важныхъ. Въ силу этого Кассаціонный Департаментъ Сената вынужденъ былъ отказаться отъ строгаго проведенія и этого принципа, какъ отказался онъ отъ принципа охраны зданій, и признать, что незначительность поврежденій не измѣняетъ совершенной кражи; какъ бы незначительны поврежденія не были, кража должна быть признана кражею со взломомъ. *)

Изъ всего вышесказаннаго намъ кажется яснымъ, что статьи 1647-я и 1648-я заключаютъ въ себѣ простой наборъ примѣрныхъ поврежденій, обусловливающихъ существованіе взлома, расположенныхъ безъ всякой системы и безъ всякихъ твердо установленныхъ принциповъ. Въ расположеніи этихъ примѣрныхъ поврежденій замѣчаются намеки на приведеніе какихъ-то принциповъ, но намеки эти такъ противорѣчатъ другъ другу, что могутъ служить только къ смѣшенію понятій и къ невозможности правильно и согласно съ справедливостію примѣнять на практикѣ опредѣленія закона. Не была ли болѣе послѣдовательна практика нашихъ

*) Рѣш. Угол. Кассац. Д-та Сен. 1869 г. № 999.

старыхъ судовъ, не вдаваясь въ подробное толкованіе основаній, положенныхъ законодателемъ въ ученіе о кражѣ со взломомъ и ограничивая понятіе о взломѣ поврежденіями, исчисленными въ законѣ. Она покрайней мѣрѣ избѣгла того, къ чему привело толкованіе новыми судами закона, не поддающагося никакому толкованію. Рядъ предшествующихъ выводовъ, сдѣланныхъ Сенатомъ, привели его впослѣдствіи къ необходимости нарушить, какъ намъ кажется, основныя понятія о самой кражѣ. Въ самомъ дѣлѣ опредѣляетъ ли наше Уложеніе тотъ моментъ, когда взломъ долженъ быть совершенъ? то-есть долженъ ли онъ предшествовать, сопровождать кражу, или же онъ можетъ быть совершенъ и тогда, когда самая кража уже окончена? Статья 1647-я не только такого опредѣленія не представляетъ, но и не даетъ никакихъ данныхъ для разрѣшенія возбужденнаго вопроса. Сенатъ стремился разрѣшить этотъ вопросъ и дать въ этомъ отношеніи судамъ положительное наставленіе. Для этого Сенатъ въ рѣшеніяхъ своихъ *) пояснилъ, что взломъ долженъ быть совершенъ съ цѣлію *проникнуть* въ то мѣсто, изъ котораго виновный намѣренъ похитить имущество. Такое толкованіе потребовало особаго поясненія слова „*проникнуть*.“ Выраженіе это разъяснено такъ: подъ словомъ „*проникнуть*“ слѣдуетъ понимать не то, чтобы совершившій взломъ могъ войдти въ зданіе, а чтобы онъ могъ облегчить для себя возможность похитить предметы, находящіеся въ зданіи. Такъ, напримѣръ, взломомъ признается: дира, просверленная въ стѣнѣ амбара, изъ котораго посредствомъ такой диры похищенъ зерновой хлѣбъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что Сенатъ въ подобныхъ рѣшеніяхъ никакъ не можетъ избѣжать употребленія постоянно слова „зданія.“ Какъ можно думать, Сенатъ невольно связываетъ понятіе о взломѣ съ совершеніемъ его надъ зданіями и въ зданіяхъ. По отношенію къ разбираемому вопросу для насъ важенъ тотъ взглядъ, что *взломъ долженъ*

*) Наприм. 1868 г. № 376, 1870 г. № 558, 838.

служитъ средствомъ къ тому, чтобы проникнуть въ то мѣсто, гдѣ хранятся вещи.

Понятіе о взломѣ съ этой стороны установлено достаточно ясно. Послѣдствія, вытекающія изъ этого опредѣленія, заключаются въ томъ, что похититель ранѣе чѣмъ онъ начнетъ кражу, ранѣе чѣмъ онъ достигнетъ до вещи, предмета кражи, ранѣе чѣмъ онъ наложитъ на этотъ предметъ свою руку,—онъ долженъ путемъ поврежденій зданій и хранилищъ проникнуть въ то помѣщеніе, гдѣ хранится вещь. Иначе сказать взломъ долженъ предшествовать кражѣ. Вопросъ такимъ образомъ могъ считаться разрѣшеннымъ если не путемъ закона, то, по крайней мѣрѣ, путемъ разъясненія кассаціоннаго суда. Къ сожалѣнію Правительствующій Сенатъ не ограничился такимъ толкованіемъ и пошелъ далѣе и снова отказался самъ отъ своего толкованія. Отсюда являются два опредѣленія Сената и практика не знаетъ какое же изъ двухъ толкованій для нея обязательно. Какъ мы видѣли ранѣе, Сенатъ обусловилъ моментъ окончанія взлома проникновеніемъ въ то помѣщеніе, гдѣ хранится вещь. Взломъ предшествуетъ кражѣ въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но въ другихъ случаяхъ Сенатъ призналъ, *) что для признанія кражи совершившеюся со взломомъ необходимы два условія: 1) чтобы взломъ былъ сдѣланъ для совершенія кражи и 2) *до окончанія ея.* Сенатъ разсуждаетъ такъ: законъ не требуетъ чтобы взломъ предшествовалъ кражѣ; напротивъ того, онъ можетъ быть совершенъ во время кражи, но только до ея окончанія. По этому если похититель чужаго имущества проникнулъ въ помѣщеніе безъ взлома, а совершилъ взломъ для *совершеннаго* изъятія этого имущества изъ обладанія его законнаго владѣльца, то такое дѣйствіе составляетъ кражу со взломомъ. Этими рѣшеніями установляется совершенно иное, вполнѣ противорѣчащее первому толкованіе цѣли взлома. Взломъ, согласно послѣднему толкованію, уже не долженъ имѣть цѣлью проникнуть въ помѣщеніе гдѣ хра-

*) Рѣш. Угол. Кассац. Д-та Сен. 1867 г. № 472, 1871 г. № 982.

нится вещь, онъ можетъ быть совершенъ послѣ проникновенія, но съ цѣлію изъять *совершенно* вещь изъ владѣнія ея хозяина. Слѣдовательно взломъ не только предшествуетъ, но и сопровождаетъ кражу. Между тѣмъ въ послѣднемъ толкованіи своемъ Сенатъ, разъясняя ученіе о взломѣ, и на этомъ только вопросѣ сосредоточивая свое вниманіе, не только не разъяснилъ возбужденнаго вопроса, но впалъ самъ съ собой въ существенное противорѣчіе и затемнилъ другой коренной вопросъ ученія о кражѣ, а именно вопросъ о томъ, что такое покушеніе на кражу.

Мы не будемъ разбирать этого послѣдняго вопроса, такъ какъ подобный разборъ повелъ бы насъ далеко за предѣлы нашей замѣтки. Мы остановимся только на слѣдующемъ примѣрѣ: похититель проникъ въ незапертый домъ и въ одной изъ незапертыхъ комнатъ со стола взялъ и положилъ въ карманъ нѣсколько монетъ, ассигнацій, лежавшихъ на столѣ. Съ этимъ имуществомъ онъ направился къ выходной двери. Услышавъ за собой шаги хозяина, бѣгущаго его задержать, похититель бросился къ окну, выбилъ раму и скрылся. Другой случай: похитителя послѣ того, какъ онъ положилъ деньги въ карманъ и вышелъ въ другую комнату, случайно въ ней заперли. Не имѣя возможности выдти изъ комнаты, гдѣ онъ запертъ, похититель выломалъ дверь и ушелъ. Неужели кто-либо признаетъ въ этихъ случаяхъ совершеніе кражи со взломомъ! Сенатъ въ подобныхъ случаяхъ признавалъ, что имущество до совершенія взлома еще не было унесено и кража не была совершенно окончена. Такое толкованіе безусловно противорѣчитъ ряду рѣшеній Сената. *) Тамъ признавалась кража оконченная при тѣхъ условіяхъ, которыя мы привели въ нашихъ примѣрахъ.

Приведенныя нами противорѣчія въ рѣшеніяхъ Сената вполнѣ понятны. Они объясняются полной невозможностью для судовъ избѣгнуть противорѣчія тамъ, гдѣ законъ самъ себѣ противорѣчитъ и гдѣ онъ не даетъ никакихъ опредѣ-

*) Рѣш. Угол. Кас. Д-та Сен. 1867 г. № 191, 1868 г № 755, 1869 г. № 750 и множество другихъ.

леній и не проводитъ никакихъ принциповъ. Въ этомъ случаѣ суды находятся въ безъисходномъ положеніи, приговоры ихъ, будучи не согласны съ справедливостію, не только не успокоиваютъ общественнаго мнѣнія, но возбуждаютъ его противъ себя, а преступникамъ даютъ полную надежду избѣгнуть наказанія, такъ какъ эти послѣдніе видятъ и познаютъ съ какимъ недовѣріемъ къ закону обращаются представители на судѣ общественнаго мнѣнія—присяжные засѣдатели.

Русскіе юристы съ своей стороны старались разъяснить ученіе Уложенія о кражѣ со взломомъ. Они старались установить тѣ принципы, на которыхъ наше Уложеніе состроило ученіе о кражѣ со взломомъ и вотъ къ чему сводится ученое толкованіе этого закона нашими юристами. Профессоръ Калмыковъ *) дѣлитъ кражу на три вида: простую, тяжкую и похищеніе актовъ и документовъ. Тяжкая кража, говоритъ его учебникъ, „есть такая, которая заключаетъ всѣ признаки кражи и сверхъ того, къ ней присоединяются обстоятельства усиливающія ее, послѣднія зависятъ отъ способовъ совершенія, отъ предмета кражи, или отъ тѣхъ лицъ, которыя принимали въ ней участіе.“ Устанавливая 6 видовъ тяжкой кражи учебникъ Калмыкова однимъ изъ такихъ видовъ признаетъ кражу со взломомъ. Что же такое кража со взломомъ? Подлинное опредѣленіе учебника заключается въ слѣдующемъ: „кража со взломомъ; тутъ надо сдѣлать особенное усиліе преступной воли для преодолѣнія препятствій. Степени вины ея различны и т. д.“ Нѣсколько далѣе, говоря о томъ, что Уложеніе приравниваетъ къ кражѣ со взломомъ кражу запертыхъ хранилищъ и открытіе запертаго хранилища подобраннымъ орудіемъ учебникъ объясняетъ побудительныя къ тому причины тѣмъ, что въ первомъ случаѣ похититель крадетъ запертое хранилище съ намѣреніемъ вскрыть его впослѣдствіи, въ бо-

*) Учебникъ уголовнаго права пр. Калмыкова, изд. 1866 г. стр. 419—422.

лѣе удобное время, во второмъ же тѣмъ, что открытіе запертаго хранилища подобраннымъ орудіемъ требуетъ еще болѣе искусства нежели при взломѣ, „поэтому это показываетъ такую же злую волю.“ Болѣе ни одного слова по этому предмету въ учебникѣ не встрѣчается. Мы думаемъ, что такой ученый профессоръ какъ Калмыковъ не въ такомъ видѣ излагалъ въ своихъ лекціяхъ ученіе о кражѣ совзломомъ и полагаемъ, что редакція этого ученія въ учебникѣ принадлежитъ самому издателю. Мы остановимъ слѣдовательно наше вниманіе только на мысли лежащей въ толкованіи профессора Калмыкова: Уложеніе имѣетъ въ виду только охрану хранилищъ и въ совершеніи самихъ поврежденій видитъ проявленіе особенной злой воли преступника.

Разбирая ученіе о кражѣ со взломомъ по уложенію г. Спасовичъ *) такимъ образомъ опредѣляетъ это преступленіе. „Кража со взломомъ. Подъ взломомъ разумѣется насильственное открытіе хранилища, въ которомъ обрѣтается вещь, составляющая предметъ похищенія. Кража со взломомъ наказывается во всѣхъ современныхъ законодательствахъ значительно строже простой кражи, во 1-хъ потому, что она обнаруживаетъ въ преступникѣ значительно большую степень злонамѣренности, дерзости. Для достиженія своей цѣли, онъ долженъ былъ приготовить орудія взлома, преодолѣть значительныя препятствія, подвергнуть себя особенной опасности, во 2-хъ потому, что кража со взломомъ гораздо опаснѣе для общества: воръ вооруженъ орудіями взлома; можно предполагать, что онъ готовъ употребить эти орудія противу лицъ, которыя бы ему помѣшали въ исполненіи его намѣренія, и въ 3-хъ потому, что кража со взломомъ представляетъ стеченіе двухъ преступленій: кражи простой и поврежденія чужой собственности.“ Говоря далѣе о томъ, почему наше Уложеніе къ понятію о внутреннемъ взломѣ относитъ разбитіе и поврежденіе окна,

*) О воровствѣ—кражѣ. В. Спасовича. Журн. Мин. Юстиціи 1859 г. т. I, стр. 1—38.

г. Спасовичъ объясняетъ это тѣмъ, что посредствомъ разбитія окна гораздо легче совершить кражу со взломомъ, нежели посредствомъ остальныхъ видовъ взлома внѣшняго. Соглашаясь вполнѣ съ почтеннымъ авторомъ въ томъ, что наше Уложеніе, *вѣроятно*, имѣло въ виду единственно тѣ мотивы для усиленія наказанія за кражу со взломомъ, о которыхъ говоритъ авторъ, мы тѣмъ не менѣе утверждаемъ, что законодательства Европы усиливаютъ наказаніе за это преступленіе по совершенно инымъ мотивамъ. Они не имѣютъ дѣла съ запорами и хранилищами и не ихъ они ограждаютъ, что мы и постараемся доказать ниже. Мы утверждаемъ также, что мотивы для усиленія наказанія за кражу со взломомъ, приводимые г. Спасовичемъ въ первыхъ 2-хъ пунктахъ, имѣютъ характеръ обстоятельствъ чисто случайныхъ, весьма рѣдко встрѣчающихся въ дѣлахъ о кражахъ со взломомъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ похитителю не предстоитъ ни запасаться орудіями взлома, ни преодолѣвать значительныя препятствія и огромное количество такъ называемыхъ кражъ со взломомъ совершается съ пустыми руками. Съ другой стороны, если бы даже большинство кражъ со взломомъ и совершалось бы посредствомъ орудій взломовъ, то та опасность, которая грозитъ вору при совершеніи кражи со взломомъ, какъ равно и опасность для частныхъ лицъ, грозящая имъ отъ нахожденія, орудій взлома въ рукахъ похитителя не имѣетъ мѣста во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда кража со взломомъ совершена внѣ жилыхъ мѣстъ. Наконецъ поврежденія чужой собственности, на сколько оно проявляется во взломѣ, составляетъ такое незначительное правонарушеніе, что оно вполнѣ поглощается самою кражею и врядъ ли можетъ служить основаніемъ для возвышенія наказанія до каторжныхъ работъ во Франціи и Англіи.

Почти тѣ же мотивы какъ основаніе ученія о кражѣ со взломомъ по Уложенію приводитъ и г. Лохвицкій въ своемъ курсѣ русскаго уголовнаго права. *) Онъ говоритъ:

*) Курсъ русскаго уголовнаго права. Докт. пр. Лохвицкаго изд. второе 1871 года, стр. 656—659.

„законъ наказываетъ строго кражу со взломомъ потому, что воръ, для того чтобы добраться до предмета, составляющаго цѣль преступленія, не останавливается предъ сильнымъ препятствіемъ, преодолѣваетъ его, слѣдовательно, обнаруживаетъ сильное упорство и рѣшимость; наконецъ хозяина нельзя упрекнуть въ томъ, что онъ самъ отчасти виновенъ въ кражѣ по своей небрежности, на основаніи поговорки: „не клади плохо, не вводи вора въ искушеніе.“ Онъ заперъ вещь, слѣдовательно, сдѣлалъ все возможное для ея охраны; онъ показываетъ этимъ, кромѣ того, что особенно дорожитъ вещью.“ Соображенія нами изложенныя ранѣе указываютъ на случайный характеръ перваго мотива. „Сильныя“ препятствія; „значительныя“ препятствія — представляются не болѣе какъ словами ничего не опредѣляющими и не могущими играть никакой роли при опредѣленіи состава преступленія, какъ понятія совершенно относительныя. Второй же мотивъ, указанный г. Лохвицкимъ, приведенъ имъ для пополненія доводовъ и, смѣемъ думать, безъ всякой серьозной цѣли. Мы смѣемъ надѣяться, что авторъ согласится съ тѣмъ, что похищеніе вещи и плохо положенной на видномъ мѣстѣ, не скрытой отъ жадныхъ взоровъ похитителя, будетъ все таки кражей. Оплошность хозяина вещи не измѣняетъ понятія о кражѣ, какъ равно не видоизмѣняетъ понятія о кражѣ и особенная цѣнность вещи *для ея хозяина*. Точно также и то обстоятельство, что хозяинъ заперъ вещь и тѣмъ заявилъ что дорожитъ вещью, не можетъ придать кражѣ значеніе квалифицированной, на томъ самомъ основаніи, на которомъ кража вещей изъ дома посредствомъ влѣзанія (éscalade) не составляетъ кражи квалифицированной, хотя хозяинъ вещи, храня ее въ своемъ письменномъ столѣ, доказываетъ желаніе сохранить ее у себя. Впрочемъ нѣсколько далѣе авторъ самъ утверждаетъ, что ученіе о кражѣ со взломомъ по нашему уложенію не соотвѣтствуетъ условіямъ нашего быта. Онъ признаетъ, что по ученію нашего уложенія карать за кражу со взломомъ приходится такихъ лицъ, которыя не совершили ничего преступнѣе простой кражи. Мы съ этимъ совершенно согласны, но мы

никакъ не можемъ снова согласиться съ тѣми замѣчаніями, которыя предшествуютъ такому выводу. Авторъ совершенно упускаетъ изъ вида истинные принципы, на которыхъ построено ученіе о кражѣ со взломомъ на западѣ и впадаетъ, по нашему мнѣнію, въ совершенную ошибку говоря: „и теперь еще это понятіе (взломъ) не можетъ имѣть у насъ такого значенія, какъ на западѣ. Оно напоминаетъ желѣзные запоры, крѣпкія ограды, тогда какъ нашъ сельскій людъ до сихъ поръ почти не знаетъ ни желѣзныхъ замковъ, ни твердыхъ оградъ.“ Ошибка и ошибка существенная заключается именно въ томъ, что и г. Лохвицкій и г. Спасовичъ полагаютъ, что въ основаніи ученія западныхъ кодексовъ лежатъ желѣзные запоры и крѣпкія ограды, что это ученіе только и охраняетъ что запоры и ограды. Постройте ученіе о кражѣ со взломомъ на принципахъ, на которыхъ оно построено въ западныхъ кодексахъ, и тогда окажется, что это понятіе не только будетъ имѣть у насъ такое же значеніе, но что понятіе это согласно вполнѣ съ нашимъ бытомъ, что оно присуще каждому русскому человѣку ревностно оберегающему свой домъ, свою семейную жизнь, свой домашній очагъ отъ всякаго насильственнаго вторженія въ него.

На сколько намъ извѣстно г. Шайкевичъ *) первый въ нашей литературѣ обратилъ вниманіе на то, какъ смотрятъ иностранныя законодательства на кражу со взломомъ и какія они преслѣдуютъ цѣли проводя въ законахъ это ученіе. Онъ первый въ нашей литературѣ разъяснилъ истинное значеніе взлома и указалъ на сколько наше уложеніе, внося понятіе о кражѣ со взломомъ въ нашъ кодексъ, заимствовало это ученіе по видимому изъ французскаго кодекса; не отдавая себѣ отчета въ томъ на какихъ принципахъ зиждится это ученіе въ code pénal. Разбирая ученіе нашего уложенія, г. Шайкевичъ утверждаетъ, также какъ дѣлаемъ и мы, что тѣхъ случайныхъ признаковъ, на которыхъ построе-

*) Юрид. Вѣстн. 1867 г. № 1. Ученіе о кражѣ со взломомъ С. Шайкевичъ стр. 1—34.

но ученіе нашего уложенія, недостаточно и необходимо въ это ученіе о кражѣ со взломомъ внести другой болѣе существенный признакъ—охрану жилища *).

Смѣемъ думать, что изъ всего нами изложеннаго вытекаетъ настоятельная необходимость обратить особенное вниманіе на измѣненіе ученія о кражѣ со взломомъ по нашему уложенію, на измѣненіе его согласно съ условіями нашего быта и справедливостью. Измѣненіе это будетъ имѣть не только самое серьозное значеніе со стороны назначенія наказанія согласно съ духомъ справедливости, но и окажетъ вліяніе какъ на положеніе нашихъ новыхъ судовъ, такъ и на состояніе нашей слѣдственной части.

Желая по мѣрѣ нашихъ средствъ и познаній содѣйствовать разрѣшенію этого болѣе важнаго, чѣмъ можетъ казаться вопроса, мы позволимъ себѣ войдти въ разсмотрѣніе того, какимъ образомъ и на какихъ основаніяхъ вопросъ этотъ могъ бы быть разрѣшенъ.

Для этого прежде всего намъ представляется необходимымъ разсмотрѣть какъ относятся къ кражамъ со взломомъ другія законодательства и какіе принципы преслѣдуютъ они, назначая болѣе строгое наказаніе за совершеніе этого преступленія.

К. Ж—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Мы позволимъ себѣ замѣтить только то, что толкованіе ученія о кражѣ со взломомъ по нашему уложенію не можетъ быть основано на принципѣ охраны жилищъ а потому такое толкованіе въ настоящее время не можетъ входить въ коментарій къ 1647 ст. ул. о нак.

ТАБЛИЦА I.

о движеніи дѣлъ о кражахъ совзломомъ (ст. 1647, 1648 Улож. о Наказ.) по предварительному слѣдствію и по обряду преданія суду.

I.	За годы 1866	1867	1868	1869	1870	1871	Общее число.		Процен. отношеніе.	
Общее число возникшихъ дѣлъ о кражахъ совзломомъ (ст. 1647, 1648 Ул. о Наказ.).	288	654	774	867	989	777	4349		„	
Изъ нихъ:										
а) кражъ совзломомъ перваго рода (I ч. 1647 ст.).	134	323	391	392	478	325	2043	4349	46,998	
б) кражъ совзломомъ втораго рода (II ч. 1647 ст.)	121	269	300	381	363	316	1750		40,223	
в) кражъ подобраннымъ орудіемъ (1648 ст.)	33	62	83	94	148	136	556		12,779	
II										
А) *Общее число дѣлъ*, по которымъ состоялись *заключенія о прекращеніи* по недостатку уликъ противъ обвиняемыхъ	87	213	238	314	371	305	1528		35,114	77,866
Изъ нихъ:										
а) кражъ совзломомъ перв. рода	53	97	115	107	167	103	642	1528	31,243	
б) — — — втор. рода	24	93	97	170	133	130	647		36,197	
в) — подобраннымъ орудіемъ	10	23	26	37	71	72	239		43	
Б) *Общее количество дѣлъ*, которыя были *прекращены производствомъ* по 277 ст. Уст. Угол. Суд. за необнаруженіемъ виновныхъ. .	34	129	178	268	301	262	1172		26,295	
Изъ нихъ:										
а) кражъ совзломомъ перв. рода	28	82	119	149	195	139	712	1172	34,785	
б) — — — втор. рода	4	41	48	99	88	96	376		21,348	
в) — подобраннымъ орудіемъ	2	6	11	20	18	27	84		15,117	
В) *Общее количество дѣлъ*, по которымъ состоялись *заключенія объ измѣненіи подсудности*	29	143	157	109	133	115	686		15,777	
Изъ нихъ:										
а) кражъ совзломомъ перв. рода	22	94	96	66	52	56	386	686	18,389	
б) — — — втор. рода	7	45	51	35	60	42	240		13,771	
в) — подобраннымъ орудіемъ	„	4	10	8	21	17	60		10,767	
Г) *Общее количество дѣлъ*, по которымъ состоялись *обвинительные акты*.	138	169	201	176	184	95	963		22,114	
Изъ нихъ:										
а) кражъ совзломомъ перв. рода	31	50	61	70	64	27	303	963	14,983	
б) — — — втор. рода	86	90	107	77	82	48	487		27,184	
в) — подобраннымъ орудіемъ	21	29	36	29	38	20	173		31,116	

ТАБЛИЦА II.

о дѣлахъ, внесенныхъ въ судъ съ обвинительными актами.

I.	За годы. 1866	1867	1868	1869	1870	1871	Общее количество.		Процен. отношеніе.
Общее количество дѣлъ, по которымъ въ судъ внесены *обвинительные акты* (таб. I отд. II П. Г.)	138	169	201	176	184	95	963		—
Изъ нихъ:									
а) кражъ со взломомъ перваго рода	31	50	61	70	64	27	303	963	31,46
б) кражъ со взломомъ втораго рода	86	90	104	77	82	48	487		50,57
в) кражъ подобраннымъ орудіемъ	21	29	36	29	38	20	173		17,97
II.									
А) *Количество* дѣлъ по которымъ состоялись *оправдательные приговоры*	11	31	33	39	—	—	185		19,21
Изъ нихъ:									
а) кражъ со взломомъ перваго рода	5	9	6	12	11	5	48	185	15,84
б) кражъ со взломомъ втораго рода	5	16	21	18	13	20	93		19,11
в) кражъ подобраннымъ орудіемъ	1	6	6	9	14	8	44		25,43
Б) *Количество* дѣлъ, по которымъ присяжные *отвергли существованіе взлома*	15	26	27	18	32	22	140		14,54
Изъ нихъ:									
а) кражъ совзломомъ перваго рода	4	7	8	4	5	6	34	140	11,22
б) кражъ совзломомъ втораго рода	7	14	12	10	19	9	71		14,57
в) кражъ подобраннымъ орудіемъ	4	5	7	4	8	7	35		20,23
В) *Количество* дѣлъ, по которымъ состоялись *обвинительные приговоры*	112	112	141	119	114	40	638		66,25
Изъ нихъ:									
а) кражъ совзломомъ перваго рода	22	34	47	54	48	16	221	638	72,94
б) кражъ совзломомъ втораго рода	74	60	71	49	50	19	323		66,32
в) кражъ подобраннымъ орудіемъ	16	18	23	16	16	5	94		54,34

ТАБЛИЦА III.

О количествѣ лицъ, привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ къ слѣдствію и преданныхъ суду.

I.	За годы 1866	1867	1868	1869	1870	1871	Общее число.		Проц. отношеніе.
Общее число лицъ, привлекавшихся къ слѣдствію *въ качествѣ обвиняемыхъ*	331	621	712	762	961	646	4033		—
Изъ нихъ:									
а) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ перваго рода	127	223	253	272	381	209	1465	4033	36,33
б) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ втораго рода	162	319	360	395	409	297	1942		48,15
в) по дѣламъ о кражахъ подобраннымъ орудіемъ	42	79	99	95	171	140	626		15,52
II.									
А) *Общее число лицъ*, о которыхъ *дѣла были прекращены* за недостаткомъ уликъ	116	300	321	464	570	446	2217		54,98
Изъ нихъ:									
а) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ перваго рода	66	145	151	167	268	164	961	2217	65,60
б) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ втораго рода	33	129	130	247	195	185	919		47,33
в) по дѣламъ о кражахъ подобраннымъ орудіемъ	17	26	40	50	107	97	337		53,53
Б) *Общее число лицъ*, о которыхъ *дѣла переданы въ мировыя учрежденія*	19	73	108	71	128	79	478		11,91
Изъ нихъ:									
а) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ перваго рода	6	6	9	13	15	4	53	478	3,62
б) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ втораго рода	13	59	87	49	99	55	362		18,64
в) по дѣламъ о кражахъ подобраннымъ орудіемъ	—	8	12	9	14	20	63		10,6
В) *Общее число лицъ, преданныхъ суду* по обвинительнымъ актамъ	196	248	283	227	263	121	1338		33,11
Изъ нихъ:									
а) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ перваго рода	55	72	93	92	98	41	451	1338	30,78
б) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ втораго рода	116	131	143	99	115	57	661		34,03
в) по дѣламъ о кражахъ подобраннымъ орудіемъ	25	45	47	36	50	23	226		36,11

ТАБЛИЦА IV.

О количествѣ лицъ, преданныхъ суду по дѣламъ о кражахъ со взломомъ, приговоренныхъ и оправданныхъ судомъ.

I.	За годы						Общее число.		Проц. отношеніе.
	1866	1867	1868	1869	1870	1871			
Общее число лицъ, преданныхъ суду по обвинительнымъ актамъ (таб. III отд. II п. В).	196	248	283	227	263	121	1338		—
Изъ нихъ:									
а) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ перваго рода	55	72	93	92	98	41	451	1338	34,21
б) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ втораго рода	116	131	143	99	115	57	661		49,40
в) по дѣламъ о кражахъ подобраннымъ орудіемъ	25	45	47	36	50	23	226		16,89
II.									
А) *Общее число лицъ, оправданныхъ судомъ*	19	45	47	46	50	38	245		18,31
Изъ нихъ:									
а) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ перваго рода	10	13	8	16	13	9	69	245	15,31
б) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ втораго рода	8	26	30	20	17	21	122		18,45
в) по дѣламъ о кражахъ подобраннымъ орудіемъ	1	6	9	10	20	8	54		23,89
Б) *Общее число лицъ, приговоренныхъ* судомъ *за простую кражу* (отвергнутъ взломъ)	19	34	28	20	36	27	164		—
Изъ нихъ:									
а) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ перваго рода	7	7	9	5	5	6	39	164	8,64
б) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ втораго рода	8	19	12	11	22	11	83		13,55
в) по дѣламъ а кражахъ подобраннымъ орудіемъ	4	8	7	4	9	10	42		18,59
В) *Общее число лицъ приговоренныхъ* къ наказанію *за кражи совзломомъ*	158	169	208	161	177	56	929		69,44
Изъ нихъ:									
а) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ перваго рода	38	52	76	71	80	26	343	929	76,05
б) по дѣламъ о кражахъ со взломомъ втораго рода	100	86	101	68	76	25	450		68
в) по дѣламъ о кражахъ подобраннымъ орудіемъ	20	31	31	22	21	5	130		57,52

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Здѣсь мы разсмотримъ слѣдующія сочиненія:

1. Geist des römischen Rechts etc. v. Jhering, Leipz. 1873, т. I, третье изданіе извѣстнаго сочиненія столь извѣстнаго автора: Духъ Рим. Права.

2. Der Kampf um's Recht, того же писателя, по втор. изданію Вѣна, 1872 года.

3. Die Jurisprudenz des tägl. Lebens, его же 1873, Jena.

4. Tabellen zur Rechtsgeschichte, или хронологическая таблица законовъ разныхъ странъ, для употребленія изучающихъ право,—доктора правъ Maria v. Kujawa, Berlin, 1873 г.

5. Staat und Kirche, von Eduard Zeller, 1873 Leipz.,—лекціи, читанныя въ берлинскомъ университетѣ.

---

1. *Духъ римскаго права.*—Введеніе. Три раза Римъ предписывалъ законы свѣту,—такъ начинаетъ Иринъ свое столь извѣстное изслѣдованіе, и трижды соединялъ міръ въ единство сначала государственное, потомъ церковное и наконецъ въ единство права, откуда выходитъ, что всемірно-историческое значеніе и назначеніе Рима состоитъ въ одолѣніи національнаго, народнаго принципа началомъ всеобщности, или общечеловѣчности, Universalität.—Послѣдній разъ всемірное единство, посредствомъ права, совершилось уже изъ нѣдръ римскаго умершаго народа, сообщившаго Европѣ свое право, какъ особый элементъ

для ея цивилизаціи, подобный христіанству.—Послѣднее событіе до сихъ поръ остается неизслѣдованнымъ, необъяснимымъ; напротивъ историческая школа, проповѣдуя начало народности въ правѣ, рѣшительно уничтожаетъ самую возможность понять смыслъ и значеніе событія. Право, рождающееся изъ всей прошедшей жизни народа, по ученію школы,—право, вытекающее изъ внутреннихъ свойствъ народа и его исторіи, допустило господство въ народѣ римскаго права, которое стало наконецъ нашимъ правомъ. Какъ это произошло? «Исторія римскаго права въ средніе вѣка»—знаменитое сочиненіе Савиньи—молчитъ объ этомъ, такъ же точно, какъ о томъ молчитъ вся литература, хотя объясненіе событія весьма не трудно. Вѣчное заимствованіе между народами, и взаимодѣйствіе между ними составляютъ естественный законъ природы и исторіи, и потому вездѣ замѣчается постоянное стремленіе ко всеобщности, а не къ національности. На востокѣ народность, на западѣ всеобщность, универсальность, космополитизмъ. И не одно римское право универсально; къ тому стремится каноническое, равно какъ торговое, вексельное, морское, уголовное и пр. Посему устраненіе римскаго права въ наше время вредно для науки, съуживая ее, или нисходя до національной. Для избѣжанія такой постыдной крайности, наукѣ римскаго права должно, не ограничиваясь изложеніемъ положительнаго права, подняться до его критики. Неужели до сего времени римское право не подвергалось критическому изученію? Да, и лишь Савиньи, да Шталь старались высказать, хоть неправильныя воззрѣнія на достоинство римскаго права; при чемъ Савиньи, не высоко цѣня матеріальное римское право, всю его заслугу видитъ въ формѣ обработки, сообщенной матеріалу римскими юристами. Наоборотъ; и болѣе справедливо Шталь видитъ отличительную черту римскаго правава не въ техникѣ римскихъ юристовъ, а въ самомъ построеніи юридическихъ институтовъ римскаго права.

Вотъ поводъ и задача для книги Иринга, представляющаго здѣсь критику римскаго права, но не въ смыслѣ критики дѣйствующаго права, а въ значеніи историкофилософской критики, съ цѣлію подмѣтить и изобразить зарожденіе римскаго права, скрытыя силы, его произведшія, и послѣднія основанія его дѣйствія.

Право есть организмъ, и для его изученія необходимо узнать его анатомію и физіологію. Прежде всего замѣчаемъ въ жиз-

ни положенія права, Rechtssätze, обыкновенно, въ формѣ повелѣній и запрещеній, которыхъ система никогда не равняется дѣйствующему праву, потому что въ жизни еще существуютъ положенія права скрытыя, latente Rechtssätze, и открытіе ихъ требуетъ особенной способности наблюдать и формулировать, не вездѣ и не всѣмъ одинаково присущей. По этой причинѣ, но всюду существуетъ вѣчное различіе между правомъ формулированнымъ и правомъ, неформулированнымъ. Послѣ положеній права являются институты права, или его учрежденія, каковы: владѣніе, собственность, семья, наслѣдство и т. п., гдѣ логическій элементъ понятій играетъ столь же важную роль, какъ повѣлительный характеръ въ положеніяхъ права. Количество этихъ положеній само по себѣ служитъ только признакомъ слабаго развитія права, какъ видимъ въ Россіи, въ которой послѣ 1649 уже издано 35,000 указовъ, не считая указовъ за цѣлыя 48 лѣтъ, не вошедшихъ въ собраніе. Учрежденія права, или институты различны, но силы народа связуютъ ихъ въ какое-то единство, и духъ права является духомъ народа и духомъ времени. Законодатель только повидимому дѣлаетъ свое личное дѣло, издавая тѣ-другіе законы; въ существѣ же, законодатель только исполняетъ требованіе этого духа времени.—Между тѣмъ господствующая у насъ метода ограничивается воспроизведеніемъ той догмы права, которая явно, по даннымъ источникамъ, господствовала въ извѣстное время.

Физіологія права показываетъ отправленіе его органовъ. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго, какъ воззрѣніе на право съ одной его философской или логической системы. Функція права однаосуществиться, быть выполненнымъ. Что не осуществляется, то не есть право, и на оборотъ, все осуществляемое, хотя бы еще не признанное, напр. обычай, уже потому самому есть право. Свойство права, или природу требующую осуществленія права, Ирингъ называетъ формальною осуществимостію, formale Realisirbarkeit, состоящею въ легкости и вѣрности примѣненія отвлеченнаго права къ даннымъ случаямъ. Послѣ этого авторъ говоритъ объ юридической діагнозѣ, юридической симптоматикѣ, и заключаетъ, что доселѣ исторія римскаго права излагала только исторію догмы, или законодательства и доктрины права, а не исторію римскаго права, какъ оно существовало въ дѣйствительности. Но довольно объ исторической ме-

тодѣ Иринга, который самъ интересуется не столько исторіею, сколько философіею римскаго права и его духомъ.

Книга I, *исходныя точки рим. права. Первичный бытъ народа.* Любопытно изслѣдовать первичный бытъ у народовъ, но трудно, и не столько по причинѣ отдаленности времени, сколько по слабости памяти, или воспоминаній у этихъ народовъ. Какова память у римскаго народа? Онъ держался старины, но живой; умершее предавалось полному забвенію. У Римлянъ мало было историческаго чутья, и тѣмъ менѣе, что не идиллическая тишина царствовала вкругъ колыбели римскаго народа, а ожесточенная борьба элементовъ, изъ которыхъ только впослѣдствіи составился одинъ субъектъ—народъ, не признававшій прошедшаго за свое подобно тому, какъ протестанты не признаютъ своимъ времени, протекшаго до явленія протестантизма. Скудны извѣстія о первоначальной исторіи Рима, и мы пользуемся, говоритъ Рингъ, всѣми средствами современной науки, этимологіею, языкознаніемъ съ санскрита, разными историческими пріемами, заключеніями отъ послѣдующаго права къ предъидущему его состоянію, и пр.

Римская космогонія права высказывается въ томъ, что первобытная дикость уступаетъ порядку Ромулова государства, за чѣмъ слѣдуетъ похищеніе Сабинянокъ и установленіе семьи, а наконецъ является религія. Такъ въ Римѣ образуются государство, семья и религія; и ничего тутъ извнѣ, все изъ нѣдръ самаго Рима, и не по требованію природы, или инстинкта, а сознательно, намѣренно; у Рима нѣтъ наслѣдства. Такова сага Римлянъ. Истина въ томъ, что положеніе Рима въ отдаленнѣйшее время было не первоначальное, а вторичное, послѣдовавшее послѣ долгаго процесса.—Выводъ тотъ, что въ древнѣйшемъ Римѣ дѣйствовали три принципа: 1, субъективной воли, гдѣ индивидуумъ самъ себѣ служитъ основою права,—2, государственнаго принципа, начинающагося съ семьи и съ военнаго устройства, и 3, религіознаго начала, съ его вліяніемъ на право и государство. 1) Основа права въ личной силѣ; и гдѣ бы право нашло свою основу помимо личной дѣятельной силы, Thatkraft, съ ея глубокою подпочвою—физическою силою?—У другихъ народовъ это закрывается преданіемъ о божескомъ происхожденіи права; у Римлянъ же начало силы ясно высказывается въ первыхъ строкахъ ихъ исторіи права. Да и справедливо ли на-

ше строгое отдѣленіе силы отъ права? Какъ смотримъ мы на мечь народа побѣдителя, диктующаго законы для государства побѣжденнаго? Но мы не смѣшиваемъ силы съ правомъ, и не говоримъ, чтобы въ древнемъ Римѣ господствовала сила вмѣсто права; напротивъ мы признаемъ, что и право тогда дѣйствовало, хотя въ другомъ видѣ, а именно не какъ объективная сила, сама себя воплощающая, а какъ внутренняя сила, какъ чувство права. То, что пріобрѣталъ человѣкъ потомъ и кровію, то было его, принадлежало ему, и онъ хотѣлъ удержать за собою. Конечно, это чувство заключаетъ въ себѣ уваженіе къ чужому такому же праву, но это уваженіе вырабатывается только впослѣдствіи, только съ трудомъ и успѣхомъ. Самовольно, самосудомъ и самоуправствомъ возвращаютъ себѣ потерянное, или хоть удовлетворяютъ своему чувству мести.

Мечемъ и копьемъ построился міръ римскій, а не волею боговъ, и вообще Римляне не знали никакого производнаго права на имущества; ихъ способъ пріобрѣтенія выражался словомъ: capere брать, собственность словомъ: manu captum, или mancipium, а хозяинъ словомъ: herus, берущій, отъ санскр. hr, созвучнаго съ греч. χείς и т. д.—Брать, забирать, capere—чисто римское выраженіе для обоснованія права; даже emere, покупать, Фестъ приводитъ въ соотношеніе съ словомъ accipere; rapere и rapina первоначально не были проступкомъ, delictum; occupare означало занять силою,—и добыча praeda основывалась на томъ, что Римляне sua esse credébant, quae ex hostibus cepissent, да и praedium, зданіе, заведеніе не отъ praeda ли происходитъ? Похищеніе Сабинянокъ было скорѣе слѣдствіемъ, а не причиною обычая похищать невѣстъ. Вотъ почему копье, hasta, служило символомъ собственности, и т. д. и т. д. Изъ всего этого дѣлается еще разъ выводъ тотъ, что личная сила была матерью права.

Понятно, что защита подобнаго права должна была выразиться въ самосудѣ, въ самоуправствѣ, въ системѣ der Selbsthülfe. Первыя движенія всякаго нарушеннаго чувства права—самоуправство и мщеніе, съ которыхъ начинаются всѣ права, не дожидаясь законодателя, какъ того еще недавно юристы требовали. Теперь же всѣ мы знаемъ, что право повсюду существовало съ древнѣйшихъ временъ въ формѣ обычаевъ, гораздо раньше законодательныхъ актовъ. Переносясь мыслію къ подобному состоянію права въ Римѣ, мы должны сказать, что и тамъ не

случай царилъ вмѣсто права,—не физическая сила давала перевѣсъ въ спорѣ за право,—но идея права, хотя въ несовершенной формѣ. Оскорбленный и обиженный не оставался безъ помощи среди общества, которое такъ же дѣлало отпоръ неправдѣ, по началамъ народной юстиціи, народной морали; при чемъ различались несомнѣнныя очевидныя нарушенія права, и сомнительныя, неясныя, и, если въ первомъ случаѣ, дѣйствовало самоуправство, то во второмъ требовалось особое установленіе, напр. третейскій судъ, присяга и т. п.

2. Государство, въ его основахъ, въ семьѣ и въ военномъ устройствѣ. Если мы до сихъ поръ ограничивались разсмотрѣніемъ недѣлимаго, то не съ того цѣлію, чтобы доказать возможность, для какого бы то небыло времени, удовольствоваться, въ области права, лежащими въ одной личности началами. Только въ обществѣ вообще можно говорить о правѣ. Въ обществѣ, хоть бы оно было такъ мало, какъ семья, уже лежитъ зародышъ порядка, и всѣ тревоги общества суть только исканіе порядка. Такъ семья служитъ основою для государства, а въ древнемъ Римѣ семья была государствомъ, и государство первоначально было семьей, собственно gens, родъ, Staat in kleinen. Семья дала бытіе роду, gens, а родъ общинѣ и государству, но до появленія государства семья и родъ сами осуществляли его функціи, осуществляя право объективное, а не одно субъективное.

3. Послѣ того разсматривается принципъ религіозный Рима, давшій различіе между fos, церковнымъ правомъ, и jus, свѣтскимъ. Не станемъ излагать подробности этого отдѣла, потому что ихъ важность отрицается въ ученіи Иринга объ отношеніи римскаго духа къ даннымъ основаніямъ, къ личной сплѣ,—къ семьѣ и военному строю,—и къ религіи, въ ученіи, которымъ оканчивается первый разсматриваемый нами, томъ сочиненія, и къ которому теперь переходимъ.

Борьбою разныхъ элементовъ открывается исторія Рима, оставляя въ жизни только сильное, крѣпкое, желѣзное. Огонь безвредный для металла уничтожаетъ дерево. Характеръ народа, образованный такою борьбою, только выигрываетъ въ энергіи, строгости, суровости, житейской мудрости, или въ благоразуміи, и зоветъ народъ къ обладанію міромъ, а не къ его восхищенію.—Такимъ образомъ національное уступаетъ всеобщему, и всѣ различія Латинянъ, Сабинянъ, Этрусковъ исчезаютъ въ

единствѣ государства и права. Бѣда всякой національности, къ которой приближается Римъ.—Но всеобщность римскаго духа не имѣетъ ничего общаго съ космополитизмомъ; напротивъ нѣтъ народа, который бы такъ дорожилъ своею національностію.—Универсальное, эта всеобщность проистекала въ Римѣ изъ самолюбія, или эгоизма, который всего хочетъ, всего ищетъ для себя, всего домогается, но, конечно, изъ самолюбія благороднаго, величаваго, grandiose Selbstsucht.—Римляне уважали и обожали только полезное, ведущее къ цѣли, сообразное съ цѣлью. Право Рима было религіею эгоизма, и Римляне вывели, освободили его изъ области вѣры и морали, переставивъ его въ область разчета и разсудка.

Указавши на такой духъ римскаго народа, авторъ переходитъ спеціально къ вопросамъ объ отношеніи этого духа къ даннымъ зачаткамъ, или исходнымъ точкамъ права, начиная съ отношенія къ религіи. Принципъ вѣры до конца республики выбѣгаетъ впередъ повсюду какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни Римлянъ; но это ничего не доказываетъ, потому что духъ Рима повсюду же принизилъ религію до средства къ цѣлямъ; чисто религіозная, церковная сторона вѣры уступила практической. Званіе, или санъ и должность духовныхъ лицъ въ Римѣ не были искомы, и т. д.—Если можно найдти господство религіи въ области права, такъ лишь въ царскій періодъ; со временъ Республики, принципы государства и права уже стояли выше религіи.

Обращаясь за симъ къ остальнымъ исходнымъ точкамъ права, Иерингъ находитъ, что послѣдующее время, самое блестящее время развитія римскаго права, все сполна опредѣлялось субъективнымъ принципомъ, тогда какъ начало семейное болѣе и болѣе теряетъ свою силу и почву, сыгравъ свою роль, и оказавъ помощь при созданіи государства. Стольже преходяще для права было значеніе военнаго принципа, хотя, подобно религіозно-моральному и семейному началамъ, оно долго продолжаетъ являться во внѣшнихъ, или наружныхъ формахъ и учрежденіяхъ, какъ воспоминаніяхъ.

Однимъ словомъ, по воззрѣнію Иеринга, Римъ первый разорвалъ связь между правомъ, съ одной, и религіею съ моралью, съ другой стороны, и утвердилъ право на субъективномъ, личномъ принципѣ частной воли, частнаго разсчета и силы. Кажется, мы выразили въ этихъ положеніяхъ всю суть воззрѣнія

Иринга, насколько оно высказалось въ первомъ томѣ его «Духа римскаго права», и позволяемъ себѣ указать нашимъ читателямъ на нѣсколько сомнѣній, вызываемыхъ положеніями автора. Живое, красивое, даже цвѣтистое изложеніе такихъ отвлеченныхъ понятій весьма сильно дѣйствуетъ на воображеніе читающаго, но столь же сильно вызываетъ къ работѣ воображеніе пишущаго, и весьма часто заставляетъ автора принимать свои образы за понятіе, и свои фразы за принципы.—«Три раза Римъ предписывалъ законы міру, и трижды соединялъ его въ свои единства политическое, церковное, наконецъ въ единство своего права».—Факты вѣрны, но не полны, потому что за каждымъ такимъ актомъ соединенія слѣдовалъ въ исторіи противоположный, такъ что съ такимъ же правомъ можно сказать: три раза міръ стрихивалъ съ себя внѣшнія узы римскаго единенія, разрушая насильственное господство политическое и церковно-іерархическое Рима, и отрицая его національно-римское право, для развитія своихъ правъ народныхъ. Вѣрно положеніе Иринга, что народы, подобно недѣлимымъ организмамъ, живутъ и развиваются, при посредствѣ впитыванія въ себя и вбиранія, разнообразныхъ элементовъ окружающей ихъ природы, или атмосферы физической и духовной. Но, для большей вѣрности или точности такого положенія должно прибавить, что вбираемые извнѣ, или впитываемые элементы должны соотвѣтствовать природѣ организма, или существа, подлежащаго такому питанію, или развитію. Національность не борется противъ началъ и учрежденій, имѣющихъ общечеловѣческое достоинство, и составляющихъ общечеловѣческое достояніе, а борется противъ ислючительнаго преобладанія чужой національности, хотя бы римской, потому что навязать современному народу цѣликомъ всю систему римскаго права значитъ насильно задушить жизнь одного организма и замѣнить ее жизнію другаго, даже не живаго.

Правы Савиньи, Шталь и друг., указывающіе на стороны римскаго права и его доктрины, какъ на образцы для подражанія, или заимствованія «но еще болѣе правы Савиньи, Пухта, Шталь и другіе, ставящіе римское право на одну доску съ правами прочихъ цивилизованныхъ народовъ, и отыскивающіе общій для всѣхъ правъ и для каждаго права источникъ въ духѣ времени, въ духѣ народа, въ исторіи. Указывая на стремленіе торговаго, или вексельнаго права ко всеобщности, какъ на дока-

зательство въ пользу своего воззрѣнія на всеобщность римскаго права, Иирингъ, очевидно, смѣшиваетъ двѣ разныя системы права—гражданскаго, повсюду національнаго, и общественнаго напр. торговаго, не знающаго національности, и стремящагося обнять весь свѣтъ, участвующій въ торговлѣ всемірной.

Выводя право изъ силы, изъ Thatkraft, Иирингъ, очевидно, разсматриваетъ его только со стороны субъективной, только въ смыслѣ субъективномъ. Но не впадаетъ ли авторъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, допуская такое одностороннее воззрѣніе на право? Кажется; особенно, если принять во вниманіе его выраженія: geist des Folkes,—Idee des Rechts,—Folksmoral,—и другія подобныя выраженія для объективнаго источника права. Самъ Иирингъ чувствовалъ свое ложное положеніе, и по мѣстамъ допустилъ поправки въ своемъ началѣ, напр. говоря такъ: «не смѣшиваемъ мы силы и права,—и не говоримъ, чтобы тамъ или здѣсь—сила становилась на мѣсто права»,—хотя тутъ же повторяетъ, что «физическая сила есть мать права».

А вотъ еще нѣсколько подобныхъ неточностей изъ спеціальной части сочиненія Иринга о первоначальной римской исторіи права. Римская собственность вытекаетъ, по Иирингу, изъ добычи, отъ чего выраженіе mancipium, употребленіе hasta, копья и т. д. Но тутъ представляется вопросъ: вытекала ли римская собственность изъ добычи, какъ факта, т. е. изъ самаго дѣйствія отнятія вещи у непріятеля, или изъ права добычи, т. е. изъ убѣжденія цѣлаго народа, по которому отнятое у непріятеля становится собственностію Римлянина? Сила одна была бы источникомъ собственности только въ первомъ случаѣ; но тогда было бы не понятно, почему rapina и вообще vis никогда въ Римѣ не считались за основанія права. Самъ Иирингъ за основаніе собственности, при добычѣ, признаетъ общее положеніе и народное убѣжденіе, по которому Римляне maxime sua credebant, quæ ex hostibus cepissent.

Не тоже ли можно открыть въ воззрѣніи Иринга на самоуправство и месть,—эти начатки всякаго права, по Иирингу. По видимому, въ состояніи безгосударственномъ, ничего болѣе не остается обиженному, какъ самому защищать свое, и самому отомщать обидчику. Но и тутъ Иирингъ принужденъ дѣлать различіе между очевиднымъ нарушеніемъ права, и сомнительнымъ, говоря, что, въ первомъ случаѣ, за обиженнаго стоитъ народный судъ, Folksjustiz, а во второмъ уже судъ, напр. тре-

тейскій?—Что касается до мести, мы не убѣждены, чтобы наказаніе естественно вытекало изъ этого неопредѣленнаго, неизмѣримаго чувства. Не должно забывать, что, въ какой бы періодъ мы не разсматривали юридическій бытъ народа, повсюду встрѣчаемъ тутъ общества, хотя бы въ родѣ семействъ, гдѣ уже не допускается ни самоуправство, ни месть, а случаи, подающіе къ тому поводъ устраняются и рѣшаются семейными властями, и, конечно, не на основаніи чувства, а по извѣстному началу, не субъективно, а объективно.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что право не можетъ имѣть для себя субъективнаго источника, а въ быту и въ смыслѣ объективномъ, не можетъ имѣть другаго начала, кромѣ указаннаго такими умами, какъ Вико, Гегель, Савиньи, Пухта, Шталь, вообще представителями исторической школы, которая столько важнаго совершила, создавъ даже системы, подобныя «духу римскаго права» Иринга. Смѣется Иирингъ надъ выраженіемъ Савиньи, по которому право, какъ языкъ и какъ искусство вытекаютъ изъ внутренняго быта, и развиваются извнутри народа, говоря, что развитіе извнутри совершается только въ мертвомъ трупѣ организма. Но, говоря о правѣ римскаго народа, тотъ же Иирингъ часто повторяетъ, что все свое, государство, право, религію, римскій народъ производилъ изъ себя aus producirt Rom aus sich selbst, отъ чего это римское право было въ высшей степени національнымъ, höchst national.

Если римское право было столь національнымъ, по духу времени и народа, почему же оно должно въ наше время вытѣснить всѣ другія національныя права цивилизованныхъ народовъ?

2) *Борьба изъ-за правъ.* Вѣрный своему началу, по которому право вытекаетъ изъ чувства, изъ личной воли, изъ силы недѣлимыхъ, Иирингъ, для развитія права въ быту современныхъ народовъ, требуетъ возбужденія этого чувства, этой воли и силы, и рекомендуетъ «борьбу за право» самую энергическую, самую безъустанную и придирчивую. Мы надѣемся увидѣть на страницахъ нашего «Юридическаго Вѣстника» переводъ этого сочиненія Иринга, и потому здѣсь ограничимся короткимъ указаніемъ на содержаніе «Борьбы.» «Въ борьбѣ ищи своего права,» говоритъ Иирингъ въ видѣ эпиграфа къ своему сочиненію, читанному первоначально въ Вѣнскомъ Юридическомъ Обществѣ, посвященному г-жѣ Литровъ, женѣ тамошняго извѣстнаго профессора, и теперь выходящему въ свѣтъ уже вторымъ

изданіемъ, не смотря на сдѣланное ему, по словамъ Иринга, единственное возраженіе, состоящее въ опасеніи, что мысль автора грозитъ умножить процессы и развить сутяжничество.— Сочиненіе распадается на двѣ весьма неровныя части, изъ которыхъ первая, меньшая, занимающая всего страницъ десять, посвящена вопросу о борьбѣ за право объективное, или за принципы права, тогда какъ вторая часть занимаетъ 80 страницъ, и трактуетъ о борьбѣ за право субъективное, или за осуществленіе права лицъ въ различныхъ конкретныхъ случаяхъ. Въ первой части, естественно, авторъ вступаетъ въ полемику съ Савиньи, доказывающимъ, что право, какъ языкъ народа и его искусство, какъ истина и убѣжденіе, мало по-малу, но вѣрно проникаетъ въ умы населенія, становятся ихъ общимъ воззрѣніемъ, и наконецъ положеніемъ права, Rechtssatz. Этотъ взглядъ на происхожденіе права долго раздѣлялъ самъ авторъ, со скамьи университетской, по его разсказу, но впослѣдствіи отвергнулъ, какъ несообразный съ истиной, и теперь замѣнилъ противоположнымъ взглядомъ, по которому всякая перемѣна въ принципѣ связуется съ нарушеніемъ существующихъ правъ, и происходитъ не иначе, какъ борьбою.

Что касается до права въ смыслѣ субъективномъ, то борьба изъ-за такого права почитается авторомъ за священный долгъ человѣка предъ идеею права, предъ самимъ собою, предъ обществомъ, и въ этомъ порядкѣ идетъ все дальнѣйшее изложеніе брошюры Иринга, при чтеніи которой невольно рождается вопросъ: разумно ли то положеніе римскаго права, по которому религія и мораль не тѣкмо отдѣлены, но даже вовсе устранены изъ области права, основаннаго, по Ирингу, на одномъ эгоизмѣ, разсчетѣ, благоразуміи, Zweckmässigkeit? Въ «борьбѣ изъ-за права» самъ авторъ говоритъ, что дѣло идетъ не о моемъ и твоемъ, или имуществѣ, а объ идеѣ справедливости, «не польза вызываетъ процессъ, но нравственная скорбь и боль отъ несправедливости,» или чувство обиды, по-русски. Извѣстно, что напр. русскій крестьянинъ до сихъ поръ соединяетъ со всякимъ нарушеніемъ своего права и даже своей пользы понятіе обиды, жалуясь на обиду, какъ въ случаѣ покражи его лошади, коровы, такъ и въ случаѣ, когда сулятъ ему неподходящую цѣну за его сѣно, солому и т. д. До сихъ поръ, говоримъ мы, намекая на употребленіе словъ: обида, за обиду, со временъ Русской Правды. Обида есть ощущеніе, есть чувство; но

и это ощущеніе, и это чувство подлежатъ развитію, воспитанію въ средѣ даннаго общества, посредствомъ господствующихъ въ немъ общихъ убѣжденій и общихъ воззрѣній на правое, неправое, сообразное съ совѣстію, безсовѣстное, безбожное и т. д. Стало быть, въ искахъ и процессахъ мы видимъ борьбу за объективно справедливое, или правое, какъ въ исторіи народы борются за общепризнанную истину, вѣру, мораль.

3) «Юриспруденція ежедневной жизни.» Подъ такимъ заглавіемъ Ирингъ написалъ статью, въ которой, какъ бы, въ примѣрахъ, хочетъ указать случаи, когда, и способы, какъ, осуществлять его «борьбу изъ-за права.» 1) *къ чугункѣ.* Останавливаемъ общественную карету, чтобы ѣхать на станцію чугунной дороги, и садимся въ нее, не теряя лишнихъ словъ. Какая тутъ юридическая сдѣлка совершается? Мы сѣли въ карету, везущую пассажировъ за южную заставу, а намъ нужно ѣхать за сѣверную, открыли свою ошибку, уже находясь въ каретѣ, и хотимъ пересѣсть въ другую: должны ли мы заплатить за мѣсто, въ прежней каретѣ?—А что, если мы спрашивали про направленіе кареты у кондуктора, который отвѣчалъ не вѣрно,—можемъ ли требовать вознагражденія, и за что, и какимъ искомъ? По случаю переполненія вагоновъ 3 и 2 классовъ, кондукторъ приглашаетъ часть пассажировъ перейдти въ вагоны 1 класса,—должны ли пассажиры послушаться его, и пр. и пр.

II. *Въ гостинницѣ.* Обязанъ ли содержатель принимать пассажировъ? Не будетъ ли оскорбленіемъ со стороны содержателя отказъ принять человѣка порядочнаго вида? Какія послѣдствія ведетъ за собою внесеніе въ гостинницу и помѣщеніе въ ней вещей пассажира, т. н. recepturn? и т. д.

III, IV, V—XX. *Въ нанятомъ помѣщеніи у книгопродавца,—въ денежномъ затрудненіи, въ театрѣ* и пр. и пр. Принимая во вниманіе безконечную массу вопросовъ, возбуждаемыхъ въ ежедневной жизни и формулируемыхъ въ подобныхъ изданіяхъ, нельзя отказать въ особенной силѣ возраженію, которое дѣлаютъ Рингу, говоря, что его идеи способны плодить процессы и развивать сутяжничество. Нѣтъ, право должно оставаться чѣмъ-то идеальнымъ, какъ истина, справедливость, красота, подлежащимъ дѣйствію принциповъ и науки, а не наблюденію, посредствомъ наведенія, въ обыденной жизни, въ салонныхъ ли спорахъ, или прекаліяхъ извощиковъ и перекупщицъ.

4) *Хронологическая таблица законовъ* обнимаетъ собою законы

по всѣмъ областямъ и частямъ права,—законы всѣхъ странъ, за исключеніемъ законовъ Россіи, и вообще славянскихъ народовъ, и заключаетъ въ себѣ указанія на мѣсто изданія закона, и на время начиная съ 1500 года до Рождества Христова, съ законовъ Моисея, и кончая 1873 годомъ нашей эры, законами Бисмарка о церкви. Изложеніе, или сообщеніе о законахъ совершается такъ: сначала на сторонѣ показывается годъ, напр. сігса 1500, а затѣмъ противъ него пишется: Моисей законодатель іуд. народа,—сігса 884, Ликургъ преобразуетъ древнее устройство Спарты, 715—673, или отъ построенія Рима, а. И. с. 39—81, Нума, и его календарь. Такъ далѣе, послѣ Рождеста Христова, годъ 9, Lex Julia & Papia poraea, 10, L. Junia Velleja, & или 755, Пипинъ даритъ Св. Петру значительное имѣніе (церковное государство), 878, Василій Македонянинъ, προχειρος νομος. 1439, Флорентинскій соборъ. 1856, деклярація относительно морскаго права 1873, мая 11—14, церковнополитическіе законы Пруссіи. Такъ связуется брошюра первыми законами въ человѣчествѣ, законами Моисея, и послѣдними, законами Бисмарка.

5) *Чтенія,* или лекціи Берлинскаго профессора *о государствѣ и церкви.* Римъ въ первые, по Ирингу, отдѣлилъ право отъ религіи, принизивъ послѣднюю до значенія средства. Что сдѣлала Пруссія съ церковію, тому мы живые свидѣтели. А почему такъ, вотъ объясненія, данныя Профессоромъ Целлеромъ, спеціально занявшимся этимъ вопросомъ. Задачу авторъ формулируетъ тѣмъ, что отыскиваетъ вообще отношеніе между государствомъ и церковію, разумѣя подъ церковію не одно христіанское, а всякое исповѣдное общество, опредѣленное извнѣ, и организованное внутри себя. Такое общее философское установленіе вопроса должно однакожъ быть соображено съ состояніемъ общества и государства, о которыхъ идетъ рѣчь въ изслѣдованіи, такъ что не изложеніе церковно-политическаго идеала, а сравненіе и обсужденіе возможныхъ разнообразныхъ учрежденій и положеній государства и церкви составляютъ задачу для чтеній автора.

Этихъ возможныхъ положеній три: или полное совпаденіе государства и церкви, или полное отдѣленіе государства отъ церкви, или наконецъ частію совпаденіе, частію отдѣленіе. Съ своей стороны, полное совпаденіе можетъ явиться или въ формѣ теократіи, гдѣ церковь выше государства или въ видѣ це-

заризма, гдѣ государство господствуетъ надъ церковію, явленіе болѣе, или менѣе не нормальное. Относительно полнаго отдѣленія авторъ замѣчаетъ, что, при единствѣ населенія, входящаго въ общество церковное и въ область государства, это полное отдѣленіе государства и церкви едвали возможно въ жизни. Стало быть, остается принять за болѣе естественное то отношеніе, по которому государство и церковь частію сливаются, частію расходятся.

Въ исторіи, особенно важно начало, выработанное Римомъ, и состоявшее въ государственномъ исповѣданіи, или въ господствующей вѣрѣ, которое начало сообщило въ свое время христіанству положеніе господствующаго, исключительнаго исповѣданія. Но съ протестантизма, особыя явленія—общая свобода исповѣданій, установленіе надлежащаго положенія для духовенства, права государства circa Sacra, надзоръ надъ церковію, и даже начало: cujus regio, ejus religio, да такъ, что въ Сѣверныхъ американскихъ Штатахъ церковь признается только частнымъ обществомъ, при чемъ авторъ заявляетъ свое сомнѣніе, что бы даже въ Америкѣ было дѣйствительно такъ, а тѣмъ болѣе что бы такое положеніе надолго тамъ осталось въ силѣ.

Церковь есть общество, говоритъ авторъ, но не частное, гражданское, основанное на договорѣ, какъ артель, товарищество, да и не токмо юридическое лицо, съ его имущественными правами, а корпорація, съ особымъ іерархическимъ устройствомъ, съ особою своею властію и т. д. Эта—сила, съ которою государство въ Европѣ непремѣнно должно считаться. Въ наше время, при настоящемъ состояніи образованія, государство и церковь не могутъ ни вполнѣ совпадать, ни вполнѣ отдѣлиться, и церковь должна составить и сохранить въ государствѣ относительно независимую корпорацію, съ извѣстными правами, а за то съ извѣстными обязанностями, а потому подъ надзираніемъ государства. Такой выводъ сдѣланъ авторомъ на 84-й страницы его брошюры, посвящающей свои остальныя почти 200 страницъ изложенію подробностей, вытекающихъ изъ принятаго начала, относительно ученія церкви, богослуженія, управленія, дисциплины, духовенства, его орденовъ, имуществъ, равно какъ положенія церкви въ дѣлѣ браковъ, школъ общественнаго призрѣнія.

Сущность того способа, котораго держится авторъ при изложеніи этихъ частныхъ вопросовъ, поглотившихъ собою и за-

мѣнившихъ собою общій вопросъ и философскую задачу автора, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Ученіе церкви, установленіе догматовъ, или ихъ развитіе въ умахъ вѣрующихъ, конечно, есть дѣло церкви, и государству не мыслимо сюда мѣшаться; но эти догматы, начала, правила не ограничиваются областью воззрѣній, вѣрованій, а стремятся осуществиться въ жизни, во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, а потому государство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ распространенію тѣхъ, или другихъ религіозныхъ ученій. Говоря о семьѣ, бракѣ, вступленіи въ бракъ, авторъ находитъ, что эти учрежденія, необходимыя какъ для церкви, такъ и для государства несомнѣнно должны подлежать обоюдному вліянію,—но особенно вліянію государства, а потому гражданскіе браки должны вездѣ составлять правило. Церковь есть корпорація, и должна имѣть самоуправленіе, съ своею дисциплиной, но государство не можетъ не отстаивать свободы частныхъ лицъ, хотя бы членовъ церкви, и т. д. и т. д.

Въ заключеніе позволяю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно воззрѣній Профессора Целлера. По мнѣ едва ли правъ онъ, ставя общій вопросъ объ отношеніи государства вообще къ церкви, или вообще къ исповѣданію. Авторъ самъ часто дополняетъ свой общій вопросъ фактическими, конкретными явленіями, говоря напр., что въ Америкѣ не такъ бываетъ, какъ въ Европѣ. Спрашивается, можетъ ли быть тоже въ Европѣ христіанской, что совершается въ мірѣ магометанскомъ, или языческомъ Азіи? Затрудненіе состоитъ именно въ томъ, что христіанскіе, наиболѣе образованные народы свѣта, признаютъ свое исповѣданіе вполнѣ истиннымъ, а свое государство возможно разумнымъ, и между тѣмъ въ жизни встрѣчаютъ часто дисгармонію, иногда антагонизмъ между своимъ истиннымъ и своимъ разумнымъ. Профессоръ Целлеръ разсматриваетъ и государство и церковь въ ихъ значеніи учрежденій, не указывая для этихъ учрежденій ихъ главнаго, общаго субъекта. Отличаетъ онъ, правда, секту, какъ ничтожное, по составу, общество изъ нѣсколькихъ единовѣрцевъ, отъ собственно церкви, или значительно большаго числа и общества вѣрующихъ, но не доходитъ до идеи народа и его народной церкви, для которой не могутъ быть обязательны правила Целлера, разсчитанныя на меньшинство, большинство и т. п. Говоря постоянно объ Европѣ, авторъ рѣшительно игнорируетъ ея восточную половину и всю восточную церковь, занимаясь исключительно католичествомъ и про-

тестанствомъ. Все вниманіе автора обращено на католичество, которое онъ называетъ силою, прибавляя, что протестанты мало-по-малу ищутъ спасенія своихъ душъ не въ церкви, а въ совѣсти. Признавая католичество громадною силою, и сознавая, что оно шире всякаго нѣмецкаго государства, авторъ силится указать для государства средства къ его одолѣнію и подчиненію. Вотъ до чего съузилась задача столь широкая въ началѣ.

Хотя христіанство не ограничивается предѣлами даннаго государства, или данной народности, но, по самой своей всеобщности, оно можетъ въ каждомъ данномъ государствѣ содѣлаться исповѣданіемъ всего населенія, всего народа, въ тоже время какъ истина, наука, искусство, трудъ и промышленность могутъ въ каждомъ такомъ государствѣ содѣлаться достояніемъ также всего народа, и перейдти въ его убѣжденіе и въ его жизнь. Такой народъ, будучи единымъ, по духу, не можетъ самъ себѣ противорѣчить, и несомнѣнно приведетъ въ гармонію свою вѣру, науку, мораль, равно какъ свое право и государство, которое, съ своей стороны, дорожа единствомъ, непремѣнно будетъ помогать такому движенію народа. Такъ, говоря о бракахъ, авторъ признаетъ ихъ необходимыми и для церкви, и для государства, и старается подчинить ихъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ частію церкви, частію государству, очевидно, забывая, что браки столже необходимы для народа и его бытія. Собственно церковь и государство призваны утвердить и укрѣпить браки, какъ сочетанія, ведущія къ развитію народа и народности. Гражданскіе браки для нашего народа, безъ церковнаго освященія, окажутся недостаточными. Нѣчто аналогическое представляется въ учрежденіи присяги, которая въ одномъ народѣ является облеченною въ церковную форму, въ другомъ въ гражданскую, а тамъ, или здѣсь безъ всякой формы, въ простыхъ да, или нѣтъ. Все отъ народнаго духа и свойства.

По примѣру другихъ, или даже по обычаю, нашъ авторъ разсматриваетъ народъ только въ значеніи настоящаго населенія страны, и въ смыслѣ извѣстнаго количества головъ, не смотря на всѣ современныя явленія. Изъ этихъ явленій беру наиболѣе выдающееся, всѣми замѣчаемое и отмѣчаемое, хотя, по видимому, ничего общаго не имѣющее съ понятіемъ о народѣ. Таково значеніе кредита, вообще займа на счетъ будущаго, или въ счетъ будущаго или въ сущности, распоряженія будущимъ со стороны настоящаго. Частныя лица немогутъ обойтись безъ содѣйствія своего

будущаго, и часто совершаютъ займы, а города, земства, населенія страны и государства буквально безсильны устроить свое настоящее текущими счетами, и необходимо живутъ и дѣйствуютъ кредитомъ. Но почему, по какому праву настоящее поколѣніе распоряжается имуществомъ будущаго? Естественно, потому что считаетъ это имущество своимъ, какъ и будущее поколѣніе продолженіемъ себя и однимъ, нераздѣльнымъ съ собою субъектомъ, также точно, какъ само служитъ продолженіемъ разума и воли своего прошедшаго, своей исторіи. Ясно, что народъ не есть только настоящее поколѣніе и населеніе, но единство всего своего прошедшаго и будущаго,—это идея, это вѣчность, и въ этомъ лишь смыслѣ можно говорить о религіи народа, о политикѣ народа, какъ о принципахъ, и о церкви народа и государствѣ, какъ его учрежденіяхъ, и притомъ основанныхъ на законахъ и началахъ права.

Государство творитъ, или создаетъ право, и разныя его системы, въ томъ числѣ и церковное право. Безъ государства, или внѣ государства церковь не имѣла бы права, такъ же точно, какъ и отдѣльныя лица, безъ государства, и внѣ государства не имѣли бы правъ. И такъ вопросъ объ отношеніи государства къ церкви рѣшается такъ же, какъ вопросъ объ отношеніи государства къ области гражданскаго, или частнаго быта. Государство узаконяетъ собственность, владѣніе, распоряженіе лицъ, относительно ихъ имуществъ, договоровъ, наслѣдованія, по духу народа; стало быть, по духу же народа, по степени его религіозности и по свойству его исповѣданія, государство узаконитъ и ученіе вѣры, и устройство церкви, и участіе духовенства въ дѣлѣ образованія. Все по духу народа, а не по мысли даннаго въ извѣстный моментъ населенія, и тѣмъ менѣе произвольно. Авторъ нашъ основательно сомнѣвается въ правдивости разсказовъ о положеніи церкви христіанской въ Америкѣ, будто тамъ разсматривается она, какъ чисто частное общество, и еще болѣе въ томъ, будто такое положеніе можетъ продолжиться впослѣдствіи на долго. Но почему же онъ думаетъ, что протестанты разумно ищутъ спасенія своихъ душъ въ своей индивидуальной совѣсти, а не въ церкви, и какъ онъ увѣритъ насъ, что исторія дѣйствительно стремится содѣлать изъ людей стадо безъ пастыря?

В. Лешковъ.

Февр. 10, 1874 г.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

I.

Московской судебной палаты.

„При ссылкѣ отвѣтчика на давность владѣнія судъ не входитъ въ разсмотрѣніе правъ истца на спорную землю по представленнымъ имъ документамъ и обязанность доказать фактъ перерыва этого владѣнія въ силу 366-й ст. уст. гр. суд. лежитъ на истцѣ, хотя бы отвѣтчикъ не доказалъ непрерывности“.

1873 г. ноября 26-го дня по указу Его Императорскаго Величества, Московская Судебная Палата по 1-му Гражданскому Департаменту въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ Н. А. Слѣпцова, въ составѣ членовъ И. П. Аристова и С. М. Гулькевича, разсматривала дѣло по апелляціонной жалобѣ мѣщанина Ивана Маргорина на рѣшеніе Смоленскаго Окружнаго Суда объ отказѣ ему въ изъятіи изъ владѣнія вдовы Коллежскаго Асессора Александры Янской земли. Обстоятельства дѣла: мѣщанинъ Маргоринъ обратился 6 апрѣля 1872 года въ Смоленскій Окружный судъ съ исковымъ прошеніемъ, въ которомъ объяснилъ, что по дарственной записи, совершенной въ Смоленской Палатѣ гражданскаго суда 17 апрѣля 1866 года, пріобрѣтенъ имъ отъ отца его деревянный домъ съ флигелемъ и землею въ г. Смоленскѣ на углу Никольской и Благовѣщенской улицъ, мѣрою по Никольской

улицѣ 20 саж. съ половиною, а по Благовѣщенской 4 сажени съ четвертью, каковымъ домомъ и землею онъ, Маргоринъ, введенъ во владѣнье безспорно 22 апрѣля 1866 года приставомъ 2 части г. Смоленска Максимовымъ; но затѣмъ г. Янская, домъ которой находится на Благовѣщенской улицѣ, въ смежности съ его домомъ, завладѣла частью принадлежащей ему земли, а именно въ задней части его двора, паралельно Никольской, улицѣ въ длину 8 саж. а въ ширину полтора аршина и хотя по сдѣланному 30 іюля 1871 года Ельнинскимъ уѣзднымъ землемѣромъ Дудинымъ измѣренію оказалось, что заборъ Маргорина находится на его землѣ, но судебный приставъ съѣзда мировыхъ судей Смоленскаго округа Никоновичъ, 11-го октября того же 1871 года, согласно опредѣленію съѣзда, перенесъ заборъ на его землю на вышеозначенное пространство, вслѣдствіе сего Маргоринъ, представляя копію съ дарственной записи, съ протокола измѣренія землемѣра Дудина и съ протокола судебнаго пристава Никоновича, просилъ судъ изъять изъ владѣнія Янской означенное выше количество земли ему принадлежащей и передать ему просителю. Противъ этого искового прошенія повѣренный отвѣтчицы Янской, коллежскій совѣтникъ Василій Янушковскій возразилъ, что еще въ 1847 году, вслѣдствіе самовольнаго устройства отцемъ истца Василіемъ Маргоринымъ пристроекъ къ каменному дому его довѣрительницы и постановки забора съ захватомъ части ея земли, довѣрительница его обращалась съ жалобою къ Смоленскому губернскому начальству и губернское правленіе, удостовѣрясь чрезъ произведенныя дознанія и измѣреніе, что устроенный Маргоринымъ заборъ значительно уклонился отъ прямой линіи и вдался во внутрь двора Янской, обязало Маргорина перенести заборъ по указанію губернскаго архитектора на прежнее мѣсто и хотя Василій Маргоринъ и приносилъ на такое распоряженіе губернскаго правленія жалобу въ Правительствующій Сенатъ, но сей послѣдній не призналъ оную заслуживающею уваженія, въ подтвержденіе чего повѣреннымъ Янушковскимъ представлена копія указа Правительствующаго Сената отъ 16 января 1859 года за № 1496; такимъ образомъ, по объясненію повѣреннаго Янушковскаго, устроенный г. Янскою въ 1859 году по указанію губернскаго архитектора заборъ, отдѣляющій ея владѣніе отъ владѣнія Маргорина, оставался на томъ же мѣстѣ до 1869 года безъ всякаго спора со стороны

Маргорина, а въ 1869 году Иванъ Маргоринъ самовольно перенесъ заборъ во внутрь двора Янской на то мѣсто, съ котораго онъ былъ снесенъ по распоряженію губернскаго начальства. По жалобѣ Янской и по состоявшемуся рѣшенію съѣзда мировыхъ судей, возведенный Маргоринымъ заборъ вновь уничтоженъ судебнымъ приставомъ и отнесенъ на то же мѣсто, гдѣ находился до 1869 года: на основаніи изложеннаго повѣренный Янушковскій, обращая вниманіе суда на то, что заборъ отдѣляющій владѣніе его довѣрительницы отъ владѣнія Маргорина, находился непрерывно въ теченіи болѣе 15 лѣтъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ находится, противъ чего ни со стороны истца, ни со стороны Василья Маргорина не было заявлено во все означенное время спора, просилъ судъ въ искѣ, предъявленномъ къ его довѣрительницѣ Иваномъ Маргоринымъ отказать, возложивъ на него судебныя издержки. Спрошенные въ судебномъ засѣданіи 1 августа 1872 года свидѣтели по вопросу о томъ, дѣйствительно ли заборъ, стоящій нынѣ на границѣ владѣнія Маргорина и Янской находится на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ заборъ съ 1853 года по 1859 годъ, показали: Сизовъ, что старый заборъ онъ помнитъ съ 1862 г. по 1869 годъ и что стоялъ онъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ новый; Сидоровъ, что заборъ, отдѣляющій владѣніе Маргорина отъ владѣнія Янской, стоитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ тому назадъ лѣтъ семь, свидѣтели: Кошелевъ, Николаевъ и Дубенскій показали, что заборъ, находящійся нынѣ на границѣ владѣнія Маргорина и Янской, стоитъ на томъ же мѣстѣ гдѣ стоялъ заборъ съ 1853 г. по 1860 годъ, и наконецъ свидѣтель Вержинскій показалъ, что нынѣшній заборъ стоитъ на томъ же мѣстѣ, какъ стоялъ съ 1854 года по 1860 годъ. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и входя въ обсужденіе исковыхъ требованій Маргорина объ изъятіи изъ принадлежащей ему земли изъ неправильнаго будтобы владѣнія Янской, Окружный Судъ нашелъ, что таковыя исковыя требованія не могутъ подлежать удовлетворенію какъ потому, что со стороны истца не представлено вопреки 366 ст. Уст. Гр. Суд. никакихъ доказательствъ тому, что Янскою произведено самовольное завладѣніе принадлежащей ему земли, такъ и потому что свидѣтельскими показаніями, допущенными по сему дѣлу судомъ, на основаніи ст. 409 Уст. Гр. Суд., подтвердилось воз-

раженіе повѣреннаго отвѣтчицы, что заборъ, отдѣляющій оспариваемую землю отъ находящейся нынѣ во владѣніи Маргорина земли находится на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ находился по показанію однихъ свидѣтелей съ 1853 по 1860 годъ и по показанію свидѣтеля Сизова съ 1862 года по 1869 годъ, относительно же времени съ 1860 года по 1862 г., неопредѣленнаго показаніями свидѣтелей, со стороны истца не представлено доказательствъ, чтобы за этотъ промежутокъ времени послѣдовалъ перерывъ владѣнія Янскою оспариваемою землею; въ виду изложеннаго, признавая вполнѣ доказаннымъ со стороны отвѣтчицы безспорное владѣніе ея оспариваемаго нынѣ Маргоринымъ землею, въ теченіи болѣе 15 лѣтъ, судъ призналъ, что Маргоринымъ уже утрачено право на отыскиваніе означенной земли за истеченіемъ срока земской давности; на основаніи изложеннаго Окружный Судъ опредѣлилъ: въ искѣ, предъявленномъ Смоленскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Маргоринымъ къ вдовѣ коллежскаго ассесора Александрѣ Янской отказать и судебныя издержки возложить на истца Маргорина. Въ апелляціонной жалобѣ на это рѣшеніе Маргоринъ объясняетъ: 1) что въ подтвержденіе права на отыскиваемую отъ Янской землю имъ были представлены крѣпостные документы и вводный листъ и что со стороны Янской нисколько не была оспариваема недостаточность этихъ документовъ, почему судъ не могъ входить въ обсужденіе обстоятельствъ, не бывшихъ предметомъ преній сторонъ; 2) что по показаніямъ выставленныхъ Янскою свидѣтелей о земской давности существованіе забора, отдѣляющаго владѣнія Янской отъ Маргорина, одни изъ свидѣтелей подтвердили, что заборъ этотъ находился на томъ же мѣстѣ съ 1853 года по 1860 годъ, а другіе, что онъ существуетъ на этомъ мѣстѣ съ 1862 г. по 1869 годъ, но о существованіи забора съ 1860 г. по 1862 годъ свидѣтельскихъ показаній нѣтъ, а между тѣмъ Окружный Судъ призналъ и за то время непрерывность владѣнія Янской оспариваемою землею на томъ основаніи, что Маргоринъ не представилъ доказательствъ о томъ, чтобы за этотъ промежутокъ времени послѣдовалъ перерывъ владѣнія Янской тою землею, тогда какъ по объясненію Маргорина, обязанность доказать непрерывное владѣніе лежало не на немъ, а на той сторонѣ, которая ссылалась на свидѣтельскія показанія; 3) что Янская, вызванная въ судъ въ качествѣ отвѣтчицы,

на самомъ дѣлѣ явилась какъ бы истицей, предъявляя свои права на спорную землю на основаніи земской давности владѣнія оною, тогда какъ она, по мнѣнію Маргорина, обязана была предупредить его искъ и явиться истицею и рядомъ свидѣтельскихъ показаній доказывать принадлежность ей той земли. Почему проситъ 1) признать искъ его согласно представленнымъ къ дѣлу актамъ и доказательствамъ всецѣло доказаннымъ; 2) рѣшеніе Смоленскаго Окружнаго суда отмѣнить; 3) изъять изъ владѣнія Янской принадлежащую ему землю, на которой по указанію судебнаго пристава 11 октября 1871 года Янская поставила свой заборъ и передать эту землю ему, Маргорину, и 4) судебныя издержки и вознагражденіе за веденіе дѣла въ 2-хъ инстанціяхъ возложить на отвѣтчицу Янскую. Въ объясненіи на эту апелляціонную жалобу повѣренный Янской коллежскій совѣтникъ Янушковскій указываетъ во 1-хъ на встрѣчающееся въ представленныхъ Маргоринымъ документахъ разногласіе въ мѣрѣ принадлежащей ему земли, почему судъ имѣлъ полное основаніе признать тѣ документы неподтверждающими справедливости иска Маргорина, 2) что выставленные имъ свидѣтели подтвердили существованіе забора на нынѣшнемъ мѣстѣ за то время, которое каждому изъ нихъ было извѣстно, о промежуточномъ же времени отъ 1860 г.—1862 г. не дали показаній, не потому чтобы въ теченіи этого времени была какая либо перестройка забора, а единственно потому что въ это время не жили въ сосѣдствѣ, но и самъ Маргоринъ не оспариваетъ того обстоятельства, что въ 1860 и 1861 годахъ заборъ оставался на нынѣшнемъ его мѣстѣ и тѣмъ самымъ подтверждаетъ непрерывность владѣнія Янской спорною полосою земли. По симъ основаніямъ Янушковскій проситъ утвердить обжалованное Маргоринымъ рѣшеніе Смоленскаго Окружнаго Суда. Приступая къ ревизіи обжалованнаго мѣщаниномъ Маргоринымъ рѣшенія Смоленскаго Окружнаго Суда по предъявленному имъ къ отвѣтчицѣ Янской иску о завладѣніи будтобы послѣднею частью принадлежащей ему земли, вслѣдствіе отнесенія забора, отдѣляющаго его усадьбу отъ усадьбы Янской, судебная палата усматриваетъ: 1) что указываемый истцемъ заборъ отнесенъ на то мѣсто, гдѣ оный въ настоящее время существуетъ, въ октябрѣ 1871 года по указаію судебнаго пристава, исполнявшаго рѣшеніе мироваго съѣзда, послѣдовавшаго вслѣдствіе жалобы Ян-

ской на самовольное отнесеніе этого забора Маргоринымъ во внутрь ея двора; 2) что окружный судъ въ виду ссылки повѣреннаго Янской на давность владѣнія ея отыскиваемымъ Маргоринымъ нынѣ участкомъ земли, основалъ обжалованное Маргоринымъ рѣшеніе единственно на признанномъ давностномъ владѣніи Янской *и потому не входилъ въ разсмотрѣніе правъ Маргорина на отыскиваемую полосу земли по представленнымъ имъ документамъ.* Принимая во вниманіе, что за силою 533 ст. X т. 1 ч. Зак. Гражд. спокойное и безспорное непрерывное владѣніе имуществомъ въ теченіи давности обращаетъ подобное владѣніе въ право собственности на владѣемое имущество, что въ данномъ случаѣ показаніями свидѣтелей вполнѣ доказано владѣніе Янскою отыскиваемою Маргоринымъ полосою земли и существованіе забора на томъ мѣстѣ, гдѣ оный въ настоящее время существуетъ, съ 1853 по 1860 и съ 1862 по 1869 годы, что перерывъ владѣнія Янскою спорною полосою земли за время, остающееся не выясненнымъ показаніями свидѣтелей въ 1860 и въ 1861 годахъ не только ничѣмъ не доказывается со стороны Маргорина, но даже и не указывается на подобное обстоятельство и что въ своей жалобѣ Маргоринъ объясняетъ лишь, что за означенный промежутокъ времени, владѣніе Янскою спорною землею осталось по дѣлу не подкрѣпленнымъ положительными доказательствами, судебная палата находитъ, что неимѣніе въ дѣлѣ положительныхъ доказательствъ продолженія владѣнія Янскою спорною полосою земли въ 1860 и 1861 годахъ не можетъ имѣть значенія, во 1-хъ потому что еслибы за это время дѣйствительно было чѣмъ либо прервано владѣніе Янской, то Маргоринъ не упустилъ бы заявить объ этомъ обстоятельствѣ и указать на самый фактъ, прервавшій владѣніе Янской, во 2-хъ при отрицаніи очевиднаго продолженія владѣнія Янскою спорною полосою между 1860 и 1862 годами, въ виду доказанности этого владѣнія съ 1853 по 1860 и съ 1862 по 1869 годы *на Маргоринѣ, какъ на истцѣ, на основаніи 366 ст. Уст. Гр. Суд. лежитъ обязанность доказать фактъ перерыва этого владѣнія.* По симъ основаніямъ признаніе окружнымъ судомъ давняго владѣнія Янскою оспариваемаго Маргоринымъ полосою земли представляется правильнымъ, за тѣмъ права Маргорина, вытекающія изъ представленныхъ имъ документовъ на принадлежащее ему пространство земли не могутъ имѣть въ дан-

номъ случаѣ значенія, за утратою имъ сихъ правъ, вслѣдствіе признанія долговременности владѣнія Янскою оспариваемымъ участкомъ. Вслѣдствіе сихъ соображеній судебная палата опредѣляетъ: рѣшеніе окружнаго суда утвердить, а жалобу Маргорина оставить безъ уваженія, возложивъ за силою 868 ст. Уст. Гр. Суд. на Маргорина отвѣтственность по сему дѣлу въ судебныхъ издержкахъ и въ вознагражденіе противной стороны за веденіе дѣла.

II.

Московскаго окружнаго суда.

ПРОЦЕССЪ БРАТЬЕВЪ БОСТРЕМЪ.

(Ограбленіе и взятіе насильственнымъ образомъ векселя и росписки).

„Если бы мнѣ умереть!... Я другаго исхода не знаю".
(АНАКРЕОНЪ).

7-го Февраля на масляной, глубоко за полночь, присяжные засѣдатели, послѣ непродолжительнаго совѣщанія на предложенные судомъ вопросы о виновности братьевъ Бостремъ въ ограбленіи г. Гольдсмитъ и въ томъ, что они насильно заставили его подписать вексель и росписку, вынесли оправдательный вердиктъ.

Такимъ образомъ, процессъ, возбуждавшій до дня доклада столько толковъ и недоразумѣній, особенно въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ, привлекшій въ залу засѣданія такую многочисленную публику, слѣдившую съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ процесса, окончился полнымъ фіаско для потерпѣвшаго отъ преступленія; скажемъ болѣе, онъ закончился даже нѣсколько комично.

Судъ, примѣняя законъ къ вердикту присяжныхъ, считая братьевъ Бостремъ свободными отъ суда и слѣдствія, съ тѣмъ вмѣстѣ, постановилъ: находившуюся въ числѣ вещественныхъ доказательствъ рубашку возвратить по принадлежности Гольдсмиту, какъ-бы, въ воздаяніе за претерпѣнное. Невольно припоминаются слова поэта:

„Страшнымъ ударомъ меня поразилъ ты, Эротъ безпощадный!“
„Словно кузнецъ своимъ молотомъ, въ сердце ударилъ и бросилъ“
„Въ бурный потокъ, разбушеванный зимнимъ ненастьемъ“

Мы намѣрены изложить ходъ этаго процесса. Прежде всего о самой обстановкѣ при которой начатъ былъ процессъ.

I.

„Публичность судебныхъ засѣданій есть одна изъ лучшихъ гарантій правильности судебныхъ дѣйствій и одно изъ главныхъ условій довѣрія общества къ суду“. (Осн. Пол. Журн. 64 г. № 47-й)

Многочисленная публика, еще до начала этого дѣла, биткомъ набила залу засѣданія и, не имѣя возможности помѣститься на скамьяхъ, заняла всѣ проходы, нагромоздилась всюду, гдѣ только могла. Въ это время слушалось дѣло о дворянинѣ Змѣтневѣ, обвинявшемся въ мошенничествѣ, дворянинѣ, который, если неошибаемся, уже второй разъ является передъ судомъ присяжныхъ. Присяжные вынесли для него обвинительный приговоръ. Судъ, удаляясь для совѣщанія относительно примѣненія закона къ вердикту присяжныхъ, въ лицѣ предсѣдавшаго, товарища предсѣдателя Загоскина, почему-то счелъ нужнымъ ни къ кому лично не обращаясь, заявить, что на слѣдующій процессъ братьевъ Бостремъ, за судейскими, мѣстами могутъ остаться только члены суда. Такое категорическое заявленіе предсѣдателя вызвало оживленные толки, сколько мы слышали, между присяжными повѣренными, стоявшими въ значительномъ количествѣ и сидѣвшими *) за судейскими мѣстами. Вызваны были эти толки потому, что присяжные повѣренные до этого процесса всегда помѣщались за судейскими мѣстами, въ виду постановленія общаго собранія окружнаго суда, сдѣлавшаго распоряженіе занимать присяжнымъ повѣреннымъ эти мѣста; такъ что распоряженіе предсѣдавшаго казалось имъ выходящимъ изъ рамокъ уже установившагося и освященнаго обычая. Дѣйствительно, нельзя незамѣтить, что эти толки, эти споры и обращеніе присяжныхъ повѣренныхъ къ судебнымъ приставамъ, что для нихъ кажется страннымъ подобное распоряженіе предсѣдавшаго, особенно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ для нихъ существенна каж-

*) Въ залѣ гдѣ слушалось дѣло бр. Бостремъ за судейскими мѣстами только 6 стульевъ. Ред.

дая черта ибо потерпѣвшій носилъ еще пока званіе ихъ собрата, имѣли за себя разумное основаніе. Вездѣ и всюду на западѣ, гдѣ существуетъ правильно организованная адвокатура, для адвокатовъ отведена въ залѣ засѣданія особая эстрада, куда во всякое время адвокаты, почему либо интересующіеся процессомъ, имѣютъ свободный доступъ. Отводится же такая эстрада потому, что адвокатъ, будучи по проффесіи своей посредникомъ между судомъ и публикой, въ каждомъ процессѣ интересуется не столько внѣшней, подъ часъ эфектной, театральной, драматической обстановкой, сколько внутреннимъ его содержаніемъ, изученіемъ юридической и бытовой стороны процесса, изученіемъ личности подсудимыхъ, свидѣтелей, вообще обстановкой всего дѣла. А такое изученіе процесса возможно только тамъ, гдѣ эстрада для адвокатовъ отводится въ наиболѣе удобномъ мѣстѣ для наблюденія за ходомъ процесса. Залы московскаго окружнаго суда расположены такимъ образомъ: единственно удобнымъ мѣстомъ для присяжныхъ повѣренныхъ можетъ служить эстрада за судейскими мѣстами. Вотъ почему, мы думаемъ общее собраніе окружнаго суда и отвело эту эстраду для присяжныхъ повѣренныхъ, такъ что, если-бы распоряженіе предсѣдавшаго по процессу бр. Бострем, было приведено въ исполненіе, то присяжные повѣренные лишены былибы возможности слѣдить за ходомъ этаго процесса, поучительнаго, какъ мы увидимъ, во многихъ отношеніяхъ. Мы указываемъ на эти обстоятельства конечно не съ тою цѣлью, чтобы видѣть въ дѣйствіяхъ предсѣдавшаго какія нибудь косвенныя, побочныя побужденія. Мы думаемъ что въ этомъ отношеніи, точно также, какъ и въ роспоряженіи относительно удаленія части публики изъ залы засѣданія чрезъ жандармовъ, предсѣдательствующій руководствовался другими соображеніями. Въ виду важности оявпненія, въ виду личности потерпѣвшаго предсѣдавшій думалъ, что многочисленная публика въ залѣ засѣданія и за судейскими мѣстами будетъ мѣшать правильному ходу процесса и этимъ только мы объясняемъ указанное распоряженіе. Впрочемъ какъ видно оно не приведено было въ исполненіе, ибо во все время хода процесса, мы видѣли, что за судейскими мѣстами помѣщалось значительное число присяжныхъ повѣренныхъ.

Мы упомянули, что при открытіи засѣданія, предсѣдавшій, замѣтивъ многочисленную публику, сдержано и скромно себя

державшую, но по недостатку мѣста на скамьяхъ стоявшую у стѣнъ и вообще гдѣ только возможно было помѣститься, сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи той части публики, которая стояла. Такое распоряженіе произвело движеніе въ публикѣ, да оно и понятно. Всякій изъ публики, простоявъ передъ тѣмъ слишкомъ часъ за предшествовавшимъ дѣломъ, съ неохотою удалялся изъ залы засѣданія, съ того процесса, ради котораго онъ прибылъ въ судъ. Особенно волновались дамы, также стоявшія за недостаткомъ мѣстъ на скамьяхъ. Такъ какъ стоявшей публики было очень много, то естественно она не могла немедленно очистить залу засѣданія и вотъ вновь раздался голосъ предсѣдательствующаго, обращенный къ судебнымъ приставамъ, чтобы вывели публику чрезъ жандармовъ. Но когда середнія двери залы отворились для удаленія публики, то публика, стоявшая въ корридорѣ за дверьми залы, увидавъ растворенныя двери и думая, что наступилъ для нея чередъ войти въ засѣданіе, хлынула встрѣчной волной въ залу и вотъ тогда-то самъ предсѣдательствующій отправился уже въ коридоръ и личнымъ участіемъ удалялъ публику. Мы полагаемъ, что такое распоряженіе предсѣдательствующаго точно также, какъ и заявленіе о присяжныхъ повѣренныхъ, было совершенно излишне. Конечно предсѣдательствующій въ силу своей дискреціонной власти можетъ распоряженіями своими гласность суда доводчть до минимума т. е. оставлять въ залѣ засѣданія столько публики, сколько ему желательно, пускать ее по билетамъ, наконецъ *спеціализируя* публику онъ можетъ нетолько часть, но даже всю публику удалить изъ залы засѣданія; но все это возможно дѣлать только тогда, когда предстоитъ въ этомъ настоятельная необходимость: когда публика мѣшаетъ правильному ходу процесса своими разговорами, движеніемъ и проч. Но гдѣ публика помѣстилась хотя и тѣсно, но если тѣснота эта не мѣшаетъ нормальному ходу процесса, тамъ вовсе нѣтъ мѣста удаленію ея. Предшествующіе процессы, разрѣшавшіеся въ московскомъ окружномъ судѣ, также съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, процессы которые привлекали громадную массу публики, которая дѣйствительно помѣщалась за недостаткомъ мѣстъ на скамьяхъ, гдѣ могла, не вызывали такихъ крайнихъ мѣръ, какъ процессъ бр. Бостремъ и не вели къ такимъ неожиданнымъ переполохамъ. Напротивъ того, процессы тѣ, по своей процессуальной обстановкѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія и

предсѣдательствующіе строго держались того кореннаго принципа, что не общество существуетъ для суда, а судъ для общества и что если они прибѣгали къ проявленію своей дискреціонной власти, удаляли публику, то только вынужденные къ тому крайнею необходимостью.

Такой крайней необходимости въ удаленіи публики по процессу Бостремъ, по нашему мнѣнію, вовсе небыло, ибо какъ мы выше замѣтили, публика, хотя и многочисленная, сдержанно и скромно держала себя въ залѣ засѣданія. Намъ желательно, чтобы такое удаленіе публики безъ уважительныхъ и настоятельныхъ причинъ не повторялось въ будущемъ. Мы не безъ намѣренія остановились на этомъ началѣ процесса, ибо въ публикѣ слышатся жалобы, что съ ней слишкомъ нецеремонно обращаются въ залахъ засѣданія. Современемъ эта безцеремонность отъучитъ отъ судовъ всю порядочную часть публики и посѣтителями гласныхъ судовъ останется та часть публики, которая неособенно чувствительна къ безцеремоннымъ обращеніямъ, или которая, почему либо, лично заинтересована процессомъ. А такое спеціализированіе публики было-бы вмѣстѣ съ тѣмъ и устраненіемъ самой надежной гарантіи въ соблюденіи установленнаго порядка и усердномъ исполненіи судьями, присяжными, прокурорами и защитниками лежащихъ на нихъ обязанностей.

II.

„Врачу исцѣлися самъ."

(Еван. отъ Луки, гл. IV).

Перейдемъ теперь къ способу веденія самаго процесса.

Здѣсь нельзя необратить прежде всего вниманія на то, что въ процессѣ бр. Бостремъ касались такого рода обстоятельствъ, упоминали о такого рода фактахъ, которые не имѣютъ никакого непосредственнаго отношенія къ самому дѣлу. Мы не станемъ уже говорить о томъ, что весь разсказъ Бр. Бостремъ, равно какъ ихъ женъ направленъ былъ къ тому, чтобы представить г. Гольдсмита въ самыхъ черныхъ краскахъ. Такія показанія съ ихъ стороны естественны и понятны. Накидывая черныя краски на личность потерпѣвшаго отъ преступленія, они тѣмъ самымъ выгораживали себя или, покрайней мѣрѣ, облегчали свою участь; точно также понятны ихъ упоминанія о той дѣ-

вушкѣ, которую обманулъ г. Гольдсмитъ и результатомъ связи съ которой былъ тотъ ребенокъ, который находился на воспитаніи у нихъ. Равнымъ образомъ понятенъ и разсказъ Гольдсмита о томъ, что бр. Бостремъ узнавъ, что онъ состоятельный человѣкъ, старались невыпустить его изъ своихъ рукъ, всячески его заманивали, безцеремонно обирали подъ видомъ нуждъ и необходимыхъ покупокъ то того, то другаго для ребенка. Гольдсмитъ настоящимъ процессомъ долженъ былъ разсѣять тѣ недоразумѣнія, тѣ толки, которые возбуждены были въ обществѣ, столкновеніемъ его съ братьями Бостремъ, слѣдствіемъ чего было наглое, почти невѣроятное нападеніе, ограбленіе и взятіе насильственнымъ образомъ съ него долговыхъ документовъ въ квартирѣ О. Бостремъ, помѣщающейся въ одномъ изъ многолюдныхъ и проѣзжихъ переулковъ г. Москвы. Отсюда понятны тѣ страсти, которыя разыгрывались между борящимися сторонами. Настоящій процессъ былъ для бр. Бостремъ и Гольдсмитъ обоюдо острое оружіе. Но вотъ что намъ кажется непонятнымъ, что выходитъ за предѣлы дозволеннаго.

Защита просила допросить трехъ свидѣтелей въ подтвержденіе тѣхъ обстоятельствъ, съ какой стороны знаютъ выставляемые свидѣтели подсудимыхъ. Судъ допустилъ ихъ къ спросу. И вотъ одинъ изъ такихъ свидѣтелей, *Кандиновъ*, вмѣсто того, чтобы охарактеризовать личности подсудимыхъ, начинаетъ разсказъ характеристикою личности потерпѣвшаго; при чемъ оказывается, что онъ даже съ нимъ и незнакомъ, а слышалъ отъ лицъ хорошо знающихъ Гольдсмита, что послѣдній хотѣлъ развестись съ женою (Гольдсмитъ еврей, добавилъ, Кандиновъ и по ихъ законамъ можно жениться отъ живой жены) чтобы жениться на дѣвицѣ,—при чемъ упомянулъ и фамилію дѣвушки, но раньше развода уѣхалъ съ этою дѣвицею за границу, гдѣ она вскорѣ послѣ родовъ умерла. Вообще по словамъ Кандинова о похожденіяхъ Гольдсмита съ этою дѣвицей, объ ея смерти носятся разные темные слухи. Свидѣтель слышалъ также, что Гольдсмитъ, познакомившись съ г. г. Бостремами началъ новое ухаживанье. —И такъ, что это за свидѣтель все основающій на слухахъ, позволяющій себѣ упоминать фамилію дѣвушки, вовсе непричастной къ дѣлу? И такого свидѣтеля выслушиваютъ, дозволяютъ ему говорить о томъ, о чемъ онъ вовсе и не компетентенъ былъ упоминать. Этотъ свидѣтель говоритъ о какихъ-то темныхъ слухахъ относительно похожденій

Гольдсмита съ дѣвицею Г. что это за темные слухи? Не мѣшалобы и о нихъ, также на основаніи слуховъ, пуститься въ подробности и вѣроятно защита съ величайшимъ бы удовольствіемъ, ради пикантности процесса, выслушала-бы эти показанія. Тогда-бы одинъ изъ защитниковъ, могъ еще съ большимъ пафосомъ нетолько воскликнуть, «что потерпѣвшій занимаетъ не настоящее мѣсто», а прямо провозгласить, что на скамью подсудимыхъ слѣдуетъ посадить вмѣсто бр. Бостремъ потерпѣвшаго, Гольдсмитъ. Идемъ далѣе. При распросахъ Гольдсмита защита вошла съ нимъ въ пререканія и вина въ этихъ пререканіяхъ ложится на нашъ взглядъ непосредственно на защитниковъ. Они задавали потерпѣвшему такіе вопросы, которые вовсе неразъясняли дѣло, а исключительно разсчитаны были на эфектъ, на то чтобы уязвить потерпѣвшаго Гольдсмита, положеніе котораго на судѣ и безъ этихъ выходокъ защиты было крайне некрасиво. Несмотря на совершенно ясный разсказъ Гольдсмита о томъ, что разговоръ о купленной имъ лисьей шубкѣ кормилицѣ-чешкѣ, совершенно неумѣющей говорить по русски, шелъ у него съ г-жею Бостремъ, защ. Плевако счелъ почему-то нужнымъ при перекрестномъ допросѣ, допрашивать Гольдсмита о томъ какой онъ имѣлъ разговоръ съ кормилицей по поводу лисьей шубы? На что Гольдсмитъ замѣтилъ что о шубѣ онъ не имѣлъ разговора, какъ уже ранѣе сказалъ, съ кормилицей, и съ г-жею Бостремъ, потому что кормилица говоритъ порусски одно только слово: истъ», т. е. ѣсть. На что совершенно не къ мѣсту съострилъ Плевако: я васъ спрашиваю не объ «истъ» а о шубѣ. Тогда-то Гольдсмитъ, видя вѣроятно что характеръ допросовъ со стороны защиты направляется не къ разъясненію обстоятельствъ дѣла, а исключительно къ глумленію надъ его личностью, съ горечью воскликнулъ: «Впрочемъ вамъ, г. Плевако, должны быть хорошо извѣстны всѣ обстоятельства дѣла, такъ какъ вы прежде хотѣли быть моимъ повѣреннымъ, а теперь сдѣлались защитникомъ подсудимыхъ». На что г. Плевако выкинулъ совершенно не къ мѣсту такую фразу, вѣроятно, какъ онъ полагалъ, разсчитанную на вкусъ маслячной публики: «я защищаю только тѣ дѣла въ нравственномъ достоинствѣ которыхъ я убѣжденъ, и очень радъ, что не являюсь здѣсь вашимъ повѣреннымъ» и впослѣдствіи въ рѣчи своей въ оправданіе отношеній своихъ въ Гольдсмиту, защитникъ подтвердилъ тотъ фактъ, что онъ *собирался* быть повѣреннымъ Гольдс-

мита. «Но продолжалъ защитникъ я очень счастливъ, что неискалъ гдѣ глубже, гдѣ лучше, гдѣ больше даютъ; это видно изъ того что я, славу Богу, защищаю по *назначенію отъ суда* слѣдовательно *никакаго личнаго интереса, кромѣ душевнаго сердечнаго расположенія въ переходѣ* (sic) *изъ одного лагеря въ другой не имѣю.* Все это можетъ быть и справедливо, что защитника влекло къ защитѣ бр. Бостремъ только душевное и безкорыстное расположеніе и что съ другой стороны несомнѣнно, что защитникъ, принявъ защиту имѣетъ безусловное право отказаться отъ дальнѣйшаго веденія дѣла, какъ скоро онъ убѣдится, что дѣло въ нравственномъ отношеніи не чисто. Въ этомъ именно и заключается достоинство и значеніе адвоката, что онъ преслѣдуетъ высшую цѣль, говорить только справедливо, и талантъ адвокатскій тогда и имѣетъ цѣну и заслуживаетъ уваженія, когда связанъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ и глубокимъ чувствомъ свободы. Но въ тоже время, законы всѣхъ странъ, гдѣ существуетъ правильно организованая адвокатура, воспрещаютъ переходъ адвоката изъ однаго лагеря въ другой, подъ страхомъ наказанія, а общественное мнѣніе съ свой стороны не можетъ дать вѣры словамъ адвоката о безкорыстномъ участіи въ дѣлѣ, какъ скоро адвокатъ переходитъ изъ одного лагеря въ другой. Въ данномъ случаѣ, хотя г. Плевако вступительными словами своей рѣчи какъ бы подтверждаетъ, что онъ перешелъ изъ одного лагеря въ другой *), но мы въ этомъ видимъ одну обмолвку. Другой защитникъ бр. Бостремъ, г. Высоцкій, слѣдуя вѣроятно по стопамъ своего сотоварища (по защитѣ) сталъ задавать Гольдсмиту вопросы, явно разсчитанные на глумленіе. Мы ихъ выписываемъ здѣсь съ цѣлью охарактеризовать способъ веденія процесса со стороны защиты.

Высоцкій. Чѣмъ вы можете объяснить то странное обстоятельство, что подсудимые били васъ послѣ того какъ вы подписали вексель, т. е. послѣ достиженія ими цѣли?

Гольд. Я разсказываю только факты, а не представляю объясненія ихъ. Посовѣтывавшись съ кліентами, вы лучше можете уяснить себѣ эти факты.

Выс. Подсудимые сильно васъ били.

---

*) Смотри подробную рѣчь Плевако въ № 38 Моск. Вѣдомостей за 1874 г. Февраля 13 дня.

Гольд. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ силомѣра.

Выс. А боль чувствовали?

Гольд. Я совѣтывалъ-бы вамъ испытать и мнѣ кажется такіе вопросы вовсе не относятся къ дѣлу.

Тогда защитникъ всталъ и обращаясь къ суду, заявилъ, что онъ проситъ *приказать* Гольдсмиту давать отвѣты на вопросы *). Предсѣдательствующій объяснилъ защитнику, что судъ не можетъ *приказывать* говорить свидѣтелю и просилъ въ тоже время чтобы Гольдсмитъ воздержался отъ замѣчаній на вопросы защиты.

Выс. Васъ больше били по лицу и тому под. вопросы.

Читатель, слѣдившій даже по газетамъ за процессомъ бр. Бостремъ, невольнымъ образомъ задается вопросомъ: что сей сонъ значитъ? Что желала выяснить себѣ защита подобными разспросами? къ чему собственно относятся вопросы о томъ, какъ васъ больше били, по лицу? или вопр. о томъ, а боль чувствовали? Особенно если принять во вниманіе, что Бостремы *неотвергали фактовъ побоевъ*. Мы съ своей стороны думали, что если защита и дозволяетъ себѣ вопросы на первый взглядъ совершенно излишніе, то покрайней мѣрѣ защитникъ Высоцкій въ защитительной рѣчи своей выяснитъ смыслъ и истиное значеніе ряда вопросовъ, имъ предложенныхъ Гольдсмиту. Но сказалось, что защитительная рѣчь, его неудовлетворила никого въ этомъ отношеніи; она увѣнчалась точно также какъ и предшествующіе вопросы только произведеніемъ эфекта и учиненіемъ скандала для г. Гольдсмита.

Но защитники глубоко ошиблись. Время такъ называемыхъ скоромныхъ процессовъ (causes grasses) прошло невозвратно. Если въ Франціи въ до революціонную эпоху въ судахъ на масляной въ день заговѣнь (mardi-gras) было въ обычаѣ отступать въ веденіи процесса и въ преніяхъ отъ обыкновеннаго порядка судопроизводства и вести *скоромныя рѣчи*, **) то и

*) Этого знаменитаго возгласа Высоцкаго почему-то въ печатныхъ отчетахъ о дѣлѣ брат. Бостремъ въ газетахъ неупомянуто.

**) Адвокатура французская, исторически сложившаяся, отличается многими странными обычаями судебными, которые впрочемъ отражаютъ въ себѣ живой характеръ французскаго народа. Въ парламентахъ и судахъ на масляной въ день заговѣнь (mardi-gras) для пледированія обыкновенно выбирали

этотъ обычай съ распространеніемъ здравыхъ понятій въ обществѣ, съ проведеніемъ той мысли что подобный способъ веденія дѣлъ оскорбляетъ храмъ правосудія, вышелъ совершенно изъ употребленія въ Франціи, то нашимъ еще *юнымъ* защитникамъ не только неумѣстно подражать уже отжившимъ образцамъ, объясняемымъ исключительно живостью характера французской націи, но и положительно вредно для интересовъ правосудія. Процессъ бр. Бостремъ въ этомъ отношеніи служитъ самымъ лучшимъ подтвержденіемъ только что высказаннаго мнѣнія. Благодаря этому *скоромному* веденію процесса роли обвиняемыхъ и потерпѣвшаго измѣнились. Братья Бостремъ изъ обвиняемыхъ стали какъ-бы обвинителями, и потерпѣвшій Гольдсмитъ оказался въ положеніи обвиняемаго.

III.

„Долготерпѣнію твоему нѣсть конца."

Что-же это за процессъ, который возбудилъ такія жгучія страсти между подсудимыми и, потерпѣвшимъ; поставилъ самый ходъ процесса въ такое ненормальное положеніе?

Вотъ обстоятельства этого дѣла:

22 Ноября 1873 г. присяжный повѣренный округа моск. су-

дѣла скандальнаго содержанія, съ цѣлью позабавить публику, стекавшуюся въ огромномъ количествѣ.

Эти процессы получили во Франціи техническое названіе *скоромныхъ* (causes grasses), потому что пледировались на масляной, были въ самомъ дѣлѣ скоромнаго содержанія и освобождали адвокатовъ отъ обязаности выражаться скромно. Адвокатскія рѣчи разсчитанныя на вкусъ публики, отличались пикантною игривостью и блескомъ остроумія. Вотъ образецъ такого процесса. Дѣло шло о правахъ дитяти, рожденнаго отъ женщины, которая подъ предлогомъ импотентности своего мужа, развелась съ нимъ находясь уже во время развода въ интересномъ положеніи. Въ рѣчи своей, знаменитой въ то время Королевскій адвокатъ Ганри сравниваетъ сюжетъ дѣла съ игрою въ трикъ-тракъ; весь процессъ аллегорически ведется въ этомъ вкусѣ и обозначается терминами, употребительными при игрѣ въ трикъ-тракъ. Конечно случалось, что адвокаты давали не въ мѣру волю своему языку. Президенты судовъ, здравое общественное мнѣніе боролись противъ обычая пледировать causes grasses основательно разсуждая что это сквернитъ храмъ правосудія и уподобляетъ его скоморошеству, балаганной игрѣ. Но такова сила привычки, что только послѣ ломки великой французской революціей всего стараго, отжившаго, феодальнаго, мало по малу вышелъ этотъ обычай изъ употребленія во французскихъ судахъ.

дебной палаты Левъ Антоновичъ Гольдсмитъ заявилъ судебному слѣдователю 2 участка г. Москвы, что часа въ три дня того же числа, когда онъ пріѣхалъ въ квартиру фелинскаго купеческаго брата Оскара Ивановича Бострема съ цѣлью навѣстить ребенка находившагося у него на воспитаніи, О. Бостремъ и братъ его Александръ нанесли ему, Гольдсмиту, побои, похитили у него изъ кармана 2000 р, и силой принудили подписать вексель на имя Александра Бостремъ въ 5000 руб. и росписку въ 1000 руб.

Вслѣдствіе этого заявленія судебный слѣдователь немедленно прибылъ въ квартиру Оскара Бостремъ, гдѣ Александръ Бостремъ представилъ слѣдователю вексель, отъ 20-го Ноября, на 5000 руб. подписаный Гольдсмитомъ и росписку его-же на 1000 руб.

Кромѣ того на полу были найдены замараные кровью клочки долговой росписки въ 5000., написанной 20 Ноября отъ имени Гольдсмита на имя Бострема, затѣмъ по осмотру квартиры найдено: изломанное кресло, разбитое стекло въ одной изъ внутреннихъ рамъ и мокрое полотенце, на которомъ замѣтны слѣды крови, денегъ-же похищенныхъ у Гольдсмита при обыскѣ не найдено. По врачебному осмотру г. Гольдсмита, у него оказались разныя поврежденія, по заключенію врача легкія.

Спрошенные при слѣдствіи купеческіе братья Оскаръ и Александръ Бостремы, непризнавая себя виновными въ похищеніи денегъ (2000 р.) у Гольдсмита, относительно пріобрѣтенія векселя и росписки объяснили слѣдующее: Оскаръ Бостремъ показалъ, что познакомившись съ Гольдсмитомъ, мѣсяца за полтора до 22 Ноября, сдѣлалъ предложеніе женѣ Оскара Бостремъ идти къ нему на содержаніе. Узнавъ объ этомъ отъ жены и желая наказать Гольдсмита, Оскаръ Бостремъ задумалъ взять отъ него долговыхъ обязательствъ на 10 т. рублей, для чего рукой Александра Бострема были заготовлены вексель и росписка на 5000 руб., писанныя отъ 20 Ноября, для того что бы напомнить Гольдсмиту, что въ этотъ день онъ сдѣлалъ оскорбительное предложеніе женѣ Бостремъ. 22 Ноября, когда Гольдсмитъ пріѣхалъ на квартиру Оскара Бострема, послѣдній предложилъ ему подписать вексель, но Гольдсмитъ, не соглашаясь на это, разбилъ стекло и между ними возникла драка, во время которой Бостремъ отбросилъ Гольдсмита на кресло и изломалъ послѣднее.

По окончаніи драки, Гольдсмитъ подписалъ векселъ въ 5000 р., и кромѣ того выдалъ собственноручную росписку въ 1000 р., за то, чтобы Бостремъ не представилъ этаго векселя немедленно ко взысканію. Другая-же росписка въ 5000, клочки которой въ послѣдствіи найдены по обыску, разорвана самимъ Бостремомъ, такъ какъ Гольдсмитъ заявилъ ему, что не въ состояніи уплатить такую сумму. Клочки росписки оказались замаранными кровью, потому что рука Гольдсмита была обрѣзана разбитымъ стекломъ, полотенце-же найдено мокрымъ и нѣсколько измараннымъ кровью, потому, что Гольдсмитъ, умывшись обтирался имъ. Александръ Бостремъ, подтверждая показаніе брата, добавилъ, что самъ онъ Гольдсмита не билъ, а удерживалъ за руку, желая помѣшать разбить другое стекло. Вексель и росписка были написаны на его имя, потому что Оскаръ Бостремъ былъ несостоятельный должникъ.

Жена Оскара Бострема, Елизавета Александровна, показала, что Гольдсмитъ старался пріѣзжать къ нимъ обыкновенно въ отсутствіе ея мужа и сначала держалъ себя по отношенію къ ней прилично, но затѣмъ началъ склонять ее на любовную связь, обѣщая за это хорошее мѣсто ея мужу и богатство для нея. Наконецъ 20 Ноября Гольдсмитъ, пользуясь отсутствіемъ ея мужа, схватилъ ее и поцѣловалъ въ шею, о чемъ она тогда-же разсказала мужу и послѣдній объявилъ, что побьетъ Гольдсмита. Кухарка Оскара Бострема, солдатка Матрена Ѳедорова, показала, что 20 Ноября, она пріотворивъ дверь комнаты, въ которой находились Гольдсмитъ и ея барыня, видѣла какъ Гольдсмитъ обнималъ послѣднюю и хотѣлъ поцѣловать ее.

На основаніи этихъ-то данныхъ, собранныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, Оскаръ и Александръ Бостремы преданы были суду по обвиненію въ ограбленіи Гольдсмита и въ томъ, что насильно заставили его подписать вексель въ 5000 р. и дать росписку въ 1000 рублей.

На судебномъ засѣданіи, 7-го Февраля, въ главныхъ и существенныхъ чертахъ были повторены обстоятельства собранныя предварительнымъ слѣдствіемъ, за исключеніемъ тѣхъ подробностей, той скабрезной окраски, которую получилъ этотъ процессъ, благодаря нѣкоторымъ подробностямъ о которыхъ мы упомянули выше, а равно и неумѣстному показанію свидѣтеля Кандинова. Тѣмъ неменѣе для полноты хода процесса мы из-

ложимъ показанія свидѣтелей, данныя на судебномъ засѣданіи, разумѣется откинувъ тѣ показанія свидѣтелей, которыя служатъ повтореніемъ показаній данныхъ на предварительномъ слѣдствіи.

Первымъ свидѣтелемъ, былъ г. *Гольдсмитъ*. При открытіи судебнаго засѣданія г. Гольдсмитъ помѣстился рядомъ съ своимъ защитникомъ, Громницкимъ, и во время чтенія обвинительнаго акта и опроса свидѣтелей и привода ихъ къ присягѣ съ довольно самодовольнымъ, какъ намъ показалось, видомъ осматривалъ свидѣтелей, въ особенности Елисавету Бостремъ. Затѣмъ онъ приглашенъ былъ дать показанія. Г. Гольдсмитъ началъ свой разсказъ съ того, что 8-го Октября 1873 г. ѣхалъ онъ по желѣзной дорогѣ изъ Варшавы въ Москву; ѣхалъ не одинъ, а съ кормилицей, при которой былъ грудной ребенокъ. Войдя въ вагонъ онъ извинился передъ пассажирами, что можетъ быть ребенокъ будетъ безпокоить ихъ. Одинъ изъ пассажировъ, Борисъ Ивановичъ Бостремъ (братъ подсудимыхъ) былъ весьма любезенъ и снисходителенъ и оказывалъ Гольдсмиту всевозможныя услуги, напр. когда Гольдсмиту нельзя было выдти изъ вагона, Бостремъ приносилъ кушанье кормилицѣ, и т. п. Во время разговора въ дорогѣ съ Б. И. Бостремъ у нихъ зашла рѣчь о денежныхъ дѣлахъ. Бостремъ назвался биржевымъ маклеромъ, что оказалось впослѣдствіи несовсѣмъ вѣрнымъ и говорилъ, что можетъ помѣщать деньги въ хорошія коммерческія предпріятія. Здѣсь же Гольдсмитъ передалъ Бострему, что желалъ-бы помѣстить куда нибудь ребенка, который ѣхалъ съ нимъ, такъ какъ въ своей квартирѣ ему неудобно было содержать ребенка: квартира была несовсѣмъ передѣлана. На этихъ показаніяхъ Гольдсмитъ прервалъ нить своего разсказа. Затѣмъ продолжалъ: вообще не было всѣхъ тѣхъ удобствъ которыми Гольдсмитъ желалъ-бы обставить своего воспитанника. 10 Октября вечеромъ Гольдсмитъ съ Бостремомъ пріѣхали въ Москву и остановились въ «Славянскомъ базарѣ». Б. Бостремъ видѣлъ, что содержаніе ребенка въ гостинницѣ стоитъ Гольдсмиту до 8 р. въ сутки; онъ спросилъ не желаетъ ли Гольдсмитъ помѣстить своего воспитаника куда нибудь въ семейство; Гольдсмитъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе, прибавивъ, что не постоитъ за платой, лишь бы нашлось удобное помѣщеніе. Б. Бостремъ сказалъ, что это было бы маленькимъ подспорьемъ для одного изъ его братьевъ, которой женился и, дѣла

котораго идутъ несовсѣмъ хорошо. Гольдсмитъ отправился съ Б. Бостремъ къ Оскару Бостремъ, но тотъ жилъ очень высоко и помѣщеніе его Гольдсмитъ нашелъ неудобнымъ. Чрезъ два дня Б. Бостремъ заявилъ Гольдсмиту, что братъ его Оскаръ перешелъ въ другую, гораздо болѣе удобную квартиру. Гольдсмитъ согласился посмотрѣть эту квартиру и 21 числа ребенокъ былъ переведенъ къ Оскару Бострему. Передъ этимъ, какъ слышалъ Гольдсмитъ, жены бр. Бостремъ, во время его отсутствія, приходили не разъ въ Славянскій базаръ и были очень любезны съ кормилицей Гольдсмита. Далѣе Гольдсмитъ показалъ, что Бостремы предлагали ему покупку разныхъ домовъ и между прочимъ говорили, что продается за 320,000 мамонтовская гостинница, которая будто-бы приноситъ чистаго дохода 32,000. Предложеніе это Гольдсмитъ находилъ очень выгоднымъ, тѣмъ болѣе, что заложивъ гостинницу въ кредитномъ обществѣ, можно было купить ее съ приплатой очень небольшой суммы. Въ доказательство того, что мамонтовская гостинница дѣйствительно приноситъ 32000 доходу гг. Бостремы представили Гольдсмиту даже разсчетъ за подписью тамошняго бухгалтера.

Гольдсмитъ сначала ѣздилъ къ Оскару Бостремъ чаще, чтобы справляться о нуждахъ ребенка и кормилицы, а потомъ рѣже.

22 Ноября Гольдсмитъ по обыкновенію отправился между 2—3 часами къ О. Бостремъ. Входитъ въ квартиру, кухарка отворила дверь и поспѣшно убѣжала (прежде обыкновенно дверь отворяла не кухарка, а горничная); впрочемъ на это обстоятельство Гольдсмитъ не обратилъ особеннаго вниманія. Затѣмъ онъ увидѣлъ г-жу Бостремъ нѣсколько сконфуженную, разстроенную и блѣдную. Братья Бостремы пригласили его въ столовую; тамъ, затворивъ двери въ спальную и дѣтскую, они (г-жи Бостремъ при этомъ уже не было) обратились къ Гольдсмиту: вы насъ оскорбили," сказалъ О. Бостремъ—Ваша жена здѣсь, спросите ее!—„Нѣтъ, мы не желаемъ спрашивать"—что-же вы хотите получить удовлетвореніе?"—„Вотъ вексель, неугодно ли вамъ подписать.—Позвольте, я непонимаю.... Иначе мы убьемъ васъ." Я вижу, что у нихъ оружія нѣтъ, продолжалъ Гольдсмитъ, понадѣялся на себя, думаю: неможетъ быть чтобы меня сейчасъ же и убили. Я бросился къ окну, выбилъ стекло и началъ кричать караулъ. Оскаръ Бостремъ схватываетъ Гольдсмита за горло, сжимаетъ ротъ и въ одинъ мигъ на него посыпалась *тыся-*

ча ударовъ. Ошеломленный, въ крови, Гольдсмитъ говоритъ: „Господа, позвольте, вы сильнѣе меня, что вамъ угодно"—Подпишите вотъ этотъ векселъ—„Извольте" отвѣтилъ Гольдсмитъ; а самъ думаетъ: все равно, заявлю потомъ о насиліи и денегъ вовсякомъ случаѣ не заплачу. „Это еще не все, сказали Бостремы: вотъ еще обязательство въ 5000 р., вы должны подписать его".—Гольдсмитъ нечаянно запачкалъ это обязательство кровью, Бостремы, разорвавъ, его потребовали написать росписку на 5000 р. Гольдсмитъ желалъ возбудить довѣріе къ себѣ въ Бостремахъ, довѣріе къ его поступкамъ и началъ торговаться „уступите что нибудь, возьмите поменьше; Бога ради не взыскивайте теперь-же 5000 р. „Они согласились взять съ Гольдсмита росписку на 1000 р. и обождать взысканіемъ 5000 р. по подписанному имъ векселю. Затѣмъ завязалась драка: Бостремы бросили Гольдсмита на полъ, *возили какъ тельжку* и за ноги и за руки, и тутъ же вытащили у него изъ боковаго кармана 2000 р , тѣ же 4500 р. которые находились въ панталонахъ остались цѣлы. Гольдсмитъ хотѣлъ защищаться, схватилъ графинъ, но тоненькое горлышко его отломилось, ему нечѣмъ было защищаться и, видя такимъ образомъ, безвыходное положеніе, Гольдсмитъ сказалъ: ради Бога, не говорите объ этомъ никому ни слова".—„А вы дадите честное слово, что будете молчать".—Даю самое честное слово, что никому ничего нескажу," отвѣчалъ Гольдсмитъ. Тогда Бостремы обратились къ нему дружелюбно: не хотите ли сигару? „Очень радъ, очень благодаренъ, отвѣтилъ Гольдсмитъ, неменѣе любезно: положеніе его, по его словамъ, было таково, что онъ долженъ былъ принимать всякое предложеніе. Гольдсмитъ далѣе воздержался отъ передачи тѣхъ чувствъ, которыя волновали его, когда онъ взялъ ножичекъ, чтобы отрѣзать сигару. „Еслибъ они позволили еще что нибудь, то можетъ быть и я вмѣстѣ съ ними сидѣлъ бы на скамьѣ подсудимыхъ!" воскликнулъ Гольдсмитъ. Прощаясь съ Гольдсмитъ братья Бостремъ сказали: „Будте съ нами друзья, мы надѣемся, что наши отношенія останутся самыя дружественныя." По выходѣ изъ квартиры Гольдсмитъ обратился къ своему кучеру: „Слышалъ, что тутъ было?"—„Слышалъ какой то шумъ, разбой." Изъ квартиры Бостремъ Гольдсмитъ прямо поѣхалъ въ Срѣтенскую часть, затѣмъ въ 4½ часа онъ съ судебнымъ слѣдователемъ и помощникомъ квартальнаго отправился къ О. Бостремъ. Во время борьбы Гольдсмиту со страху пока-

залось, что былъ сломанъ диванъ и потому онъ искалъ изломанный диванъ; между тѣмъ оказалось, что изломанъ не диванъ, а стулъ.

Мебель поставлена была уже на мѣсто и вообще все было прибрано. Бостремы сознались въ своемъ поступкѣ, и немедленно отдали слѣдователю подписанный имъ вексель, но денегъ пропавшихъ у Гольдсмита въ квартирѣ Бострем неоказалось, хотя обыскъ произведенъ былъ слѣдователемъ превосходно.

Затѣмъ Гольдсмитъ перешелъ къ разсказу о тѣхъ отношеніяхъ въ какихъ онъ стоялъ къ Елисаветѣ Бострем. Когда Гольдсмитъ помѣстилъ своего воспитанника къ О. Бострему, то сначала онъ ѣздилъ къ нимъ ежедневно часовъ въ 12 и, когда дѣйствительно самаго Бострема дома небыло. Онъ обыкновенно проходилъ прямо въ дѣтскую *) и пробывъ тамъ минуть 10, уѣзжалъ, не заходя ни въ какія другія комнаты,—что вѣроятно подтвердятъ замѣтилъ Гольдсмитъ, и свидѣтели. Всякій разъ какъ пріѣзжалъ Гольдсмитъ къ ребенку, въ дѣтскую являлась жена Бострема и съ видомъ участія объясняла, что ребенку нужно купить одѣяльце, или то-то и то-то, такъ что каждый разъ приходилось давать по 3—5 р. на мелкіе расходы: общая сумма этихъ расходовъ за нѣсколько первыхъ дней простиралась до 70 руб. Затѣмъ Гольдсмитъ выдалъ сто рублей за два мѣсяца впередъ за помѣщеніе ребенка, такъ какъ Бостремамъ понадобились деньги на покупку рояли. Однажды Гольдсмитъ пріѣхалъ съ О. Бострем въ 2 часа и замѣтивъ, что Е. Бострем нѣтъ дома, съ этихъ поръ онъ сталъ ѣздить между 2—3 часами и нѣсколько рѣже, чтобы избавится отъ тѣхъ тратъ на которыя вызывала всегда Е. Бострем. Далѣе Гольдсмитъ замѣтивъ, что кормилицу держатъ и кормятъ нехорошо заявилъ, что болѣе ребенка держать у Бострем не будетъ.

Такова продолжительная рѣчь г. Гольдсмита. Мы говоримъ рѣчь, ибо несомнѣнно, что разсказомъ своимъ, начинающимся

---

*) Квартира О. Бострем очень маленькая. Подъѣздъ съ улицы, общее крыльцо. За тѣмъ при входѣ въ прихожую на лѣво дверь ведетъ въ столовую за которой маленькая гостиная; прямо противъ входной двери передней дверь ведущая въ спальную О. и Е. Бострем, а за нею дѣтская, гдѣ помѣщался ребенокъ съ кормилицей, изъ каковой комнаты ведетъ дверь въ кухню. Окна той комнаты гдѣ произведено нападеніе на Гольдсмита выходятъ въ Даевъ переулокъ.

изъ далека, Гольдсмитъ разсчитывалъ произвести опредѣленное дѣйствіе; поселить въ присяжныхъ убѣжденіе, что вся махинація ограбленія его заранѣе была всѣми Бостремами обдумана и сообща приведена въ исполненіе. Что они не желали выпустить изъ своихъ рукъ лакомый кусокъ. Но разсказъ Гольдсмита далеко не произвелъ благопріятнаго дѣйствія на присяжныхъ и публику; скажемъ болѣе: онъ произвелъ даже тяжелое впечатлѣніе. Въ разсказѣ его слышалось, что-то недосказанное, невыясненное. Г. Гольдсмитъ цвѣтущимъ слогомъ распространялся о такого рода обстоятельствахъ, которыя не имѣли непосредственнаго отношенія къ дѣлу, а указывали развѣ только на то, что Гольдсмитъ интересовался бр. Бостремъ и ихъ знакомствомъ потому, что Б. Бостремъ вращался на биржѣ, а другіе— братья, подсудимые служили въ конторахъ, и чрезъ нихъ Гольдсмитъ могъ помѣщать деньги въ хорошія коммерческія предпріятія. Далѣе, къ чему этотъ разсказъ о покупкѣ за 320 тысячь Мамонтовской гостинницы? Все это Гольдсмитъ конечно разсказывалъ съ цѣлью поселить въ умахъ присяжныхъ и публикѣ убѣжденіе, что онъ денежный человѣкъ, могущій проигрывать въ вечеръ въ карты по 1500 р. въ Англійскомъ клубѣ. Или эта расплюевская выходка *о тысячѣ ударахъ*; о томъ, что послѣ уже выдачи обязательствъ, бр. Бостремы били его и *возили какъ тельжку и за ноги и за руки*, или о томъ, какое чувство волновало Гольдсмита, когда онъ взялъ ножичекъ, чтобы обрѣзать сигару и это восклицаніе: что онъ сидѣлъ бы вмѣстѣ съ Бостремами на скамьѣ подсудимыхъ, если бы они еще что нибудь позволили съ нимъ сдѣлать! Повторяемъ, разсказомъ своимъ г. Гольдсмитъ подорвалъ къ себѣ всякое довѣріе. Люди, вращающіеся въ судебной сферѣ, люди наблюдательные, послѣ показанія Гольдсмита, сомнительно качали головами и на распросы о томъ, какъ они объясняютъ себѣ этотъ процессъ, это ограбленіе, это взятіе насильственнымъ образомъ долговыхъ документовъ: заявляли, „то-то, да не то.“ Есть что-то въ дѣлѣ неразъясненное. Несомнѣнно, что послѣ побоевъ выдалъ Гольдсмитъ долговые документы, но за что, вотъ вопросъ? Что же касается до ограбленія у Гольдсмита 2000 р., то послѣ распросовъ объ этомъ обстоятельствѣ Гольдсмита *) товар. прокуро-

*) На вопросы товарища прокурора Гольдсмитъ показалъ, между прочимъ, что Бостремамъ хорошо было извѣстно, что свидѣтель человѣкъ денежный

ра и послѣ заявленія его о томъ, что коль скоро грабитель нашелъ 2000 р., то ему и въ голову не можетъ придти обыскивать еще свою жертву,—становилась яснымъ вся бездоказательность заявленія Гольдсмита объ ограбленіи у него 2000 руб.

Подсудимые Бостремъ подмѣтили эту слабую сторону дѣла; эти больныя мѣста разсказа потерпѣвшаго Гольдсмита, и коноводъ задуманнаго надъ Гольдсмитомъ преступленія, Оскаръ Бостремъ плохимъ русскимъ языкомъ, впрочемъ съ полнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, т. е. какъ будто-бы такъ и слѣдовало поступать, какъ поступилъ онъ съ Гольдсмитомъ, показалъ, что недѣли черезъ три послѣ знакомства съ Гольдсмитомъ, кухарка говорила въ шутку: „вы баринъ постарайтесь быть дома, когда черномазъ пріѣдетъ.“ (Гольдсмитъ брюнетъ). Дня черезъ два послѣ этихъ словъ, я засталъ свою жену въ слезахъ: она считала себя глубоко оскорбленною тѣмъ, что Гольдсмитъ поцѣловалъ у ней руку. Я старался успокоить ее, что можетъ быть онъ поцѣловалъ руку изъ благодарности за то, что она смотритъ за ребенкомъ. 20 ноября я пришелъ домой съ братомъ Александромъ и его женою. Послѣ обѣда моя жена разсказала, что Гольдсмитъ дѣлалъ ей предложеніе быть у него на содержаніи, обѣщаясь за это дать мнѣ хорошее мѣсто и вообще улучшить наше состояніе. Я сказалъ, что побью его, или иначе проучу. 21 числа былъ праздникъ, Гольдсмитъ въ этотъ день, какъ и вообще по праздникамъ, не пріѣзжалъ ко мнѣ, по-

---

(у него въ банкѣ до 50 т. р.) и обыкновенно имѣетъ порядочную сумму при себѣ. Борисъ Бостремъ былъ очевидцемъ, какъ однажды Гольдсмитъ въ Англійскомъ клубѣ проигралъ 1500 р. Били Гольдсмита минутъ 20, въ комнатѣ окна выходятъ въ Даевъ переулокъ. Свидѣтель кричалъ караулъ, но никто не пришелъ на помощь. Обыкновенно у него не бываетъ при себѣ большихъ суммъ. 22-же Ноября у него было въ карманѣ 6500 р. потому что ему предстояли нѣкоторые платежи по порученію его довѣрителей. Подсудимые удовольствовались 2000 р. оставивъ остальныя деньги нетронутыми, потому что „какъ скоро грабитель нашелъ 2000 р,, то ему и въ голову не можетъ придти обыскивать еще свою жертву“.—Замѣчательно, что защита послѣдующими распросами Гольдсмита и др. свидѣтелей (кучера) невыяснила *когда* и *куда* изъ дому прямо поѣхалъ Гольдсмитъ 22 Ноября? далѣе о томъ, что если Гольдсмиту предстояли изъ 6500 руб. сдѣлать въ этотъ день платежи по порученію его довѣрителей, *то когда* именно полагалъ Гольдсмитъ сдѣлать эти платежи. Ужъ не послѣ-ли Англійскаго клуба, куда какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла, собирался отъ Бостремъ ѣхать Гольдсмитъ? Хороши дѣловые разсчеты по вечерамъ!

тому что въ эти дни я бывалъ дома; 22 числа, когда Гольдсмитъ пріѣхалъ комнѣ, я ему сказалъ что онъ оскорбилъ мою жену своимъ предложеніемъ, что я не желаю оглашать этого обстоятельства и что если онъ хочетъ покончить это дѣло мирно, то долженъ подписать вексель; этотъ вексель служилъ-бы обезпеченіемъ содержанія ребенка. Гольдсмитъ возражалъ, что моя жена говоритъ неправду и что онъ не подпишетъ векселя. „Въ такомъ случаѣ я знаю, что съ вами сдѣлать“ сказалъ я. Гольдсмитъ выбилъ стекло въ окнѣ и закричалъ караулъ. Братъ мой оттащилъ его и мы его побили. Гольдсмитъ ударилъ меня, и я его *ударилъ конечно не тысячу разъ*, какъ говоритъ онъ, а можетъ быть не больше какъ разъ 10. Онъ схватилъ графинъ, горлышко толстое, а не тонкое, но я оказался ловчее его; выхватилъ графинчикъ и отбросилъ Гольдсмита на орѣховое кресло, которое совсѣмъ переломилось. Потомъ онъ подписалъ вексель; я сказалъ, что нужно еще подписать; онъ возразилъ, что неможетъ; мы хотѣли только попугать васъ, сказалъ я и разорвалъ бумагу. На мои слова, что я могу представить вексель ко взысканію дня черезъ 2—3, Гольдсмитъ просилъ не представлять мѣсяца 3—4 и хотя я не желалъ никакой больше прибавки, онъ все-таки добровольно безъ всякаго принужденія написалъ своею рукою росписку въ 1000 р. Гольдсмитъ взялъ съ насъ честное слово, что мы никому не будемъ говорить объ этомъ, „такъ какъ, сказалъ онъ, иначе, меня пожалуй, выгонятъ изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ и вообще я буду несчастный мужчина.“

Послѣ этой тирады въ нѣкоторой части публики послѣдовалъ смѣхъ.

Все это было-бы смѣшно,
Когда-бы небыло такъ грустно!

Подумали мы. И въ самомъ дѣлѣ если допустимъ, что Гольдсмитъ, этотъ нежданный другъ, по выраженію защиты—вмѣсто того чтобы, благодаря высшему развитію, стоять за соблюденіе долга и нравственнаго закона, старался разрушить семью. Цѣлое семейное счастіе съ радостями мужа и жены, отца и дѣтей этотъ человѣкъ хотѣлъ принесть въ жертву минутнаго сладострастья, минутнаго удовлетворенія своей плотской потребности, погубить навсегда, безвозвратно, потому что павшая и затѣмъ раскаявшаяся жена никакими слезами не заставитъ мужа позабыть оскорбленіе ему нанесенное, — если все это дѣйствительно и

справедливо, то и тогда фактъ взятія съ Гольдсмита Бостремомъ долговыхъ документовъ за ухаживанье за женою есть фактъ нравственно безобразный. Нравственное чувство отталкивается отъ подобнаго образа дѣйствій.

Вѣдь нельзя-же въ самомъ дѣлѣ—какъ дѣлаетъ это защита—точкою отправленія для сглаживанья такого нравственнаго безобразія, проводить ту мысль, что въ „нашъ XIX в. дѣйствительно, можно рублемъ всякаго задѣть за живое.“ Да и О. Бостремъ, понявъ все нравственное безобразіе подобнаго факта, всю шаткость той почвы на которой онъ стоитъ, въ оправданіе свое ссылается на то, что долговые документы взяты въ обезпеченіе ребенка. Мы, прослушавшіе внимательно весь ходъ процесса, вникавшіе въ каждый фактъ, обнаруженный на судѣ, никакимъ образомъ немогли добиться разъясненія этого показанія Бостремовъ. Ребенокъ принадлежитъ г. Гольдсмиту; онъ его помѣстилъ къ Бостремамъ; онъ его воспитываетъ, онъ тратитъ на него деньги; онъ впередъ за два мѣсяца платитъ за помѣщеніе, наконецъ онъ заявляетъ Бостремамъ, что болѣе держать у нихъ ребенка не желаетъ. *) Спрашивается: какое-же основаніе имѣетъ объясненіе О. Бострема, что долговые документы взяты въ обезпеченіе ребенка? Правда жена другаго подсудимаго Александра Бострема, Екатерина Бостремъ взятіе подсудимыми векселя съ Гольдсмита въ обезпеченіе ребенка объясняетъ такимъ образомъ: «когда мы узнали, что ребенокъ не племянникъ, а сынъ Гольдсмита, то было основаніе подумать, что коль скоро этотъ женатый человѣкъ позволилъ себѣ обольстить дѣвушку, имѣетъ отъ нея ребенка и едва только она умерла, какъ онъ уже ухаживаетъ за чужою женою, то этотъ человѣкъ способенъ въ одно прекрасное утро совершенно отказаться отъ своего сына и послѣдній останется на шеѣ Оскара Бострема; поэтому необходимо было обезпечить судьбу ребенка и этимъ-то обезпеченіемъ долженъ былъ служить вексель.» — Но и это показаніе Екатерины Бостремъ нисколько не подкрѣпляетъ вѣроятности объясненій Оскара Бострема.

Да и сама защита подрываетъ это показаніе; она «заявляетъ, что пріобрѣсть во что́ бы то нистало денежное обязательство у Бостремовъ не было въ виду; обязательство это появляется

*) Это показаніе Гольдсмита неопровергалось состороны Бостремовъ.

какъ путь къ соглашенію чтобы г. Гольдсмитъ небылъ опозоренъ публично, чтобы до свѣденія лицъ отъ которыхъ зависѣло его положеніе не было доведено объ обстоятельствахъ его компрометирующихъ» *). Отсюда новая побудительная причина, заставившая уже не Бостремовъ насильно взять у Гольдсмита вексель и росписку, а на оборотъ вексель и росписка явились путемъ добровольнаго соглашенія въ обезпеченіе того, чтобы Бостремы не разглашали публично про Гольдсмита обстоятельствъ его компрометирующихъ. Но какого же рода эти компрометирующія обстоятельства **), на судѣ не выяснились и такимъ образомъ въ умѣ слушателя настоящій процесъ породилъ рядъ предположеній болѣе или менѣе вѣроятныхъ относительно тѣхъ побудительныхъ причинъ, ради которыхъ выданы были вексель и росписка Гольдсмитомъ.

Отсюда для насъ становится понятнымъ и отрицательный отвѣтъ присяжныхъ на предложенный судомъ вопросъ о виновности Бостремовъ въ томъ, что они насильно заставили Гольдсмита подписать вексель и росписку, при чемъ наносили ему побои. Ибо, если въ дѣлѣ появились обстоятельства невыясненныя; обстоятельства которыя намекаютъ на какія то особыя отношенія, помимо ухаживанья Гольдсмитомъ за женою Оскара Бострема, существовавшія между Бостремами и Гольдсмитомъ до событія 22 Ноября; обстоятельства изъ которыхъ складываются намеки на какія-то компрометирующія отношенія между Бостремами и Гольдсмитомъ; обстоятельства будто-бы дававшія возможность даже публично опозорить Гольдсмита и исключить его изъ состава присяжныхъ повѣренныхъ,—то само собою разумѣется, что въ силу такихъ намековъ запало сомнѣніе въ умъ присяжныхъ, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ вексель и росписка возникли путемъ соглашенія для прикрытія темныхъ похожденій Гольдсмита, а отсюда прямое отрицаніе факта насилія.

Послѣ этаго отступленія возвратимся вновь къ показаніямъ Оскара Бострема. Подписавъ вексель, продолжалъ О. Бостремъ, Гольдсмитъ просилъ передать кучеру, чтобы онъ ѣхалъ въ клубъ,

---

*) Рѣчь защитника Плевако, см. Моск. Вѣдом. № 13 за 1874 г.

**) За исключеніемъ обстоятельства ухаживанья Гольдсмитомъ за женою Оскара Бострема.

такъ какъ ему Гольдсмиту неловко было сейчасъ же послѣ побоевъ показаться передъ кучеромъ. Чрезъ 2—3 часа Гольсдмитъ пріѣхалъ къ намъ съ судебнымъ слѣдователемъ и, показывая какой-то конвертъ, сказалъ: вы ограбили 2000 р., а вотъ тутъ еще 3000 р., которое вы не отняли, значитъ по его собственнымъ словамъ у него было только 5000 р., а теперь онъ говоритъ, что имѣлъ при себѣ 6500 руб. *) за содержаніе ребенка дѣйствительно было отдано 100 р. Когда прошло двѣ недѣли и Гольдсмитъ неплатилъ ничего за ребенка, то мы опасаясь чтобы дитя совсѣмъ не осталось на нашей шеѣ, попросили Гольдсмита заплатить за два мѣсяца.

*Подсудимый Александръ Бострем*ъ къ показаніямъ брата добавилъ, что текстъ векселя былъ написанъ имъ по просьбѣ брата отъ 20 числа, потому что этого числа Гольдсмитъ сдѣлалъ оскорбительное предложеніе женѣ Оскара Бострема. Во время обыска подсудимые просили слѣдователя пересчитать деньги имѣвшіяся у Гольдсмита, но слѣдователь не сдѣлалъ этаго, сказавъ что это не ихъ дѣло. Такой-же отвѣтъ они получили и на просьбу, чтобы самъ Гольдсмитъ не дѣлалъ обыска. Когда слѣдователь спросилъ Гольдсмита не желаетъ-ли онъ чтобы былъ сдѣланъ обыскъ у Александра Бострема, то Гольдсмитъ отвѣтилъ на это отрицательно.

Елисавета Александровна Бострем*ъ*. До крестинъ ребенка все было хорошо, а послѣ крестинъ г. Гольдсмитъ признался что ребенокъ сынъ его и сталъ ухаживать за мною: началъ говорить любезности и однажды поцѣловалъ мою руку, я обезпокоилась и разсказала объ этомъ чужу. Мужъ сказалъ что г. Гольдсмитъ можетъ-быть поцѣловалъ изъ благодарности что я ухаживаю за его ребенкомъ, но я все-таки не могла успокоиться. На другой день я, чтобы не встрѣчаться съ Гольдсмитомъ, пошла къ невѣсткѣ и пробыла у ней до 6½ часовъ вечера. На слѣдующій же день я привезла къ себѣ ма-

*) Изъ дѣла между прочимъ, выяснилось, что въ то время когда слѣдователь отбиралъ показанія въ частномъ домѣ отъ Бостремовъ, Гольдсмитъ, присутствовавшій при этомъ, выходилъ въ другую комнату и бесѣдовалъ тамъ съ Левенштейномъ, деньги котораго, будтобы, по показанію Гольдсмита, въ количествѣ 4500 рублей, находились въ е о панталонахъ 22 Ноября. Объясненія о томъ, что изъ числа 6500 рублей находившихся у Гольдсмити: 2500 рублей принадлежали Левенштейну, другая часть Кн. Шаховской, впервыя появились только на судѣ 7 Февраля, вслѣдствіе чего, какъ голословныя, не могли быть провѣрены судомъ.

ленькую сестру, которая учится въ Петропавловской школѣ. Пріѣхалъ Гольдсмитъ; я ходила въ гостиной, а сестра сидѣла въ столовой; Гольдсмитъ вошелъ въ гостиную, притворилъ дверь изъ кухни и сталъ просить меня сыграть на фортепіано; но я отказалась отъ игры—я опасалась, потому что сестра изъ столовой не могла видѣть насъ. 20-го ноября г. Гольдсмитъ сказалъ мнѣ что если мой мужъ хочетъ имѣть хорошее мѣсто, то это зависитъ отъ меня: если я соглашусь пококетничать и пожить съ нимъ, то мужъ получитъ хорошее мѣсто, а я буду ходить въ бархатѣ и въ шелкѣ, буду имѣть всѣ развлеченія, экипажъ и вообще все что угодно. „Мужъ не будетъ знать ничего, уговаривалъ Гольдсмитъ, потому что я только на время буду брать васъ съ собою кататься. Кромѣ четырехъ стѣнъ никто не будетъ знать, а стѣны безмолвны. Вы честною дѣвушкой вышли замужъ и правы предъ нимъ; теперь вы женщина, вамъ все равно, вы и вашъ мужъ будете счастливы, будете имѣть все„. Я спросила: какъ онъ осмѣлился сдѣлать мнѣ такое предложеніе? Но онъ схватилъ меня за руку и просилъ чтобы поцѣловать въ губы.—„Если вы мнѣ дадите одинъ поцѣлуй, сказалъ Гольдсмитъ, то вслѣдствіе этого не дадите же потомъ вечеромъ мужу 9 поцѣлуевъ вмѣсто 10; напротивъ отъ радости что у васъ будетъ все, что вы будете хорошо жить, вы можете дать мужу 11—12 поцѣлуевъ“.—Я хотѣла толкнуть Гольдсмита и попала въ запанку; онъ отпустилъ мою руку, сказавъ что ему больно; но вслѣдъ затѣмъ прижалъ меня къ печкѣ, около которой я стояла, и хотѣлъ поцѣловать меня въ лицо, но я успѣла отвернуться и онъ поцѣловалъ меня въ шею, что, какъ я узнала послѣ, видѣла и кухарка. Я сказала что если Гольдсмитъ сію же минуту не уйдетъ отъ меня, то я позову кухарку. Онъ просилъ не дѣлать этого и пошелъ къ ребенку; потрепавъ его по щечкѣ, Гольдсмитъ сказалъ: „Вотъ только такого маленькаго можно любить безкорыстно, съ него нечего требовать, а мы взрослые непремѣнно желаемъ имѣть награду за то что дѣлаемъ другимъ“.

Уходя, онъ обратился ко мнѣ: „Вы обдумайте мое предложеніе, я пришлю за отвѣтомъ. Это только на первыхъ порахъ кажется страшно, а потомъ ничего; конечно если вы скажете объ этомъ мужу, то онъ не согласится; онъ скорѣе пожелаетъ добывать кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ, чѣмъ отдать жену другому; но вѣдь честнымъ трудомъ далеко не уѣдешь“. Онъ уѣхалъ... Я была только шесть мѣсяцевъ замужемъ... я расплакалась (въ голосѣ свидѣтельницы замѣтно волненіе). Пришла кухарка и спрашиваетъ что со мною. Я разсказала. Она отвѣтила что подозрѣвала Гольдсмита, такъ какъ въ первое время онъ занимался ребенкомъ, а потомъ большею частію сидѣлъ въ гостиной или столовой гдѣ я была и затворялъ всегда дверь. „Но мужа обманывать не слѣдуетъ“, прибавила кухарка. Потомъ пріѣхала невѣстка съ мужемъ; я не хотѣла разсказывать имъ, старалась быть спокойною, но они замѣтили мое волненіе, мужъ разспросилъ меня, я все разсказала ему. Онъ очень разсердился: „нужно проучить Гольдсмита, чтобъ онъ не смѣлъ такъ ухаживать за чужими женами“. Когда 22-го числа пришелъ къ намъ г. Гольдсмитъ, то я, предвидя непріятную исторію, ушла въ дѣтскую, откуда слышала шумъ, крикъ и какъ что-то упало. Кормилица выражала недоумѣніе отъ чего происходитъ шумъ, но она не порывалась идти туда. Потомъ, уже въ концѣ этой исторіи, пришелъ дворникъ и спросилъ что за шумъ. Я сказала: „ты видишь что теперь нѣтъ ничего, что они дружески прощаются.“

Товарищъ прокурора. Вамъ не говорилъ мужъ какимъ способомъ онъ хочетъ проучить Гольдсмита?

Свидѣтельница. Мужъ хотѣлъ побить его.

В. А не говорилъ что хочетъ взять съ него росписку и вексель? *О.* Послѣ онъ говорилъ, что хотѣлъ заставить Гольдсмита взять ребенка, а тотъ просилъ продолжать воспитывать его у себя и за это далъ вексель. *В.* А до происшествія мужъ не говорилъ вамъ о векселѣ? *О.* Право не помню.

Далѣе, на вопросы сторонъ? свидѣтельница объяснила: Гольдсмитъ сперва называлъ ребенка сыномъ своего брата, а потомъ сознался что это его собственный сынъ, что онъ нечестнымъ образомъ, обманулъ дѣвушку, дочь хорошихъ родителей, что когда она сдѣлалась беременною, то онъ отправилъ ее... не помню куда-то... тамъ она родила, тамъ же былъ и Гольдсмитъ; потомъ онъ съ кормилицей и ребенкомъ пріѣхалъ въ Москву и вскорѣ будтобы получилъ телеграмму, что несчастная дѣвушка, мать этого ребенка, умерла. Однажды г. Гольдсмитъ пріѣхалъ къ намъ съ бабушкой ребенка — дама пожилыхъ лѣтъ, полная, вся въ траурѣ, она очень плакала надъ ребенкомъ; кормилица также расплакалась, Гольдсмитъ разсердился. „Не стоитъ возить такихъ бабъ, сказалъ онъ, они только разстраиваютъ кормилицу, и ребенокъ будетъ страдать.“ Въ тоже время Гольдсмитъ предложилъ мнѣ билетъ на итальянскую оперу, кресло перваго или втораго ряда, но я сказала что безъ мужа не поѣду и не была въ театрѣ. Обыкновенно Гольдсмитъ приходилъ къ намъ въ 2—3 часа, когда мужа не было дома; сперва онъ ѣздилъ рѣже, а потомъ чаще; если пріѣзжалъ въ 2 часа, то сидѣлъ довольно долго, напримѣръ до 4 часа, а если позже, то уѣзжалъ скорѣе. Въ первое время онъ сидѣлъ большею частію въ дѣтской, а потомъ входилъ прямо въ столовую и гостиную, и только предъ уходомъ по нѣсколько минутъ проводилъ у ребенка. Кромѣ платы за содержаніе ребенка за два мѣсяца впередъ, г. Гольдсмитъ далъ 35 руб. на покупку люльки, потомъ 10 руб., еще кажется 8... не помню хорошенько.

Товарищъ прокурора. Не привозилъ-ли онъ для кормилицы 80 аршинъ матеріи и 100 аршинъ полотна?

Свидѣтельница. Нѣтъ, нѣтъ... правда, онъ привезъ два куска матеріи, но сколько аршинъ было въ нихъ—не помню.

Товарищъ прокурора. Не покупалъ ли онъ для кормилицы лисью шубу во 100 р..?

Свидѣтельница. Нѣтъ, онь самъ сказалъ что купилъ шубу за 60 р.

Присяжный повѣренный Плевако. Вы съ своей стороны, — я думаю что не оскорблю васъ если спрошу,— вы кокетствомъ не подавали повода къ тому чтобъ онъ ухаживалъ за вами?

Свидѣтельница. Я только 3-го Іюня того же года вышла за мужъ, я любила мужа, зачѣмъ же мнѣ было кокетничать? Тѣмъ болѣе что въ то время я носила трауръ: черезъ недѣлю послѣ свадьбы у меня умерла мамаша и папаша (въ голосѣ свидѣтельницы слышны слезы).

Плевако. Можетъ быть въ объясненіяхъ съ вами Гольдсмитъ высказывалъ естественное чувство что онъ васъ любитъ, или прямо говорилъ не о любви, а о чемъ-нибудь другомъ?

Свидѣтельница. О любви онъ вовсе не говорилъ... онъ спрашивалъ люблю ли я мужа? Я отвѣтила что кажется онъ самъ долженъ знать это, я

вышла замужъ по любви и никого другаго кромѣ мужа не могу любить. „Напрасно, сказалъ Гольдсмитъ, мужья любятъ женъ своихъ только на первыхъ порахъ, пока онѣ молоды, и за тѣмъ бросаютъ". Я возразила что не ожидаю этого отъ мужа.

Плевако. Слѣдовательно, предлагая сойтись съ нимъ поближе, Гольдсмитъ не предлагалъ вамъ ѣхать къ нему, бросить мужа?

Свидѣтельница. Нѣтъ, онъ хотѣлъ чтобъ я оставалась у мужа и чтобы только иногда соглашалась покататься съ нимъ.

Мы съ намѣреніемъ изложили показанія Елисаветы Бостремъ.

Они послужили исходною точкою послѣдующихъ дебатовъ. Товарищъ прокурора въ своей рѣчи отнесся съ большимъ довѣріемъ въ особенности къ простому, безъискуственному (?) потвержденному обстоятельствами дѣла" разсказу Елисаветы Бостремъ, а защита съ своей стороны находила въ показаніяхъ на столько *внутренней правды*, что невѣрить ей небыло никакой возможности". Мы далеко не раздѣляемъ этаго взгляда прокуратуры и защиты; мы скорѣе готовы согласится со взглядомъ гражданскаго истца, г. Громницкаго, что показанія жены подсудимаго Е. Бостремъ, не заслуживаютъ довѣрія потому, что жена будетъ всегда показывать въ пользу мужа; „какъ-бы ни было правдиво съ виду ея показаніе, какъ-бы недѣйствовало оно на ваше сердце, не слѣдуетъ забывать, говоритъ. Громницкій, что она показаніемъ своимъ спасаетъ мужа. Что-же мудренаго если въ ея показаніяхъ дрожатъ слезы? Для нея нетолько сознать на судѣ, но даже можетъ быть погибнуть легче, чѣмъ говорить противъ мужа"—кромѣ того разсказъ Елисаветы Бостремъ далеко не представляетъ—по нашему мнѣнію—безъискуственнаго, простаго разсказа. Напротивъ, кто глубже вникнулъ въ показанія Елисаветы Бостремъ, тотъ придетъ къ тому, выводу, что показанія эти, точно также какъ и показанія Оскара Бострема и всѣхъ свидѣтелей, сочувственно относившихся къ Бостремамъ, отличаются извѣстною тенденціозностью, извѣстнымъ, заранѣе заготовленнымъ колоритомъ, разсчитаннымъ на произведеніе извѣстнаго опредѣленнаго дѣйствія съ цѣлью подорвать въ глазахъ присяжныхъ личность потерпѣвшаго отъ преступленія Гольдсмита. И въ самомъ дѣлѣ, Елисавета Бостремъ входитъ въ такія подробности въ своихъ показаніяхъ, указываетъ на такія мелочи, которыя съ перваго взгляда рѣзко бросаются въ глаза своею *искусственностью*. Мы допускаемъ, что г. Гольдсмитъ ухаживалъ за Елисаветою Бостремъ; дѣлалъ ей далеко не двусмысленныя предложенія о томъ, чтобы она съ нимъ жила и

пошла бы къ нему на содержаніе. Но для насъ кажется страннымъ какимъ образомъ дѣвушка только что вышедшая за мужъ, какова Елисавета Бостремъ, съ такою наготою, съ такою безстѣнчивостью разсказываетъ въ подробностяхъ способъ и формы ухаживанья г. Гольдсмитомъ. Елисавета Бостремъ, правда голосомъ прерывистымъ, указываетъ на мельчайшія подробности разговора съ Гольдсмитомъ. Такъ она говоритъ, между прочимъ, „мужъ не будетъ ничего знать, уговорилъ Гольдсмитъ, потому, что я только на время буду брать васъ съ собою кататься. Кромѣ четырехъ стѣнъ никто не будетъ знать, а стѣны безмолвны. Вы честною дѣвушкой вышли за мужъ и правы передъ нимъ; теперь вы женщина, вамъ все равно вы и вашъ мужъ будете счастливы, будете имѣть всё".

Вотъ другая часть ея показанія: „если Вы мнѣ дадите одинъ поцѣлуй говорилъ Гольдсмитъ—то вслѣдствіе этаго недадите-же потомъ *вечеромъ* (Sic!) мужу 9 поцѣлуевъ вмѣсто 10; напротивъ отъ радости, что у Васъ будетъ все, что вы будете хорошо жить, вы можете дать мужу 11—12 поцѣлуевъ".

Всякій согласится, что такія подробности въ разсказѣ Е. Бостремъ совершенно излишни; что они далеки отъ той естественности и простоты, на которую указывалъ товарищъ прокурора въ своей обвинительный рѣчи. Да и *внутренняя правда* въ ея показаніяхъ слишкомъ уже прозрачна; слишкомъ натянута, если позволительно такъ выразиться. По показанію Елисаветы Бостремъ, вслѣдъ за поцѣлуемъ ея вмѣсто лица въ шею, она заявила Гольдсмиту, что буде онъ не уйдетъ отъ нея, то она позоветъ кухарку. Послѣ такого объясненія слѣдовало-бы ожидать, что угрозы свои Елисавета Бостремъ тойчасъ приведетъ въ исполненіе. Ничуть небывало: она отправляется за Гольдсмитомъ въ спальню ребенка и тамъ вновь продолжаетъ выслушивать ловеласныя соображенія о любви.... „Вотъ только такого маленькаго можно любить безкорыстно, говорилъ Гольдсмитъ, трепля ребенка по щечкѣ, съ него нечего требовать, а мы взрослые непремѣнно желаемъ имѣть награду за то что дѣлаемъ другимъ".

Нѣтъ, не такихъ показаній ожидали мы отъ оскорбленной женщины въ самыхъ дорогихъ для нея чувствахъ! Вмѣсто мельчайшихъ подробностей о вечернихъ поцѣлуяхъ, о безкорыстной любви къ дѣтямъ и корыстной любви къ взрослымъ, мы ожидали отъ показанія Елисаветы Бостремъ взрыва оскорбленнаго

негодованія на Гольдсмита за посягательство на самую чувствительную сторону женской стыдливости. Вмѣсто всего этаго повторяемъ, мы выслушали заранѣе заученный разсказъ, какъ-бы наивной институтки. Гдѣ-же тутъ естественность и простота? Гдѣ-же тутъ сердечная внутренняя правда, которой невѣрить нѣтъ никакой возможности? Не естественнѣе-ли объяснить подобныя показанія Елисаветы Бострем тѣмъ, что въ интересахъ подсудимыхъ, въ интересахъ ея мужа, она старалась съ наибольшею рельефностью охарактеризовать личность Гольдсмита, какъ демона-искусителя и тѣмъ дать возможность защитѣ смѣло и безбоязненно заявить предъ присяжными, что Гольдсмитъ подъ видомъ друга вошелъ въ семью Бостремовъ, какъ врагъ, какъ обольститель и что на судѣ онъ занимаетъ *не настоящее мѣсто*.

Показанія остальныхъ свидѣтелей не представляютъ особаго интереса. Мы отмѣтимъ только тѣ особенности, которыя непосредственно относятся къ дѣлу. Такъ кухарка Ѳедорова, къ показаніямъ, упомянутымъ въ обвинительномъ актѣ, добавила, что кормилица Воборнъ никогда небывала въ другихъ комнатахъ кромѣ дѣтской. Изъ показаній-же кормилицы напротивъ видно, что она бывала и въ другихъ комнатахъ, при чемъ добавила, что она невидала чтобы Гольдсмитъ въ другихъ комнатахъ, оставался съ Елисаветою Бострем болѣе или менѣе продолжительное время. Далѣе кормилица пояснила, что 22 Ноября они находились въ сосѣдней комнатѣ съ ребенкомъ и Елисаветой Бострем и услыхавъ крикъ, она хотѣла выйди въ кухню, но г-жа Бострем стояла у дверей и ея не пускала. Гольдсмитъ сначала ѣздилъ чаще, а потомъ рѣже. Содержали ее Бостремы плохо.

Иванъ Антоновъ (кучеръ). 22-го ноября я въ первый разъ пріѣхалъ съ г. Гольдсмитомъ въ Даевскій переулокъ; вышелъ г. Бострем и говоритъ: „ступай домой и пріѣзжай въ Англійскій клубъ въ 3 часа“; я выѣхалъ на Срѣтенку и вижу что уже около 3 часовъ; думаю, когда же пріѣзжать въ клубъ: ночью или днемъ въ 3 часа; воротился назадъ; выходитъ дворникъ и говоритъ: „послушай тамъ шумятъ, не бьютъ ли твоего хозяина?“ Я слѣзъ и пошелъ; выходитъ другой Бострем и говоритъ: „Пріѣзжай сюда черезъ три часа“. Я только что сѣлъ на лошадь и хотѣлъ ѣхать, какъ выходитъ Гольдсмитъ и говоритъ: „постой, ты знаешь что со мною случилось? меня чуть здѣсь не убили“. Мы тотчасъ поѣхали въ Срѣтенскую часть. Гольдсмитъ былъ очень испуганъ, на рукѣ была кровь, а на лицѣ ничего не было замѣтно. На вопросъ говорилъ ли тогда же Гольдсмитъ что у него деньги вытащили?

свидѣтель далъ весьма сбивчивые отвѣты сперва онъ сказалъ что „кажется не говорилъ", потомъ—что „можетъ-быть у него и былъ въ санях разговоръ объ этомъ между собою", и наконецъ что „баринъ говорилъ что деньги вытащили, но сколько именно не говорилъ".

Дворникъ Ефимъ Петровъ показалъ что услыхавъ въ квартирѣ Бострема шумъ и крикъ, онъ пошелъ въ ихъ кухню, встрѣтилъ кухарку, которая заявила, что относительно шуму и сама не знаетъ ничего хорошенько потомъ вышла г-жа Бострем и сказала: „Это не ваше дѣло, уходите".—Извощику свидѣтель говорилъ не „вашего барина бьютъ", а „у вашихъ господъ какой-то шумъ".

Горничная Маврa Михайлова показала что Гольдсмитъ сначала ѣздилъ къ Бострем рѣже, а потомъ чаще, бывалъ по получасу и часу; проходилъ прямо въ дѣтскую; заходилъ-ли въ другія комнаты свидѣтельница не видѣла; особенно любезнаго обращенія съ хозяйкой со стороны Гольдсмита также не замѣчала. Гольдсмитъ ни разу не пріѣзжалъ къ ребенку когда самъ Бострем былъ дома.

Прочитано было показаніе данное Маврой на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ говорится что Гольдсмитъ иногда пріѣзжалъ въ такое время когда О. Бострем былъ дома, что проходилъ прямо въ дѣтскую и, побывъ съ ребенкомъ, уѣзжалъ, не заходя въ другія комнаты.

Свидѣтельница заявила что теперь она показываетъ правду, и что если въ прежнемъ ея показаніи есть нѣкоторыя неточности, то они произошли отъ того что она давала показаніе слѣдователю во время нахожденія въ больницѣ, когда „не чувствовала даже что и говорила".

Слѣдующій свидѣтель, кучеръ, съ которымъ ѣздилъ Гольдсмитъ въ октябрѣ и до 20-го ноября прошлаго года, показалъ что Гольдсмитъ сперва ѣздилъ въ Даевскій переулокъ (къ Бострем) каждый день между 11-ю и 12-ю часами а потомъ сталъ ѣздить между 2 и 3 часами черезъ день или черезъ два; бывалъ тамъ обыкновенно не болѣе 10—15 минутъ; только во время крестинъ былъ часа два. 20-го ноября Гольдсмитъ пробылъ въ Даевскомъ переулкѣ также неболѣе 10 минутъ. Свидѣтель этотъ вызванъ въ судъ г. Гольдсмитомъ.

За тѣмъ были спрошены по приглашенію подсудимыхъ контористы Лури и Майеръ и свидѣтель Кандиновъ, о которомъ мы упоминали выше, и объяснили что подсудимыхъ знаютъ только съ хорошей стороны.

Этимъ закончено было судебное слѣдствіе.

IV.

„Чтобы говорить хорошо надобно говорить справедливо".

(Беркье).

Намъ остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу происходившихъ преній сторонъ.

Процессъ братьевъ Бострем въ этомъ отношеніи любопытенъ потому, что въ преніяхъ не было двухъ борющихся сторонъ. На-

противъ того обѣ стороны и прокуратура и защита употребляли всѣ свои усилія на то, чтобы окружить нравственнымъ ореоломъ братьевъ Бостремъ и обрисовать въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ потерпѣвшаго отъ преступленія г. Гольдсмита. Только одинъ г. Громницкій устоялъ на твердой почвѣ и не поддался общему увлеченію. Но и онъ не съ достаточной полнотой развилъ положенія, высказанныя имъ въ его рѣчи. Эта скорѣе была не рѣчь, а критическія замѣтки на рѣчь товарища прокурора.

Послѣ этихъ замѣчаній перейдемъ къ частностямъ преній.

Рѣчь товарища прокурора Муравьева по внѣшней своей отдѣлкѣ вполнѣ безупречна; но нельзя того-же сказать о внутреннемъ ея содержаніи.

Въ этомъ отношеніи нельзя не согласится съ Гольдсмитомъ *) „что всякій, кто прочелъ обвинительную рѣчь г. прокурора, не могъ не видѣть, что это было не обвиненіе подсудимыхъ, а защита ихъ, построенная въ формѣ обвинительнаго акта противъ Гольдсмита, лица пострадавшаго отъ преступленія".

Но намъ могутъ замѣтить, что прокуроръ въ этомъ отношенію воспользовался, употребляя его выраженіе, *священнымъ правомъ* предоставленнымъ уставами 20 Ноября прокуратурѣ отказываться отъ обвиненія, какъ скоро по выслушанія дѣла, не находитъ она достаточныхъ основаній поддерживать обвинительные доводы изложенные въ обвинительномъ актѣ.

Дѣйствительно въ 740 ст. Уст. Уг. Суд. сказано: если прокуроръ находитъ оправданія подсудимаго уважительными, то обязанъ, не поддерживая обвинительнаго акта, опровергнутаго слѣдствіемъ, заявить о томъ суду, по совѣсти. Изъ комментарій этой статьи **) видно, что хотя прокуроръ является на судъ какъ обвинитель, но онъ поддерживаетъ на судѣ обвиненіе не для того, чтобы добиться *во что-бы то нестало* осужденія обвиняемаго, но *единственно для того, чтобы опредѣлительнымъ указаніемъ* всѣхъ представляющихся въ дѣлѣ доводовъ и основаній къ обвиненію, дать возможность объяснить ихъ съ точки зрѣнія защиты и даже вовсе устранить, если они могутъ

*) Смотри письмо Гольдсмита, въ редакцію Русскихъ Вѣдомостей, помѣщенное нами при настоящемъ отчетѣ.

**) Мотивы Госуд. Канцеляріи подъ ст. 740 и 573 Уст. Уг. Суд.

быть опровергнуты. Такимъ образомъ, прокуратурѣ въ преніяхъ начертанъ уставами 20 Ноября опредѣленный кругъ дѣйствій: только разъясненіе всѣхъ доводовъ и основаній обвиненія или положительный отказъ отъ обвиненія.

Но можетъ-ли обвинитель - прокуроръ, какъ блюститель закона и общественныхъ интересовъ, входить въ роль защитника, брать исходною точкою такіе доводы и соображенія, которые скорѣе не поддерживаютъ, а опровергаютъ обвинительные доводы? Очевидно нѣтъ. При такомъ способѣ веденія преній стороны прокуратуры роли защиты и обвиненія сольются и пренія не могутъ уже носить состязательнаго характера, они небудутъ направляться къ раскрытію истины, а напротивъ того къ одностороннему изложенію дѣла исключительно только съ точки зрѣнія защиты. Въ такомъ одностороннемъ видѣ и представилось дѣло братьевъ Бостремъ послѣ выслушанія заключительныхъ преній. Въ самомъ дѣлѣ, товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи, прежде всего, далъ понять присяжнымъ, что преступленіе въ которомъ обвиняются Бостремы есть тяжкое уголовное преступленіе **). Въ силу чего присяжные тотчасъ же разумѣется усугубили все свое вниманіе на послѣдующихъ доводахъ обвиненія и что-же оказалось? Обвинитель вмѣсто того, чтобы представить рядъ фактовъ, подтверждающихъ основанія и доводы, изложенные въ обвинительномъ актѣ, или заявить, что по совѣсти онъ обвинитель отказывается отъ обвиненія въ такой-то части обвиненія, а затѣмъ перейти къ тѣмъ соображеніямъ, на основаніи которыхъ онъ считалъ возможнымъ поддерживать обвиненіе въ томъ, что Бостремы насильно заставили Гольдсмита подписать вексель и росписку,—сталъ указывать присяжнымъ, что настоящее дѣло не съ достаточною ясностью выяснилось судебнымъ слѣдствіемъ; что есть въ дѣлѣ, что то невыясненное; что центръ тяготѣнія этаго процесса—семейная драма, результатомъ которой были событія 22 Ноября. Такимъ пріемомъ обвинитель заранѣе ослабилъ доводы обвиненія; а за тѣмъ, относясь съ большимъ довѣріемъ къ разсказу подсуди-

*) Обыкновенный выходъ защиты, какъ скоро она находитъ при сознаніи напр. подсудимаго, что тяжкое наказаніе, полагаемое за преступленіе, несоотвѣтствуетъ дѣйствительной винѣ; что въ дѣлѣ есть такія смягчающія обстоятельства, которыя невмѣняютъ преступленіе въ вину.

мыхъ и въ особенности къ простому и безъискуственному *) подтвержденному обстоятельствами дѣла разсказу Елисаветы Бостремъ, чѣмъ къ разсказу Гольдсмита, отказался отъ обвиненія подсудимыхъ въ грабежѣ 2000 руб. и сталъ поддерживать только обвиненіе ихъ въ томъ, что Бостремы вынудили отъ Гольдсмита посредствомъ насилія и побоевъ вексель въ 5000 р. и росписку въ 1000 р.

Въ этой части прокуроръ взялъ въ основаніе обвиненія сознаніе подсудимыхъ; но вмѣсто того, чтобы доказать предъ присяжными на сколько это сознаніе подтверждается обстоятельствами дѣла, дальнѣйшими своими соображеніями пришелъ къ тѣмъ выводамъ, что не видѣлъ въ поступкѣ Бострема корыстной цѣли **) а полагалъ скорѣе возможнымъ повѣрить или объясненію формулированному Елисаветою Бостремъ, что вексель и росписка были взяты въ обезпеченіе содержанія ребенка, или другому объясненію подсудимыхъ, изъ котораго оказывается,

---

*) Мы видѣли при изложеніи показаній Е. Бостремъ, что это за безъискуственный разсказъ!

**) Громницкій, критикуя эту часть обвинительной рѣчи совершенно основательно замѣчаетъ: „не для забавы-же, не для шутки, не для игры были взяты эти документы? Если-же не для забавы, то мотивъ преступленія понятенъ: такимъ мотивомъ могла быть только корыстная цѣль. Въ этомъ положеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго: что за диковинка, что мужъ любящій жену и неимѣющій возможности обезпечить ее правильнымъ путемъ, прибѣгаетъ къ путямъ неправильнымъ, незаконнымъ. Въ виду факта вынужденія денежныхъ документовъ человѣку простому неоставалось-бы ничего болѣе какъ или сознаться въ преступленіи, или запираться. Но люди цивилизованные поступаютъ не такъ: они выдумываютъ оправданіе и такое повидимому правдоподобное что самъ обвинитель вполнѣ довѣряетъ ему. „Извѣстно — продолжаетъ Громницкій — что изобрѣтательность, находчивость, изощренность ума есть преимущество человѣка цивилизованнаго предъ человѣкомъ простымъ, грубымъ. Когда человѣкъ простой вздумаетъ поживиться на счетъ имущества ближняго, тогда онъ прибѣгаетъ къ самому простому средству: либо ломаетъ замокъ, либо выходитъ на дорогу и открытою силою душитъ своего ближняго или отнимаетъ его собственность. Поймаютъ его—онъ просто раскрываетъ свое преступленіе или отнѣкивается. Цивилизованный человѣкъ поступаетъ иначе: когда ему вздумается поживиться на счетъ ближняго тогда онъ замѣняетъ простую кражу болѣе или менѣе тонкимъ мошенничествомъ, а открытый грабежъ и разбой у него выходитъ дѣяніемъ съ такимъ характеромъ, что съ перваго раза можно придти въ недоумѣніе: кто тутъ виноватъ грабитель или ограбленный. На то онъ и цивилизованный человѣкъ“. — Конечно корысти никоимъ образомъ нельзя отрицать въ дѣяніи подсудимыхъ.....

что преступленіе совершено при такихъ обстоятельствахъ, при коихъ Гольдсмиту по неволѣ пришлось повиноваться не столько физическому насилію, сколько психическому принужденію въ виду угрозъ, что будутъ оглашены такіе факты изъ его поведенія, которые могутъ повредить ему. „Дѣло не въ томъ — говоритъ товарищъ прокурора, чтобъ отнять отъ Гольдсмита все то что можно было отнять, а чтобы наказать за ту вину, въ которой онъ провинился предъ Бостремами.

И такъ товарищъ прокурора началъ съ обвиненія, основаннаго на сознаніи, послѣдующими соображеніями о *безкорыстныхъ мотивахъ преступленія* самъ опровергъ собственные свои доводы.

Это произошло, какъ намъ кажется, отъ того, что обвинитель, увлекшись показаніями подсудимыхъ и ихъ женъ, принялъ ихъ за несомнѣнные факты, неподвергъ ихъ достаточной критикѣ и тѣмъ самымъ подорвалъ собственныя свои соображенія.

Но такъ какъ насиліе и взятіе съ помощью этого насилія долговыхъ документовъ были доказаны; показанія-же женъ вызывали нѣкоторое сомнѣніе, нѣчто недосказанное въ этомъ процессѣ, на что указывалъ и самъ обвинитель въ своей рѣчи, тяготѣло надъ его мыслью; наконецъ эта неразъясненная цѣль взятія долговыхъ документовъ все это въ совокупности было причиною тѣхъ колебаній тѣхъ противорѣчій, *) которыя такъ рѣзко бросаются въ глаза въ рѣчи товарища прокурора и которыя привели его въ концѣ рѣчи къ выводу противоположному тому положенію, которое высказалъ онъ въ началѣ обвинительной рѣчи.

Что касается до рѣчи гражданскаго истца Громницкаго мы ранѣе замѣтили, что рѣчь его скорѣе представляетъ критическія замѣтки на рѣчь товарища прокурора нежели подробный, самостоятельный анализъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Затѣмъ какъ намъ показалось рѣчь его не была проникнута силою убѣжденія. Высказавъ твердыя положенія въ своей рѣчи о взятіи Бостремами долговыхъ документовъ съ корыстною цѣлью съ Гольдсмита и вѣроятныя предложенія объ ограбленіи у него 2000 руб; — г. Громницкій не развилъ ихъ, какъ бы слѣдовало.

---

*) Хотѣлось-бы отказаться отъ обвиненія, но сознаніе о насиліи на лицо. Отсюда диллемма.

Затѣмъ послѣ рѣчей защитниковъ, произнесенныхъ съ заранѣе обдуманною тенденціозностью и пафосомъ (рѣчь Высоцкаго) г. Громницкій вмѣсто того чтобы ослабить одностороннее впечатлѣніе хода преній на умъ присяжныхъ рѣчами прокурора и защиты, къ нашему удивленію отказался даже отъ возраженій на защительныя рѣчи и тѣмъ самымъ заранѣе подсказалъ присяжнымъ оправдательной приговоръ.

Вершиною заключительныхъ преній сторонъ представляется рѣчь защитника Плевако.

Оставляя въ сторонѣ соображенія защиты относительно ограбленія у Гольдсмита 2000 р. такъ какъ эта часть рѣчи не представляетъ никакихъ выдающихся особенностей, тѣмъ болѣе что товарищъ прокурора, какъ мы видѣли, отказался поддерживать обвиненіе въ этой части, а Громницкій началъ свою рѣчь съ заявленія что онъ также не настаиваетъ на отнятіи подсудимыми у Гольдсмита 2000 р., потому что для этаго нѣтъ достаточнаго матеріала, — мы остановимся только на второй части рѣчи защитника, именно на его соображеніяхъ о взятіи у Гольдсмита векселя и росписки.

Если товарищъ прокурора, въ своей рѣчи, на сомнительныхъ данныхъ о мотивахъ вымогательства векселя и росписки, пришелъ не къ твердому выводу о виновности подсудимыхъ, то защитникъ Плевако на тѣхъ-же данныхъ построилъ оправдательную рѣчь, въ которую онъ вложилъ, какъ въ началѣ заявилъ, все свое душевное и сердечное расположеніе къ подсудимымъ, хотя и былъ защитникомъ по назначенію отъ суда.

Разберемъ эту рѣчь въ нѣкоторыхъ частяхъ.

Оговорка защитника о томъ, что онъ неискалъ гдѣ гл убже гдѣ лучше, гдѣ больше даютъ, сдѣланная имъ въ видахъ пріобрѣтенія довѣрія присяжныхъ, намъ кажется крайне неумѣстной.

Вслѣдствіе этой оговорки оказывается, что защитникъ не назначенный судомъ, а приглашенный самимъ подсудимымъ долженъ будто-бы говорить не то, что хочетъ его сердце: сердце у него въ разладѣ съ умомъ и т д. *) Но правда-ли это? Возмемъ

*) Кстати не можемъ незамѣтить, что хотя Плевако и заявляетъ, что онъ назначенъ защитникомъ отъ суда, что онъ *безкорыстный* защитникъ, но сколькомы слышали назначеніе его защитникомъ сдѣлано безъ соблюденія строгой очереди, долженствующей быть въ отношеніи назначенія защитниковъ, со стороны суда, по *очереди*. Былъ назначенъ — говорили — защитникомъ отъ суда

напр. въ этомъ-же дѣлѣ Громницкаго, приглашеннаго Гольдсмитомъ для защиты его интересовъ. Всякій согласится въ искренности и добросовѣстности его доводовъ, никто не заподозритъ, чтобы онъ говорилъ не то что хочетъ его сердце и т. д. Да неужели г. Плевако, самъ вѣроятно неразъ защищавшій не по назначенію отъ суда, лицемѣрилъ, обманывалъ совѣсть подъ часъ простыхъ и безхитростныхъ присяжныхъ засѣдателей, говорилъ не то, что чувствовало сердце?... Если г. Плевако употребилъ эту оговорку въ началѣ рѣчи, какъ фразу, которою хотѣлъ подорвать довѣріе присяжныхъ къ своимъ противникамъ, то неужели защитникъ отъ суда съ полнымъ достоинствомъ можетъ употреблять подобныя средства для пріобрѣтенія довѣрія въ глазахъ присяжныхъ? Мы не хотимъ вѣрить этому! мы думаемъ, что подобный пріемъ защиты не соотвѣтствуетъ высокой цѣли правосудія и тѣмъ средствамъ которыми должно достигаться правосудіе. Наконецъ это не соотвѣтствуетъ тому положенію, ради котораго установлена защита: говорить на судѣ только правду.

Обратимся-же къ внутренней правдѣ выражаясь слогомъ защиты—его рѣчи. Защитникъ просилъ присяжныхъ дать ему довѣріе столько, сколько будетъ заслуживать внутренняя правда его словъ. Вчитайтесь въ рѣчь защитника. Сколько въ ней противорѣчій. Защитникъ находитъ что, подсудимые люди нравственные, ибо имѣя возможность запускать руки въ чужой карманъ, не дѣлаютъ этого. Здѣсь невольно приходитъ на память то неразъясненное въ дѣлѣ обстоятельство, о которомъ такъ много и настойчиво говорили подсудимые и ихъ жены, упоминала про-

---

Прис. Пов. Рихтеръ, который отказался защищать бр. Бостремъ. Затѣмъ строгая очереди требовала назначенія слѣдующаго за Рихтеромъ присяж. повѣр. по алфавиту на букву *Р.* или слѣдующія буквы, но почему-то для бр. Бостремъ такая очередь не была соблюдена! при этомъ не можемъ не выразить желанія, чтобы назначеніе судомъ защитниковъ производилось по правиламъ строгой очереди, тогда бы не могло возникать сомнѣнія относительно какого либо личнаго интереса защитника въ процессѣ, а равно и толковъ по поводу такихъ экстраординарныхъ назначеній. Строгая очередь въ назначеніи защитниковъ на нашъ взглядъ можетъ быть достигнута единственно тѣмъ, что таковое назначеніе тамъ гдѣ изъ присяжныхъ повѣренныхъ образовался уже совѣтъ должно идти отъ этаго совѣта, у котораго на лице списокъ всѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ и который конечно лучше всего можетъ соблюдать строгую очередь въ интересахъ всѣхъ своихъ сотоварищей по профессіи.

куратура, строила свои соображенія защита,—это какія-то, будто-бы, компрометирующія обстоятельства г. Гольдсмита, о которыхъ знаютъ Бостремы, но молчатъ, ибо выговорили за это молчаніе плату въ видѣ взятія 22 Ноября съ Гольдсмита векселя и росписки. Неприходило-ли это обстоятельство на мысль г. Плевако, когда онъ указывалъ на нравственность подсудимыхъ? Какъ согласить нравственность съ купленнымъ молчаніемъ? Далѣе защитникъ называетъ Бостремовъ дальнѣйшими нарушителями чужой собственности. Какъ согласить нравственность съ нарушеніемъ, хотя бы и наивнымъ, чужой собственности. Да такъ-ли? дѣйствительно-ли наивны подсудимые. Ужъ не въ слѣдствіе-ли наивности они молчали на судѣ? Компрометирующія обстоятельства, которыя будто-бы касаются одного Гольдсмита, неприкасались-ли и къ нимъ? Не объясняется-ли это молчаніе не платой, а наивностью? Какъ найти тутъ внутреннюю правду? Идемъ далѣе. Защитникъ говоритъ, что обязательства взятыя Бостремами появились не вслѣдствіе угрозъ, вымогательствъ, а какъ плата Гольдсмитомъ Бостремамъ, чтобы они не обращались къ законной власти и не оглашали о Гольдсмитѣ какихъ-то компрометирующихъ обстоятельствъ. Но какъже согласить предшествующія слова съ этими словами защиты: „есть пословица, что извѣстныхъ людей можно доѣхать не дубьемъ, а рублемъ". И дѣйствительно, въ нашъ XIX вѣкъ меркантильныхъ интересовъ рублемъ можно задѣть всякаго за живое. Почему-же не наказать рублемъ человѣка. Не вызываютъ ли эти слова мысли о томъ, что бр. Бостремы, прежде нежели приступили къ отмщенію за нарушеніе семейнаго счастія, имѣли въ виду отомстить и побоями и рублемъ. Защитникъ говоритъ, что намѣреніе наказать и рублемъ явилось уже путемъ соглашенія послѣ нанесенія побоевъ; но этотъ выводъ онъ строитъ исключительно на показаніяхъ самихъ бр. Бостремъ. Не приходила-ли мысль защитнику о томъ, что добровольное взаимное соглашеніе о выдачѣ обязательствъ послѣ нанесенія побоевъ какъ то дико звучитъ и мыслимо-ли оно въ виду взаимнаго раздраженія и гнѣва обѣихъ сторонъ? Но допустимъ, что эта плата, вытекшая изъ взаимнаго добровольнаго соглашенія, то безкорыстна-ли она, какъ доказываетъ защитникъ? Если только у Бостремовъ была какая нибудь цѣль хотя-бы и отдаленная, во взятіи этихъ документовъ, съ цѣлью впослѣдствіи предъявить ихъ ко взысканію, то какъ согласить эту личную цѣль съ понятіемъ безкорыстія. Припомнимъ разно-

рѣчивыя показанія подсудимыхъ о цѣли, съ которой взяты обязательства, то для обезпеченія ребенка, то какъ плата за молчаніе, наконецъ—по объясненію защитника—какъ месть и въ чемъ же собственно искать здѣсь внутренней правды.

Наконецъ, эта небывалая теорія *о безкорыстныхъ* обязательствахъ, гдѣ обязательство служить средствомъ только для другой болѣе отдаленной цѣли, а не съ цѣлью во чтобы то ни стало получить деньги по этимъ безкорыстнымъ обязательствамъ и въ тоже время соображенія о томъ, что если Бостремы и взяли съ Гольдсмита вексель и росписку не съ корыстною цѣлью, а съ цѣлью отмстить за нанесенное безчестье; пріобрѣли документы путемъ добровольнаго соглашенія, то не приняла-ли здѣсь месть форму чрезвычайно нелѣпую, отталкивающую? Дѣйствительно скверно—восклицаетъ защита—безчестье оцѣнивать на деньги!

Но пощадите г. защитникъ здравый общественный смыслъ! Къ чему-же здѣсь оцѣнка безчестья за деньги, когда нѣсколько строчекъ выше вы сами изволили заявить, что существуютъ обязательства съ болѣе отдаленной цѣлью,—обязательства безкорыстныя, каковыя и взяли Бостремы съ Гольдсмита. Или и здѣсь Вы держитесь той внутренней правды, которую взяли исходной точкой Вашей защитительной рѣчи..

Но да мимо идутъ эти противорѣчивыя соображенія.

Не съ цѣлью критики коснулись мы нѣкоторыхъ частей рѣчи защиты. Мы желали только указать на то, что какъ опасно иногда строить свои соображенія не на фактахъ несомнѣнныхъ, а на показаніяхъ недостовѣрныхъ или на измышленіяхъ собственнаго изобрѣтенія; защита прежде всего должна быть справедлива. Но намъ могутъ замѣтить, что защита достигла своей цѣли. Присяжные вынесли безусловно оправдательный приговоръ: братья Бостремъ путемъ гласнаго суда очистились предъ лицомъ общества отъ обвиненія ихъ въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи. Чего-же вы болѣе хотите? говорили намъ.

Но, да позволено будетъ усумниться въ этомъ:! Присяжные оправдали подсудимыхъ почему? Согласились-ли они съ доводами защиты, *что въ дѣяніяхъ подсудимыхъ нѣтъ ничего преступнаго*; развѣ только самоуправство; что братья Бостремы, узнавъ, что въ ихъ домъ, подъ видомъ друга, вошелъ обольститель и если противъ этаго обольстителя они приняли мѣры, которыя немного не сошлись съ требованіями закона, то такого рода люди

заслуживаютъ той доли вниманія и участія какого заслуживаетъ человѣкъ когда онъ въ бѣдствіи справляется противъ своихъ враговъ; или присяжные вынесли оправдательный приговоръ въ виду суровости закона *) карающаго за тѣ дѣянія, въ которыхъ обвинялись подсудимые. Мы думаемъ что присяжные руководствовались, вынося оправдательный приговоръ, послѣдними соображеніями. Они оправдали подсудимымъ потому, что наказаніе, грозившее за ихъ дѣяніе, было несоразмѣрно ихъ винѣ. Но въ такомъ случаѣ присяжные стоятъ выше закона, они милуютъ. Но помилованіе принадлежитъ только верховной власти говорятъ противники института присяжныхъ засѣдателей.

Но такой взглядъ, господствующій въ нѣкоторой части нашего общества и даже проявляющійся къ сожалѣнію въ прессѣ, по поводу оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ **), едвали справедливъ. Институтъ присяжныхъ есть прежде всего проводникъ общественнаго сознанія. Какъ скоро общество въ лицѣ своихъ представителей, присяжныхъ засѣдателей, рядомъ оправдательныхъ приговоровъ, не смотря на наличность уликъ, выскажется по нѣкоторымъ дѣламъ оправдательными приговорами, и покажетъ тѣмъ, что суровость закона, карающая за извѣстныя преступныя дѣянія, не соотвѣтствуетъ дѣйствительной злой воли, проявляющейся въ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ, то и законодательство, волей неволею, смягчитъ степень наказанія за такія преступныя дѣянія. ***) Если-бы наказанія за дѣянія подсу-

*) Каторжныя работы.

**) См. передовыя статьи Москов. Вѣдомостей за прошлый годъ.

***) Извѣстно изъ собранныхъ уже статистическихъ данныхъ, что присяжные постоянно выносятъ оправдательные приговоры для лицъ обвиняемыхъ въ нарушеніи паспортной системы, равно въ большинствѣ случаевъ, на дѣтоубійцъ присяжные также смотрятъ крайне снисходительно и только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ выносятъ обвинительные приговоры. Вотъ еще оправдательный приговоръ по обвиненію въ педерастіи съ женщиной. Предъ присяжными обвинялся господинъ въ томъ, что онъ имѣлъ съ женщинами противоестественныя связи. Одну изъ такихъ женщинъ вольнаго обращенія онъ даже заразилъ дурною болѣзнію. Всѣ улики были на лице; подсудимый сознался, что онъ дѣйствительно имѣлъ противоестественное совокупленіе съ потерпѣвшей женщиной и тѣмъ не менѣе присяжные оправдали подсудимаго. Многіе доискивались разумной стороны въ приговорѣ присяжныхъ, и вотъ какой отвѣтъ, хотя и циническій, получили отъ присяжнаго засѣдателя, отвѣтъ въ которомъ проводится мысль о борьбѣ общественнаго сознанія съ суровостью наказанія, да неужели за ж..у—прости господи—ссылать въ каторгу.... процессъ слушался, если не измѣняетъ память, въ твер. окр. судѣ.

димыхъ Бостремовъ было бы не такъ сурово, какъ установило наше законодательство то мы думаемъ, что присяжные во всякомъ случаѣ обвинили-бы братьевъ Бостремъ въ томъ, что вынудили Гольдсмита побоями дать имъ денежныя обязательства, не смотря даже на нѣкоторую односторонность въ веденіи этаго процесса со стороны прокуратуры и защиты и того неблагопріятнаго впечатлѣнія, которое оказало на публику и вѣроятно на присяжныхъ цвѣтистый разсказъ потерпѣвшаго г. Гольдсмита.

Когда уже оконченъ былъ настоящей отчетъ по процессу братьевъ Бостремъ, появилось письмо г. Гольдсмита въ Рус. Вѣд., въ которомъ онъ путемъ гласнаго протеста апеллируетъ противъ фальшиваго освѣщенія обстоятельствъ дѣла, такъ и извращенія его смысла и сущности. Мы печатаемъ его письмо съ цѣлью, что бы и насъ онъ не заподозрилъ въ фальшивомъ освѣщеніи обстоятельствъ дѣла, такъ и въ извращенія смысла и сущности хода процесса, какъ это онъ дѣлаетъ относительно составителей отчетовъ въ *Московскихъ и Русскихъ вѣдомостяхъ и въ Голосѣ,* а равно и для того чтобы дать ему возможность оправдаться предъ общественнымъ мнѣніемъ. Еще мы можемъ добавить за достовѣрное, что г. Гольдсмитъ, согласно его прошенію, уволенъ отъ званія присяжнаго повѣреннаго и самое прошеніе объ увольненія подано имъ въ виду деликатнаго предложенія, сдѣланнаго отъ нѣкоторыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, что ему лучше было-бы сложить съ себя званіе присяжнаго повѣреннаго, тѣмъ болѣе, что судебная трибуна недостаточно его вознаграждала и ей не обязанъ онъ своей карьерой, своимъ достаточнымъ, какъ обнаружилось на судѣ, состояніемъ.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ,* въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и въ *Голосѣ* напечатанъ отчетъ о возбужденномъ мною дѣлѣ по обвиненію братьевъ Бостремъ въ ограбленіи у меня 2000 р. и въ вынужденіи меня побоями дать имъ денежныя обязательства на сумму 6,000 р. Въ совершеніи послѣдняго преступленія подсудимые, какъ извѣстно на судѣ сознались и это сознаніе ихъ подтвердилось судебнымъ слѣдствіемъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, въ газетахъ появился разсказъ о томъ, что на судѣ происходило.

Отчетъ о засѣданіи, доставленный въ газеты, составленъ такъ, что, по прочтеніи его, въ читателѣ остается впечатлѣніе, совершенно обратное тому, какое должно быть естественнымъ послѣдствіемъ обнаруженнаго на судѣ возмутительнаго насилія, совершеннаго двумя людьми надъ безоружнымъ противникомъ, еслибы отчетъ о происходившемъ на судѣ, былъ составленъ безъ задней мысли, руководившей перомъ его составителей. Въ настоящемъ случаѣ, интересы справедливости очевидно уступили мѣсто другимъ побужде-

ніямъ и отчетъ посланный въ печать, оказался составленнымъ такъ, что во всякомъ читателѣ могло сложиться только впечатлѣніе, крайне неблагопріятное для меня, лица, какъ доказано, потерпѣвшаго отъ преступленія, и, напротивъ, совершенно благопріятное для подсудимыхъ, людей изобличенныхъ на судѣ въ преступленіи, которое законъ приравниваетъ къ разбою; по тексту отчета, эти лица являются совершенно свободными отъ всякой тѣни нареканія и даже дѣйствовавшими въ симпатичной роли благородныхъ мстителей за оскорбленіе, нанесенное мною ихъ домашнему очагу.

Такое фальшивое освѣщеніе обстоятельствъ дѣла, такое извращеніе его смысла и сущности, есть, повторяю, дѣло составителей отчета: редакціи газетъ могли напечатать доставленный имъ отчетъ только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ имъ доставленъ

Я преклоняюсь предъ судомъ общественной совѣсти, которая, устами присяжныхъ засѣдателей, признала невиновными людей, совершившихъ надо мною насиліе; я, какъ членъ общества и, въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, какъ членъ судебнаго сословія, не дерзаю возвысить моего голоса въ порицаніе состоявшагося вердикта: братья Бостремъ, путемъ гласнаго суда, очистились передъ лицемъ общества отъ обвиненія ихъ въ тяжкомъ преступленіи; но я, никѣмъ къ суду не привлекавшійся, участвовавшій въ процессѣ какъ свидѣтель и гражданскій истецъ, благодаря не нормальному и прискорбному отношенію къ печатному слову людей, состоящихъ посредниками между печатью и гласнымъ судомъ, также какъ благодаря нѣкоторымъ печальнымъ особенностямъ судебнаго слѣдствія, вышелъ изъ стѣнъ суда безъ вины запятнаннымъ. Войдя въ судъ свидѣтелемъ, я въ стѣнахъ его обратился въ обвиняемаго; прокуроръ изъ обвинителя подсудимыхъ, сдѣлался ихъ защитникомъ, а подсудимые обратились въ свидѣтелей. Представъ передъ судомъ въ качествѣ лица, потерпѣвшаго отъ преступленія, я, подвергнутый всевозможнымъ нравственнымъ истязаніямъ, оставилъ судъ человѣкомъ обвиненнымъ передъ высшимъ для всѣхъ насъ трибуналомъ—передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Безъ вины глубоко оскорбленный, я ставлю себя подъ защиту этого же самаго общественнаго мнѣнія; я обращаюсь къ органамъ его гласности, и во имя драгоцѣннаго для каждаго члена общества права защищать свое доброе имя передъ лицемъ общественнаго мнѣнія, прошу дать мнѣ возможность высказаться. Смѣю думать, что органы гласности не откажутъ мнѣ, какъ члену общества, въ этомъ способѣ законной самозащиты.

Я буду кратокъ насколько возможно.

Отчетъ появился одновременно въ трехъ газетахъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* и въ *Голосѣ*. Въ первыхъ двухъ изданіяхъ, составитель стенографическаго отчета счелъ возможнымъ помѣстить пространно обвинительную противу меня рѣчь защитника подсудимыхъ, обвинительную противъ меня же рѣчь прокурора, призваннаго обвинять не меня, а подсудимыхъ привелъ дословно выдержки изъ оскорбительныхъ для меня, по грубой ихъ формѣ, подробностей допроса, обращеннаго ко мнѣ другимъ защитникомъ подсудимыхъ, и напротивъ сократилъ, насколько было возможно, чтобы не утратился общій смыслъ, рѣчь моего повѣреннаго, котораго, благодаря пріемамъ допущеннымъ на судебномъ слѣдствіи, вѣрнѣе назвать моимъ защитникомъ; наконецъ, тщательно передавъ оскорбительныя и ненужныя, въ интересахъ правосудія, выходки, обращенныя противъ меня,

въ видѣ вопросовъ, запальчивымъ товарищемъ г. Плевако по защитѣ, онъ передалъ мои отвѣты ему въ той полусмѣшной, полунаивной формѣ, которая могла только уронить меня во мнѣніи каждаго читателя этого печатнаго сообщенія. Составитель отчета для *Голоса* нашелъ возможнымъ послать въ газету такое изложеніе, въ которомъ вовсе выпустилъ рѣчь моего повѣреннаго, а изъ судебнаго слѣдствія удержалъ лишь тѣ подробности, которыя освѣщали обстоятельства дѣла въ смыслѣ неблагопріятномъ для меня и выгодномъ для подсудимыхъ.

Имѣя въ рукахъ стенографическій записанный отчетъ и поступая такъ, какъ объяснено выше, т.-е. путемъ исключенія изъ отчета моментовъ слѣдствія, разъяснившихъ истинную суть дѣла и посредствомъ сгущенія темныхъ красокъ около моей личности, составители отчета, очевидно, имѣли намѣреніе, и достигли цѣли, представить читающей публикѣ мое отношеніе къ этому дѣлу въ возможно неблагопріятномъ для меня свѣтѣ.

Перехожу къ судебному слѣдствію. Я не буду останавливаться на тѣхъ тривіальныхъ по своей сущности намекахъ, которые позволилъ себѣ, въ отношеніи ко мнѣ, мой товарищъ по адвокатурѣ, г. Плевако. Присяжному повѣренному, который съ адвокатской трибуны провозглашаетъ, какъ собственное *profession de foi*, ту мысль, что „въ нашъ XIX вѣкъ дѣйствительно, можно рублемъ всякаго задѣть за живое“, и который исповѣданіемъ этого принципа возводитъ въ нравственное дѣяніе то, что, по его собственному и справедливому выраженію, „законъ приравниваетъ къ разбою“,—такому присяжному повѣренному можно легко извинить сравнительно гораздо менѣе циническіе комментаріи народной пословицы о кумѣ и кумѣ. Но г. Плевако не одинъ явился моимъ на судѣ обвинителемъ.

Всякій, кто прочелъ „обвинительную“ рѣчь г. прокурора, не могъ не видѣть, что это было не обвиненіе подсудимыхъ, а защита ихъ, построенная въ формѣ обвинительнаго акта противъ меня, лица пострадавшаго отъ преступленія.

Такъ на судѣ вполнѣ выяснилось, и подсудимые сами подтвердили, что побоями они вынудили меня выдать имъ обязательство на сумму 6,000 р. Г. прокуроръ указывалъ присяжнымъ, что эти вексель и росписка, которые были подсудимыми заранѣе заготовлены и которые я подписывалъ окровавленными руками, сидя въ запертой комнатѣ, съ глазу на глазъ съ двумя противниками, были ничто иное, какъ только особая форма мщенія, придуманная людьми, которымъ я нанесъ оскорбленіе. На судѣ выяснилось, что подсудимые имѣли намѣреніе представить взятый у меня силою вексель въ 5,000 р. ко взысканію на другой же день послѣ происшествія. Г. прокуроръ объяснилъ присяжнымъ, что цѣль подсудимыхъ была безкорыстная, хотя судебное слѣдствіе вовсе не обнаружило того, чтобы подсудимые, взявъ съ меня вексель, и предполагая представить его на другой день ко взысканію, имѣли намѣреніе обратить полученныя деньги на дѣла благотворенія, или на осуществленіе какихъ-нибудь другихъ безкорыстныхъ цѣлей.

Предсѣдательствующимъ въ судѣ былъ допущенъ къ дачѣ показаній такой свидѣтель, который не имѣя ничего сказать по дѣлу, составлявшему предметъ судебнаго слѣдствія, сообщалъ, въ назиданіе присяжнымъ, и, главное, для любопытства присутствовавшей публики, свѣдѣнія объ относящихся ко мнѣ „темныхъ слухахъ“ по поводу обстоятельствъ, совершенно посторонних раз-

сматривавшемуся дѣлу, слухахъ, которые, при всей „темнотѣ“ ихъ смысла и значенія, производили однако же на присяжныхъ и на публику весьма опредѣленное впечатлѣніе, а главное, давали возможность, путемъ печати, бросить грязью въ мое доброе имя и нанести мнѣ незаслуженное и тяжкое оскорбленіе.

Сообщеніе „темныхъ“ и постороннихъ дѣлу слуховъ не должно было имѣть мѣста на судѣ, особенно когда эти слухи, ничѣмъ неподтвержденные, никѣмъ не разъясненные и высказанные безъ малѣйшей надобности для интересовъ правосудія, могли имѣть только одно значеніе,—значеніе безнаказаннаго, подъ покровомъ судебной власти, опозоренія человѣка, единственная вина котораго состояла въ томъ, что избитый, ограбленный и пришедшій въ судъ искать защиты, онъ былъ отданъ на публичное поруганіе и подвергнутъ нравственнымъ истязаніямъ въ стѣнахъ того учрежденія, въ которомъ должно быть прежде всего мѣсто уваженію и человѣческой личности и огражденію ея отъ голословныхъ обвиненій и оскорбленія чести.

Но кромѣ этого тяжкаго, незаслуженнаго и безъ нужды брошеннаго въ меня оскорбленія, оскорбленія, перешедшаго на страницы журналовъ, съ которыхъ всякіе „темные“ слухи трудно стираются, особенно когда они примѣшаны къ чести и имени женщины, мои оффиціальные и частные противники обвиняли меня еще и въ другомъ нравственномъ проступкѣ, въ циническомъ ухаживаньи за женою одного изъ подсудимыхъ и въ оскорбительныхъ предложеніяхъ, которыя я будто бы ей дѣлалъ.

Я понимаю, что подсудимымъ было необходимо приписать мнѣ эти, или какіе-нибудь, подобные этимъ, поступки—это давало въ ихъ глазахъ нѣкоторое какъ бы извиненіе преступленію, въ которомъ они обвинялись; я понимаю, что женамъ обоихъ подсудимыхъ было естественно поддерживать эти показанія ихъ мужей,—это былъ въ ихъ глазахъ шансъ на то, что возмущенная совѣсть присяжныхъ отпуститъ имъ ихъ грѣхъ; я понимаю наконецъ, что защитники подсудимыхъ силились всѣми мѣрами доказывать то же самое—ихъ интересы тождественны съ интересами обвиняемыхъ; но я отказываюсь понять, почему представитель обвинительной власти, произнося оправдательную рѣчь въ защиту обвиняемыхъ, указывалъ присяжнымъ засѣдателямъ на показанія самихъ обвиняемыхъ и одинаково съ ними заинтересованныхъ лицъ какъ на доказательства въ ихъ же пользу, и, напротивъ, съ особымъ тщаніемъ избѣгалъ ссылки на неблагопріятныя для подсудимыхъ показанія достовѣрныхъ свидѣтелей, не могущихъ быть заподозрѣнными въ пристрастіи ни къ подсудимымъ, ни ко мнѣ. Я отказываюсь понять то, что неблагопріятное для подсудимыхъ показаніе горничной, данное ею черезъ три дня послѣ происшествія, т. е. когда всѣ мельчайшія подробности событія были совершенно свѣжи въ ея памяти, было прокуроромъ опорочено въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей, и, напротивъ, другое ея показаніе о томъ же фактѣ, данное черезъ три мѣсяца послѣ происшествія, но въ смыслѣ благопріятномъ для подсудимыхъ было представлено вниманію присяжныхъ какъ наиболѣе заслуживающее вѣроятія. Я отказываюсь понять, какимъ образомъ свидѣтельства лицъ, заинтересованныхъ въ моемъ обвиненіи, т. е. показанія подсудимыхъ и ихъ женъ, послужили прокуратурѣ главнымъ основаніемъ для обвиненія меня передъ общественнымъ мнѣніемъ въ противонравственномъ поступкѣ, бросающемъ тѣнь на мое доброе имя, и, напротивъ, показанія тѣхъ

же подсудимыхъ и ихъ женъ послужили той же прокуратурѣ главнымъ основаніемъ для оправданія подсудимыхъ, предъ присяжными засѣдателями, въ преступленіи ими совершенномъ.

Повторяю, я преклоняюсь передъ приговоромъ общественной совѣсти, оправдавшей дѣяніе подсудимыхъ—они вышли, изъ суда чистые передъ лицемъ закона и общества; но я, никѣмъ къ суду не привлекавшійся и тѣмъ не менѣе безъ вины осужденный, безъ суда наказанный, оскорбленный въ самыхъ драгоцѣнныхъ для человѣка сторонахъ его нравственной личности, я, передъ лицомъ высшаго для насъ судьи—передъ лицомъ общественнаго мнѣнія, протестую противъ дѣйствій, въ настоящемъ случаѣ, посредниковъ между судомъ и печатью — противъ составителей отчетовъ, также какъ противъ того характера, который былъ сообщенъ судебному засѣданію лицами, принимавшими въ немъ активное участіе.

Я не могу и не желаю, по причинамъ, которыя, вѣроятно, будутъ поняты дѣйствующими лицами этой судейской драмы, протестовать противъ всѣхъ этихъ дѣйствій передъ лицомъ высшаго формальнаго суда; но я обращаюсь къ защитѣ печатнаго слова, и, путемъ гласнаго протеста, апеллирую къ общественному мнѣнію.

Присяжный повѣренный Л. Гольдсмитъ.

Москва.
Февраля 13-го дня.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

1) Признаетъ ли нашъ законъ обязательства о дареніи?

2) Для принятія пожертвованія движимостью въ пользу учрежденія, состоящаго въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства,—требуется ли разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ?

Вопросы не лишенные интереса и научнаго и практическаго. Дареніе, составляя юридическую сдѣлку, по которой одно лице даетъ другому что либо изъ одного благорасположенія, щедрости и безъ всякихъ предшествовавшихъ обязательствъ, сообразно существу своему, по древнеримскому праву, за исключеніемъ случаевъ особаго условія въ формѣ договора, не давало право требованія подаренной вещи. Но этотъ взглядъ при Юстиніанѣ измѣнился. По русскому праву вопросъ о дареніи, какъ обязательствѣ, представляетъ не мало трудностей къ правильному его разрѣшенію. Наша высшая судебная практика (рѣш. Кас. № 843—67 г. и № 397—70 г). его разрѣшаетъ различно. По этому мы и даемъ мѣсто въ Юрид. Вѣстн. сообщенному намъ уважаемымъ нашимъ сочленомъ К. А. Рихтеромъ изъ его практики соображеніямъ, высказаннымъ по дѣлу Игуменьи Митрофаніи съ наслѣдниками Солодовникова. По словамъ К. А. Рихтера, никто безъ сомнѣнія, не станетъ отрицать, что изученіе источниковъ законодательства служитъ важнымъ подспоріемъ для правильнаго разумѣнія положительнаго закона въ тѣхъ случаяхъ, когда его смыслъ возбуждаетъ сомнѣнія. И дѣйствительно въ Полномъ Собраніи законовъ, а также въ разныхъ статьяхъ, раз-

сѣянныхъ по своду дѣйствующихъ законовъ находится богатый матеріалъ для разрѣшенія указанныхъ вопросовъ.

Постараемся, прежде всего, доказать слѣдующій тезисъ:

„*Обязательства, имѣющія своимъ предметомъ пожертвованія, всегда признавались и нынѣ признаются въ законодательствѣ нашемъ дѣйствительными, при чемъ моментъ совершенія дара заключается въ моментѣ выдачи обязательства, передача же вещи составляетъ только его послѣдствіе*".

Древнѣйшія узаконенія имѣютъ слишкомъ общій характеръ, чтобы на нихъ останавливаться. Изъ нихъ видно только, что въ Россіи изстари существовалъ обычай жертвовать какъ деньги, такъ и ненаселенныя и даже населенныя земли въ особенности въ пользу церквей и что подобныя пожертвованія никакимъ ограниченіямъ неподвергались. Начиная съ 1763 года мы находимъ нѣсколько узаконеній, изъ которыхъ видно, что дѣйствительное поступленіе, пожертвованнаго предмета къ одаренному не совпадало съ моментомъ пожертвованія, что допускались извѣстнаго рода записи или обязательства о пожертвованіи и что таковыя признавались обязательными для жертвователей и даже ихъ наслѣдниковъ.

Такъ въ *Высочайше утвержденномъ 1 Сентября 1763 года* проектѣ Генералъ-Поручика Бецкаго объ учрежденіи въ Москвѣ Воспитательнаго дома (Полн. Собр. № 11908) въ § 10 значится: „Если кто изъ дворянства и того достоинства *опредѣлитъ* сему дому отъ 600 рублей и болѣе *ежегоднаго по жизнь свою дохода*, таковый участіе имѣетъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ" и проч.

Очевидно, въ данномъ случаѣ, дѣйствительному поступленію доходовъ въ пользу Воспитательнаго дома долженъ былъ предшествовать извѣстнаго рода актъ, коимъ жертвователь принималъ на себя обязательство ежегодно взносить этотъ доходъ; очевидно также, что жертвователю за учиненіе подобнаго акта не были бы даруемы права присутствованія въ Опекунскомъ Совѣтѣ, если бы подобный актъ его ни къ чему не обязывалъ.

Изъ Именнаго указа, даннаго Правительствующему Сенату *25 Апрѣля 1803 года* (Полн. Собр. № 20727) мы видимъ, что Графъ Шереметевъ, учредя въ Москвѣ странноприимный, его имени, домъ, утвердилъ за нимъ *75,000 рублей ежегоднаго дохода съ его имѣнія*; и въ приложенномъ при всеподданнѣйшемъ представленіи его учрежденіи и штатѣ этого дома (§ XVIII) онъ, желая ознаменовать день открытія этого дома, назначилъ роздать

въ этотъ день 50,000 рублей на милостыни и на всякія дѣла Богоугодныя, обществу полезныя.

„Если же я не доживу до тѣхъ поръ, то наслѣдникъ мой обязанъ въ точности сіе вмѣсто меня исполнить".

Очевидно, что еслибы заявленныя Графомъ Шереметевымъ условія пожертвованія были противны закону, то не послѣдовало бы Высочайшаго разрѣшенія на учрежденіе этого страннопріимнаго дома, а было бы объявлено Графу Шереметеву, чтобы онъ самъ внесъ извѣстный капиталъ, доходы съ котораго и обезпечили бы существованіе этого дома.

Верховная власть однако вѣроятно не нашла ничего незаконнаго въ подобныхъ условіяхъ ибо разрѣшила, безъ всякихъ оговорокъ, учрежденіе этого дома и не слыхать, чтобы кто либо изъ наслѣдниковъ Графа Шереметева, когда либо, отказался отъ принятой имъ на себя обязанности. Въ актѣ утвержденія Императорскаго университета въ Вильнѣ 4 Апрѣля 1803 года (Полн. Собр. № 20701) въ числѣ имуществъ, пріобрѣтаемыхъ университетомъ, по уступкамъ, произвольнымъ даяніямъ и завѣщаніямъ частныхъ людей" значится: „поезуитскія имѣнія, *доходы*, домы земли и другія пріобрѣтенія". Именнымъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 29-го Мая 1804 года: (Полн. Собр. *№ 21310*) повелѣно: „чтобы впредь каждый располагая благопріобрѣтенными имѣніями по произволу, могъ отдавать, дарить и завѣщать ихъ на такихъ условіяхъ образѣ пользованія и управленія ими, какія за благо признаетъ, лишь бы условія сіи общимъ Государственнымъ законамъ не были противны".

Изъ Высочайше утвержденнаго *29 Іюля 1805 года* устава Волынской Гимназіи (Полн. Собр. № 21849) между прочимъ видно, что Гимназія эта образовалась на пожертвованія Волынскаго дворянства, на содержаніе Гимназіи опредѣляется между прочимъ по § 2 „все, что, только можетъ быть принесено впредь гражданами въ пользу сей же Гимназіи, что по § 3 „*всякое* приношеніе отъ гражданъ въ пользу гимназіи должно быть записано въ присутственномъ мѣстѣ *надлежащимъ законнымъ порядкомъ* безъ взиманія въ казну обыкновенныхъ пошлинъ.

Въ § же 4 сказано: „Вклады записанные показаннымъ образомъ въ пользу сей гимназіи, пріобрѣтаютъ такое же свойство и уваженіе, какое имѣютъ прежніе вклады или фундуши, принесенные въ пользу воспитанія юношества.

Слѣдовательно, въ случаѣ неисправнаго *взноса, обезпеченнаго*

записью капитала или процентовъ, должно поступать съ такою же строгостью и такимъ порядкомъ, какъ взыскивается всякая другая недоимка доходовъ эдукаціоннаго фундуша".

Приводя это узаконеніе, я обращаю вниманіе не на привилегію эдукаціоннаго фундуша, состоявшую въ особенномъ порядкѣ и особой строгости взысканія пожертвованныхъ, но въ дѣйствительности невыданныхъ капиталовъ.

Существенно важно то мѣсто приведеннаго узаконенія, которое предписываетъ совершать упоминаемыя записи *надлежащимъ законнымъ порядкомъ въ присутственномъ мѣстѣ*, при соблюденіи каковаго порядка и вкладомъ волынской гимназіи присвоивались права фундушей. И такъ изъ этого узаконенія видно, что законодательство наше вообще признавало записи, коими извѣстное лице принимало на себя обязанность внести извѣстный капиталъ или вносить проценты,—дѣйствительными и что существовалъ даже извѣстный законный порядокъ, которымъ присутственныя мѣста руководствовались при совершеніи подобныхъ записей.

Въ предварительномъ положеніи о земскихъ повинностяхъ *2 мая 1805 года* (Полн. Собр. № 21737) въ Отд. VI § 43 п. 2 и 3 между прочимъ постановлено, что къ добровольнымъ дворянскимъ складкамъ неотносятся „частныя пожертвованія отъ одного или многихъ частныхъ лицъ на пользу общую приносимыя". „Неразумѣются также здѣсь приношенія, дѣлаемыя дворянствомъ по подпискѣ, открываемой на предметы общеполезные, безъ всякой общей и опредѣленной раскладки. Приношенія сіи, завися отъ личнаго каждаго произвола, *нетребуютъ въ составѣ ихъ никакихъ правилъ*, кромѣ наблюденія, чтобы предметъ ихъ не былъ противенъ общимъ постановленіямъ".

Вслѣдствіе возникшаго по поводу исполненія этого закона недоразумѣнія, послѣдовалъ *14 Іюня 1816 года* Именной указъ Правительствующему Сенату (Полн. Собр. № 26316 въ 5 §§ котораго значится: „*выполненіе* добровольныхъ складокъ и пожертвованій *обращать* на тѣхъ единственно, кто изъявилъ на то волю въ губерніи собственною подпискою или данною отъ себя довѣренностью. Узаконеніе это показываетъ, что, правительство признавало обязательнымъ для дарителя простую подписку о пожертвованіи и на таковыхъ обращало *выполненіе* даннаго ими обязательства.

Наконецъ, чтобы кончить съ этимъ вопросомъ я укажу еще

на Высочайше утвержденное *2 Марта 1834 года* положеніе для Управленія Суздальскимъ Блохинскимъ Богадѣленнымъ домомъ (Полн. Собр. № 6871). По § 19. Думѣ не только невозбраняется принимать приношенія въ пользу Богадѣленнаго дома, *какого бы рода они не были*, только бы не противныя государственнымъ законамъ; но она еще обязана съ своей стороны употреблять дѣятельныя мѣры для пріобрѣтенія большихъ средствъ къ улучшенію и распространенію ввѣреннаго ей заведенія.

§ 35 Дума можетъ дозволить, еслибы кто пожелалъ помѣщать въ сіе заведеніе пансіонеровъ *со взносомъ или ежегодно надлежащей платы*, или единовременно такой суммы, съ которой бы ежегодные проценты равнялись таковой платѣ.

§ 36. „Сіи благотворители именуются, первый *вѣчнымъ* а второй *временнымъ* благотворителями сего заведенія".

Подобные ежегодные взносы благотворителей, именуемыхъ вѣчными—ничто иное какъ дѣйствительное выполненіе дара, состоявшагося и потому обязательнаго для дарителя съ момента принятія имъ на себя обязанности дѣлать подобные ежегодные взносы.

Примѣры разныхъ видовъ пожертвованія движимости, въ которыхъ самый даръ предшествуетъ дѣйствительному поступленію даримаго предмета къ одаренному лицу и даже примѣры письменныхъ обязательствъ, имѣющихъ своимъ предметомъ пожертвованіе, мы можемъ найти и въ разныхъ томахъ дѣйствующаго свода законовъ ст. 472-476 устава и учр. о Общ. Призр. т. XIII св. зак. опредѣляютъ порядокъ, какимъ благотворители принимаютъ на себя обязанность устроить судьбу принимаемыхъ ими на свое попеченіе сиротъ. При этомъ отъ нихъ берется росписка, *„долженствующая заключать и обязательство въ отношеніи устроенія участи сироты."*

По достиженіи сиротою совершеннолѣтія благотворитель долженъ еще представить свидѣтельство или указать на чемъ можно основаться въ дѣйствительномъ исполненіи имъ принятой на себя обязанности. Ст. 854 т. XI уст. дух. дѣлъ иностр. исповѣд. говоритъ о *дарственныхъ записяхъ* на суммы.

Наконецъ по 32 ст. XIV т. уст. о содерж. подъ стражей, попечительное о тюрьмахъ общество состоитъ а) изъ президента и б) изъ членовъ обоего пола, *обязывающихся по подпискѣ* на ежегодныя приношенія для подкрѣпленія дѣйствій Общества на пользу заключенныхъ; и в) изъ благотворителей, дѣлающихъ

единовременныя пожертвованія. По ст. 84 сего же устава въ распоряженіе Попечительныхъ о Тюрьмахъ Комитетовъ и Отдѣленій поступаютъ слѣдующія *суммы* и в) пожертвованія деньгами и имуществомъ по духовнымъ завѣщаніямъ или другимъ *актамъ*, въ законномъ порядкѣ составленнымъ а равно суммы по искамъ, взысканіе конхъ благотворителями предоставляется Комитету.

Приведенными мною узаконеніями мнѣ кажется вполнѣ доказываетъ несостоятельность мнѣнія будтобы дареніе или пожертвованіе совершается лишь съ момента дѣйствительнаго поступленія подаренной вещи къ одаренному лицу. Смыслъ 993 ст. 1 ч. X т. становится совершенно яснымъ. Въ статьѣ этой сказано: «*передача подареннаго* а не даримаго) движимаго имущества, совершается врученіемъ даримой вещи тому, кому она назначается и поступленіемъ въ его распоряженіе. «Замѣчательная аналогія этой статьи со ст. 1510 того же тома, въ которой почти буквально повторяется тоже правило относительно *проданнаго* движимаго имущества, къ передачѣ котораго продавецъ принуждается на основаніи 1513 ст. является аналогіею не случайною, а показываетъ, что законодатель руководствовался въ обоихъ случаяхъ однимъ и тѣмъ же взглядомъ. Какъ передача *проданнаго* движимаго имущества не есть самая продажа, а лишь ея послѣдствіе — исполненія договора купли—продажи, такъ по точному смыслу 993 ст. не *даръ*, а *передача подареннаго* движимаго имущества совершается врученіемъ вещи одаренному лицу, другими словами дѣйствительная передача подареннаго есть только *исполненіе* предшествовавшаго дара.

Затѣмъ право требовать передачи подареннаго по обязательству, но въ дѣйствительности невыданнаго имущества вытекаетъ изъ общихъ законовъ о договорахъ и вполнѣ оправдывается приведенными мною спеціальными законоположеніями. Право это несомнѣнно, какъ то и было признано кассаціонною практикою сената.

Перехожу къ другому вопросу. Толкованіе 981 статьи 1 ч. X т. состоящее въ томъ что всѣ духовныя заведенія, и въ томъ числѣ подчиненныя епархіальному начальству православнаго исповѣданія должны испрашивать разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ для принятія пожертвованія движимостью, даже, на поверхностный взглядъ представляется страннымъ. Необъяснимо въ такомъ случаѣ: 1) почему принятіе пожертвованной

движимости разрѣшается не прямымъ начальствомъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ представленія о принятіи недвижимаго имущества восходятъ по начальству чрезъ св. Синодъ на Высочайшее усмотрѣніе? и 2) почему въ 981 ст. говорится «въ пользу *разныхъ* духовныхъ и свѣтскихъ заведеній, если законъ имѣетъ въ виду всѣ?

Приступая къ разрѣшенію этого вопроса я ставлю слѣдующіе два тезиса:

1) ограниченіе пожертвованій приносимыхъ въ пользу епархіальнаго вѣдомства изложено въ 984 ст. 1 ч. X. т. и заключается единственно въ воспрещеніи принятія безъ Высочайшаго соизволенія однихъ только недвижимыхъ имѣній при чемъ принятіе движимости безъ какого бы то ни было разрѣшенія не только не воспрещено, но прямо дозволено.»

2) «Подъ духовными и свѣтскими заведеніями, упоминаемыми въ 981 ст. 1 ч. X. т. разумѣются во первыхъ не всѣ духовныя заведенія, а лишь одни духовныя заведенія иностранныхъ исповѣданій, какъ подвѣдомственныя министерству внутреннихъ дѣлъ и во вторыхъ не всѣ свѣтскія заведенія.

Изъ именнаго указа 26 Іюня 1868 года (Полн. Собр. № 23122), видно что вотчины церквей монастырей и архіерейскихъ домовъ были отобраны въ казну въ 1764 году. *Изъ указа Сената 26-го Февраля 1786 года* (Полн. Собр. № 16333) видно что Архіепископу Могилевскому римскихъ церквей отказано было въ принятіи пожертвованія домовъ для пребыванія ксендзовъ и монастыря. Въ указѣ этомъ приведены слѣдующія соображенія: «тѣмъ паче, что предписанное статутовое правило и въ малой Россіи, по присоединеніи оной къ Россіи, вовсе отмѣнено съ такимъ установленіемъ, *кто похочетъ въ монастыри и церкви вкладъ дать тѣбъ давали деньгами.*» Указъ этотъ оканчивается словами. «О семъ къ нему, и для вѣдома и чтобъ никакихъ на недвижимыя имѣнія, если бы кто оныя къ монастырямъ, церквамъ и духовнаго званія людямъ отдать хотѣлъ, крѣпостей писано и совершенно не было въ Могилевское и Полоцкое Намѣстническія Правленія послать указы.» *Изъ именнаго указа*, объявленнаго министромъ юстиціи Правительствующему Сенату *29 Мая 1810 года* (Полн. Собр. № 24246) видно, что вслѣдствіе возникшаго въ 1805 году сомнѣнія Новгородской гражданской Палаты о совершеніи купчей въ пользу монастыря Высочайше разрѣшено было, не отмѣняя запрещенія представлять всякій разъ

на Высочайшее усмотрѣніе о пріобрѣтеніи недвижимаго имѣнія въ пользу монастыря «посредствомъ чего частныя только исключенія дѣланы быть могутъ въ общемъ законѣ и всегда можно будетъ удовлетворить желаніямъ монастырей, соотвѣтственно подлиннымъ ихъ надобностямъ.»

Высочайше утвержденнымъ *4 Января 1819 года* (Полн. Собр. № 27622) положеніемъ комитета Министровъ подтверждено было воспрещеніе совершать крѣпостные акты не только въ пользу монастырей, но и церквей безъ предварительнаго Высочайшаго разрѣшенія.

Изъ Сунодскаго указа, состоявшагося по Высочайшему повелѣнію *13 Февраля 1821 года* (Полн. Собр. № 4348) видно, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Сунодальнаго Оберъ-Прокурора по поводу завѣщанія въ пользу одного монастыря недвижимаго имѣнія, собственноручною резолюціею повелѣть соизволилъ: «впредь всегда представлять планы даруемымъ мѣстамъ или домамъ.» Наконецъ Сенатскимъ указомъ по Высочайшему повелѣнію состоявшимся 1 Апрѣля 1840 года (Полн. Собр. № 13326) постановлено: «хотя завѣщать ненаселенныя недвижимыя имѣнія монастырямъ и церквамъ невоспрещено, но таковыя имѣнія утверждать за ними въ собственность не иначе, какъ по испрошеніи на то чрезъ Св. Сунодъ Высочайшаго соизволенія. «Изъ этихъ источниковъ и возникла 984 ст. 1 ч. X. т. являясь прямымъ послѣдствіемъ самаго отобранія у духовнаго вѣдомства вотчинъ и взгляда Правительства о неудобствахъ сопряженныхъ съ владѣніемъ духовными учрежденіями недвижимыми имѣніями. Статья эта почти въ тѣхъ же выраженіяхъ повторяется и въ *Высочайше утвержденномъ 7 Марта 1841 года* уставѣ духовной консисторіи (Полн. Собр. № 14409) относительно духовенства въ § 112, монастырей въ § 132 и церквей въ § 145.

Съ другой стороны, не имѣя ни цѣли, ни повода воспрещать пріобрѣтеніе движимости, правительство не только никогда нестѣсняло духовныя учрежденія никакими репрессивными мѣрами относительно пріобрѣтенія жертвуемаго движимаго имущества, но и само тому содѣйствовало. Это видно изъ приведеннаго уже мною указа 1786 года. Для принятія подобныхъ пожертвованій ничьего разрѣшенія не испрашивались. Случаи доведенія до Высочайшаго свѣдѣнія о пожертвованіяхъ должны быть отнесены ко времени послѣ 1808 года. Это видно изъ именнаго

указа 17 Апрѣля 1808 года (Полн. Собр, № 22971) послѣдовавшаго по всеподданнѣйшему докладу св. Сунода по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся церковныхъ старостъ. Докладъ Сунода оканчивается слѣдующими словами: «въ заключеніе сего Сунодъ осмѣливается испросить Высочайшее Ваше соизволеніе на донесеніе Вашему Императорскому Величеству о благотворительныхъ пожертвованіяхъ и приношеніяхъ какія на пользу церкви будутъ дѣлаемы.» Подобныя донесенія, имѣющія цѣлью обратить Монаршее вниманіе на жертвователей не имѣютъ однако ничего общаго съ испрошеніемъ Высочайшаго разрѣшенія на принятіе пожертвованія.

Въ дѣйствующемъ *уставѣ духовныхъ консисторій* рядомъ съ вышеприведенными мною §§. мы находимъ § 141 въ которомъ говорится: «все имущество церквей, состоитъ ли оно въ недвижимомъ имѣніи вообще или въ капиталѣ должно быть подробно извѣстно епархіальному начальству.» По этому вѣроятно и возникъ слѣдующій 142 §. въ которомъ сказано «о всякомъ пожертвованіи въ пользу церкви и на постоянное содержаніе причта, составляющемъ не менѣе 100 рублей натурою или цѣнностью причетъ съ церковнымъ старостою доносятъ епархіальному начальству, которое о всѣхъ подобныхъ пожертвеваніяхъ въ епархіи доноситъ Св. Суноду къ 1 числамъ Января, Мая и Сентября.

Очевидно, что здѣсь говорится только о донесеніяхъ къ свѣдѣнію и въ извѣстные сроки; то есть послѣ уже принятія пожертвованія и притомъ о донесеніяхъ по начальству; объ испрашиваніи же разрѣшенія на принятіе пожертвованій у кого бы то нибыло, а тѣмъ менѣе у министра внутреннихъ дѣлъ и рѣчи нѣтъ. *Въ т. IX зак. о сост.* мы находимъ три статьи 298, 304 и 309, соотвѣтствующія статьѣ 984 I ч. X т. и въ отдѣлѣ о правахъ и преимуществахъ монастырей, арх. домовъ и церквей, никакихъ постановленій опредѣляющихъ какой нибудь особый порядокъ принятія пожертвованій движимостью мы не находимъ. Обстоятельство это чрезвычайно важно и нельзя не признать, что противно сему выводимое изъ 981 ст. ограниченіе права епархіальнаго вѣдомства, если бы оно дѣйствительно существовало, было бы непремѣнно изложено въ ряду тѣхъ узаконеній, коими опредѣляется вся совокупность политическихъ и гражданскихъ правъ и обязанностей этого вѣдомства.

Теперь обращусь къ источникамъ изъ которыхъ возникла 981 ст.

Первоначально права приказовъ общественныхъ призрѣній, завѣдовавшихъ, какъ извѣстно, богоугодными заведеніями, не были подвергнуты относительно права ихъ принимать пожертвованія никакимъ стѣсненіямъ. Это видно изъ учрежденія для управленія губерній Всероссійскихъ *7 Ноября 1775 г.* (Полн. Собр. № 14392) гдѣ въ ст. 382 сказано:

„Дозволяется приказамъ общественнаго призрѣнія умножить сей капиталъ какъ частью процентныхъ денегъ, такъ и принятіемъ отъ доброхотныхъ людей къ благимъ установленіямъ добровольнаго подаянія, что кому разсудится, и для котораго установленія кто заблагоразсудитъ назначить, то такъ и употреблять.“ Именнымъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату *10 Марта 1802 г.* (Полн. Собр. № 20176 постановлено: п. 2. О всѣхъ подаяніяхъ отъ благотворительности частныхъ лицъ въ приказы вступающихъ, каждый разъ доносить Намъ, дабы извѣстны и замѣтны Намъ были имена сихъ лицъ, таковымъ употребленіемъ избытковъ своихъ дѣлающихъ честь человѣчеству и успѣхамъ просвѣщенія.

Послѣ этого стали поступать неоднократно всеподданѣйшія представленія о разныхъ пожертвованіяхъ съ цѣлью исходатайствованія для жертвователей, часто людей замаранныхъ преступленіями, Высочайшихъ наградъ.

Съ тѣхъ поръ начинается рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ подобныхъ пожертвованій; такъ:

Именнымъ указомъ 30 сентября 1810 г. (Полн. Собр. № 24362), объявленнымъ гражданскимъ губернаторамъ министромъ внутреннихъ дѣлъ предписано было доводить до Высочайшаго свѣдѣнія только о важныхъ пожертвованіяхъ.

Именнымъ указомъ, *4 Января 1816 г.* объявленнымъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта комитету министровъ (Полн. Собр. № 26061) предписано было нетолько не представлять людей порочныхъ къ наградамъ за пожертвованія, но и пожертвованій отъ нихъ не принимать.

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ *2 Мая 1817 г.* (Полн. Собр. № 26828) поручено было начальникамъ губерній отклонять пожертвованія для войскъ. Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ *20 Ноября 1820 г.* (Полн. Собр. № 28465) предписано не принимать по

военному вѣдомству никакихъ пожертвованій на то, на что ассигнованы деньги.

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ *6 Іюня 1822 г.* (Полн. Собр. № 29062) постановлено: „чтобы на будущее время небыли принимаемы мѣстными начальствами, безъ дозволенія высшаго правительства никакія пожертвованія на тѣ предметы, исправленіе коихъ непосредственно относится до Правительства.

Въ именномъ указѣ, данномъ министру внутреннихъ дѣлъ *3 Мая 1829 г.* (Полн. Собр. № 2857) въ числѣ дѣлъ, которыя должны поступать на Высочайшее усмотрѣніе чрезъ комитетъ министровъ значатся:

въ § 21. Дозволенія принятія пособій въ пользу общественнаго призрѣнія отъ обществъ и разныхъ сословій.

§ 23. Предписываетъ о всѣхъ пожертвованіяхъ свыше 5000 р. доносить отдѣльно а о прочихъ чрезъ полгода.

и § 32. Дозволяетъ принятіе отъ частныхъ лицъ пожертвованіе домами подъ казенныя помѣщенія.

Высочайше утвержденнымъ *3 Іюня 1837 г.* общимъ наказомъ гражданскимъ губернаторамъ (Полн. Собр. № 10303) и § 97 дозволено было принятіе, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ въ пользу казны или на общественное употребленіе зданій. Статья 982 I ч. X т. есть ничто иное, какъ буквальное повтореніе этого законоположенія,

Наконецъ именнымъ указомъ *4 Іюня 1857 г.*, объявленнымъ всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями предсѣдателемъ комитета министровъ (Полн. Собр. № 31919) предоставлено министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями разрѣшать собственною властью разныя дѣла. Въ числѣ такихъ по министерству внутреннихъ дѣлъ подъ литерою *е* значится: „о принятіи въ пользу общественнаго призрѣнія пособій отъ обществъ и сословій и *завѣщаемыхъ или даримыхъ въ пользу разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ заведеній капиталовъ* и вещей на всякую сумму, съ тѣмъ, чтобы о пожертвованіяхъ свыше 10,000 руб. было каждый разъ отдѣльно доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, о прочихъ же чрезъ каждые полгода.

Статья 981 I ч. X т. есть ничто иное какъ почти буквальное повтореніе этого законоположенія.

Самая исторія развитія этого законоположенія, всякое отсутствіе участія въ ономъ представителей духовнаго вѣдомства и

исключительное участіе министерства внутреннихъ дѣлъ въ выдачѣ указанныхъ разрѣшеній показываетъ, что подъ словами: *разныя духовныя и свѣтскія заведенія* слѣдуетъ разумѣть лишь тѣ, которыя состоятъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; а такихъ мы находимъ въ дѣйствительности двѣ категоріи:

1) Подвѣдомственныя бывшимъ приказамъ общественнаго призрѣнія, такъ какъ послѣдніе въ свою очередь были подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ и

2) Духовныя заведенія иностранныхъ исповѣданій, которыя точно также подчинены министерству внутреннихъ дѣлъ.

Ближайшее разсмотрѣніе законовъ, изложенныхъ въ т. XI и XIII св. зак. вполнѣ подтверждаетъ правильность этого положенія.

Изъ т. XIII св. учр. и уст. о общественномъ призрѣніи мы видимъ изъ ст. 19, 48, 64, 65, 69, 70 и 279 что приказы общественнаго призрѣнія, подчиненые министерству внутреннихъ дѣлъ принимаютъ всякія пожертвованія, какъ непосредственно, такъ и для подвѣдомственныхъ имъ богоугодныхъ заведеній, имущество которыхъ считается принадлежностью приказовъ.

Ст. 298 и 299 запрещаютъ принимать пожертвованія отъ людей порочныхъ; а 300 ст. гласитъ: всякій разъ, прежде принятія пожертвованія, приказъ представляетъ министерству внутреннихъ дѣлъ, съ приложеніемъ соотвѣтственнаго означенному правилу свѣдѣнія о лицѣ, дѣлающемъ пожертвованіе и на принятіе онаго ожидаетъ разрѣшеніе. Узаконеніе это ничто иное какъ вышеприведенный мною указъ *4 Января 1816 г.*

Ст. 302 гласитъ „разрѣшеніе на принятіе въ пользу общественнаго призрѣнія пособій отъ обществъ и разныхъ сословій, равно какъ пожертвованій частныхъ лицъ дается министромъ внутреннихъ дѣлъ а въ ст. 311 сказано: „о всѣхъ пожертвованіяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ доводитъ до Высочайшаго свѣдѣнія, представляя о превышающихъ 10,000 рублей серебромъ каждый разъ отдѣльно, а о прочихъ чрезъ каждые полгода.“ Обѣ же статьи ничто иное, какъ неполное изложеніе 981 ст. I ч. X т. дополненіе же относительно духовныхъ заведеній мы находимъ въ т. XI кн. I о управленіи духовныхъ дѣлъ христіанъ Римско-Католическаго исповѣданія въ приложеніи къ 115 ст., въ которой говорится:

„Пріемъ завѣщанныхъ и даримыхъ капиталовъ и вещей въ пользу *духовныхъ заведеній* (безъ слова *разныхъ*) разрѣшается

министромъ внутреннихъ дѣлъ на всякую сумму. Онъ о пожертвованныхъ свыше десяти тысячъ рублей каждый разъ отдѣльно доводитъ до Высочайшаго свѣдѣнія, а о прочихъ чрезъ каждые полгода."

609 ст. кн. II того же тома установляетъ сходный порядокъ и для принятія даримыхъ или завѣщаемыхъ Евангелическо-Лютеранскимъ церквамъ суммъ, ссылаясь въ текстѣ на примѣчаніе къ 115 ст. Изъ этихъ статей съ прибавкою слово „разныхъ" образовалась статья 981 I ч. X т. Почему въ эту статью вкралось слово „разныхъ" объяснить не трудно. Въ то время, какъ для заведеній, подвѣдомственныхъ приказу общественнаго призрѣнія и для духовныхъ заведеній иностранныхъ исповѣданій установленъ былъ особый порядокъ принятія пожертвованій, остались внѣ дѣйствія 981 ст. 1) не только заведенія, подвѣдомственныя епархіальному начальству, для которыхъ, какъ мною уже было объяснено, никакого разрѣшенія для принятія жертвуемой движимости не требуется, но вообще *всѣ заведенія неподвѣдомственныя министерству внутреннихъ дѣлъ* и 2) даже *нѣкоторыя подвѣдомственныя министерству внутреннихъ дѣлъ учрежденія.*

Къ числу относящихся къ первой категоріи могу указать въ видѣ примѣра:

1) На императорское человѣколюбивое общество (ст. 1541—1545 съ прил. XIII т. II кн.), которое принимаетъ пожертвованія чрезъ свой совѣтъ, ни отъ кого разрѣшенія не испрашиваетъ, а только, по истеченіи каждаго года, представляетъ на Высочайшее усмотрѣніе отчетъ и списокъ благотворителей; 2) на учебныя заведенія вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи (Высоч. утвержд. уставъ 30 августа 1855 года) и 3) на попечительства для призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія православнаго исповѣданія, которыя, находясь на основаніи 1561 ст. XIII т. кн. II подъ наблюденіемъ епархіальныхъ архіереевъ, принимаютъ по 1573 и 1580 ст., того же тома пожертвованія, не испрашивая ничьего разрѣшенія.

Ко второй категоріи напримѣръ относится попечительный совѣтъ заведеній общественнаго призрѣнія въ Вильнѣ, не подчиненный приказу общественнаго призрѣнія, но особо завѣдываемый министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, который принимаетъ пожертвованія безъ испрошенія на то особаго разрѣшенія (ст. 1372, 1481 и 1499—1504 т. XIII кн. II).

Такимъ образомъ понятно почему законодатель употребилъ въ 981 ст. I ч. X т. слово „разныхъ." Точныя указанія, какія именно изъ свѣтскихъ и духовныхъ заведеній должны испрашивать для принятія пожертвованій движимостью разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ и какія не должны, мы нашли въ указанныхъ мною законахъ. Они приводятъ насъ къ положительному убѣжденію, что духовныя заведенія православнаго исповѣданія остались, въ числѣ многихъ другихъ заведеній, внѣ дѣйствія 981 ст. I ч. X т. Наконецъ, что дѣлъ о пожертвованіяхъ въ пользу духовныхъ заведеній православнаго исповѣданія и быть не можетъ въ производствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, это видно изъ самаго учрежденія этого министерства (1 т. св. зак.) Очевидно что дѣла о пожертвованіи въ пользу духовныхъ учрежденій иностранныхъ исповѣданій производятся въ департаментѣ того же названія и что въ этомъ департаментѣ не можетъ быть дѣлъ православнаго исповѣданія (ст. 1217—1220). Затѣмъ въ числѣ дѣлъ: а) департамента полиціи исполнительной значатся по ст. 1206 п. 5 о добровольныхъ приношеніяхъ на военныя надобности и б) департамента хозяйственнаго значатся по ст. 1213 п. 6 о добровольныхъ приношеніяхъ на общеполезныя заведенія и объ употребленіи получаемыхъ чрезъ сіе суммъ; п. 10 о завѣщаніяхъ въ пользу богоугодныхъ заведеній; п. 11 о фундушахъ на богоугодныя заведенія. Другихъ дѣлъ о пожертвованіяхъ не значится, а о пожертвованіяхъ въ пользу духовныхъ заведеній православнаго исповѣданія и помина нѣтъ.

II.

549 и 928 Ст. Уст. Угол. Суд,

Эйга Клячкина и мужъ ея, рядовой дѣйствительной службы, Насонъ Клячкинъ опредѣленіемъ Судебной палаты были преданы суду Окружнаго Суда по 1489 и 1492 ст. улож. По суду Эйга Клячкина оправдана, а Насонъ Клячкинъ признанъ виновнымъ. Вслѣдствіе жалобы послѣдняго касс. сенатъ, по неправильной постановкѣ вопроса, отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, предписавъ суду разсмотрѣть дѣло въ другомъ отдѣленіи. Въ виду того, что Эйга Клячкина оправдана и приговоръ о ней вошелъ въ законную силу и что, за тѣмъ, вслѣдствіе указа сената, разсмотрѣнію подлежитъ лишь дѣло о рядовомъ дѣйствительной службы Насонѣ Клячкинѣ, съ одной стороны представлялось, что при такомъ положеніи дѣла уничтожилась причина (1236 ст. Уст. Уг. Суд.), по которой Клячкинъ былъ преданъ суду Окружнаго Суда, что составляетъ новое, небывшее въ виду судебной палаты, обстоятельство, измѣняющее подсудность дѣла (219 ст. Уст. Уг. Суд.) и что, засимъ, дѣло должно быть, въ установленномъ 549 ст. Уст. Уг. Суд. порядкѣ, представлено въ судебную палату, для передачи въ судъ военный. Съ другой стороны измѣненіе въ настоящемъ случаѣ подсудности дѣла представлялось не согласнымъ съ требованіями 928 и 549 ст. Уст. Уг. Суд. На основ. 928 ст. (к. р. 67 г. № 249, 71—450.) дѣло, по которому приговоръ ототмѣненъ въ кассаціонномъ порядкѣ обращается въ судъ, для новаго производства только съ того дѣйствія, которое послужило поводомъ кассаціи, всѣ же предшествовавшія дѣйствія сохраняютъ силу. По роду признаннаго нарушенія по дѣлу Клячъ-

кина, дѣйствія суда должны быть возобновлены съ открытія засѣданія суда и, слѣдовательно преданіе суду и приготовительныя къ суду дѣйствія исполненныя при первомъ производствѣ должны сохранять силу. Примѣненіе 549 ст. въ настоящемъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста такъ какъ указъ касс. сената о новомъ разсмотрѣніи дѣла въ томъ же судѣ обязателенъ для суда (929 и 930 ст.), какъ и постановленіе судебной палаты о преданіи суду (549); вошедшій-же въ силу оправдательный приговоръ о соучастникѣ Клячкина былъ въ виду сената, и потому не долженъ считаться «новымъ» обстоятельствомъ, по которому можетъ быть измѣнена подсудность.

По мнѣнію большинства дѣло было представлено по 549 ст. въ судебную палату, для передачи въ судъ военный. Судебною палатою (московскою) дѣло признано подлежащимъ разсмотрѣнію Окружнаго Суда, по тѣмъ же въ существѣ основаніямъ, какія приведены къ тому выше.

III.

(997 ст. Улож.)

Подсудимый Костеринъ 17-ти лѣтъ, рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что 17-го Октября 71 г. имѣлъ половое совокупленіе съ коровою. Защитникъ ходатайствовалъ признать подсудимаго оправданнымъ, такъ какъ примѣчаніе къ подсудимому указанной въ обвинительномъ актѣ 997 ст. Улож. было бы не согласно съ точнымъ разумомъ этого закона. Законъ (997 ст.) подвергаетъ наказанію виновнаго въ *порокѣ* скотоложства, подсудимый же признанъ виновнымъ въ единичномъ безнравственномъ дѣйствіи, а не въ порокѣ, предполагающемъ наклонность къ извѣстнымъ безнравственнымъ дѣйствіямъ, по которой эти дѣйствія входятъ въ привычку. Судомъ Костеринъ былъ приговоренъ по 997 ст. Улож. къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. По жалобѣ защитника подсудимаго, въ которой было приведено указанное выше соображеніе, примѣненіе судомъ 997 ст. Уг. Кас. Департаментомъ признано правильнымъ. Въ указѣ сената по этому дѣлу. изложено *): принимая во вниманіе, что

*) Рѣшеніе Сената еще не напечатано.

слово« порокъ», означая не исключительно только наклонность къ дурному, обратившемуся въ привычку, какъ полагаетъ защитникъ подсудимаго Костерина, но и вообще предосудительный поступокъ (словарь Импер. Акад. Наукъ, изд. 2 т. III ст. 791.) употреблено въ ст. 997 Ул. въ семъ послѣднемъ значеніи, какъ это видно изъ проекта Улож. 1845 г. въ которомъ объяснено, что постановленіе, изложенное нынѣ въ означенной 997 ст. основано на прежде дѣйствовавшей ст. 791 св. зак. Угол. изд. 1842 г., а по точному смыслу сей статьи уличенный и въ единичномъ случаѣ скотоложства подвергался наказанію опредѣленному за это преступленіе. Правительствующій Сенатъ признаетъ вышеобъясненный предметъ жалобы защитника Костерина не имѣющимъ законнаго основанія.

Какъ видно изъ приведенной выписки изъ указа, Кас. Департаментъ допускаетъ, что постановленіе 997 статьи уложенія, въ настоящей ея редакціи, моглобы быть понимаемо и въ значеніи какое придаетъ ей защитникъ Костерина. Такое истолкованіе, по объясненію сената, не можетъ быть принято по соображеніи съ постановленіемъ прежде дѣйствовавшимъ, съ точнымъ смысломъ 791 ст. Св. Зак. Уг. Изд. 1842 г., на которой основана ст. 997 Улож.—Именно это сопоставленіе 997 ст. Уложенія съ законами прежде дѣйствовавшими и служило однимъ изъ сильныхъ доводовъ въ пользу высказаннаго защитникомъ Костерина мнѣнія о значеніи постановленія 997 ст. (п 995). Текстъ 791 ст. Св. Зак. Уг. 1842 г. *уличенные въ скотоложствѣ* подлежатъ.... Такъ же ясны поэтому предмету и постановленія, послужившія источниками 791 ст.: въ Воин. арт.—„ежели смѣшается человѣкъ со скотомъ и безумною тварію и учинитъ сквернность“... (165 ар.),—в ь Морск. уставѣ“: кто со скотомъ падется“.... (118) Въ уложеніи о наказ. приведенное вполнѣ ясное и точное, постановленіе 791 ст. Зак. Уг. 1842 г. замѣнено нынѣ дѣйствующею 997 ст.: „Изобличенные въ противоестественномъ *порокѣ* скотоложства подвергаются“.... Если принять, что 997 ст. содержитъ въ себѣ постановленіе тождественное съ ст. 791 изд. 1842 г., то должно признать, что въ измѣненіи редакціи постановленія 1842 г. не только не было никакой надобности, но и что измѣненіе было сдѣлано въ ущербъ точности и ясности постановленія. Доказывается это уже тѣмъ, что сенатъ нашелъ необходимымъ, оставивъ прямой смыслъ выраженій 997 статьи, о содержаніи ея заключать по смыслу узаконенія прежде дѣйство-

вавшаго и измѣненнаго уложеніемъ. Объясненіе перемѣны въ изложеніи закона случайностью настолько же убѣдительно, какъ и объясненіе тою же случайностью отсутствія указаній въ проэктѣ уложенія на основанія принятыхъ къ сдѣланному измѣненію въ постановленіи. Составители уложенія имѣли въ виду чрезмѣрную строгость наказанія, опредѣленнаго въ прежнихъ законахъ назначеннаго по уложенію (лишеніе всѣхъ правъ и ссылка въ Сибирь на поселеніе) за проступокъ безнравственный, но не нарушающій чужихъ правъ, и возможно заключать, что съ измѣненіемъ постановленія составители уложенія старались ограничить дѣйствіе суроваго закона, допустивъ примѣненіе его только къ лицамъ окончательно погрязшимъ въ безнравственности, укоренившимъ въ себѣ наклонность къ безнравственнымъ дѣйствіямъ извѣстнаго рода. Въ виду составителей уложенія было и то, что въ нашей судебной практикѣ давно признано назначеніе тяжкихъ наказаній за такіе поступки несоотвѣтствующимъ винѣ. Въ 1785 году въ докладѣ по дѣлу крестьянина Бенце Каспара, приговореннаго за скотоложство къ высѣченію по тремъ воскреснымъ днямъ 10-ю парами прутьевъ, къ церковному покаянію и къ публичнымъ работамъ на годъ, сенатъ находилъ, что „въ разсужденіи молодыхъ лѣтъ Каспара онъ столь жестокаго наказанія не заслуживаетъ, а подлежитъ только предварительно наставленію въ Христіанскомъ законѣ и церковному покаянію". Въ 1786 году Рижское намѣстническое правленіе и Палаты о томъ же предметѣ представляли сенату: „сей родъ прерѣшенія чинится не изъ злости, или какого либо „вреднаго и умышленнаго стремленія на безопасность человѣ„ческаго общества, но единственно изъ крайнаго и грубаго не„вѣжества: то таковые злосчастные люди, казалось-бы и недол„жны нести такое же тяжкое наказаніе, каковому подлежатъ „должны умышленные убійцы, разбойники и другіе преступники, „нарушающіе злодѣйствомъ своимъ тишину и безопасность сво„ихъ согражданъ и государства".—Сенатъ „по вышензъясненъ„нымъ толь убѣдительнымъ резонамъ, уважая случай, гдѣ чело„вѣчество погруженное въ сущее невѣжество страждетъ един„ственно отъ непреложной строгости прежнихъ наказаній"— ходатайствовалъ предъ Императрицей Екатериной II объ отсылкѣ такихъ дѣлъ въ совѣстный судъ. (П. с. з. 1785 и 1786 №№ 16154 и 16308).

С.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КОММИССІОНЕРА

ТИПОГРАФІИ II ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ,

И. П. АНИСИМОВА.

ВЪ МОСКВѢ, на Никольской улицѣ, въ д. Заиконоспасскаго монастыря.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой.

Спеціальная продажа книгъ законовъ и распоряженій правительства, а равно и всѣхъ прочихъ вновь выходящихъ юридическихъ сочиненій:

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Анненковъ. М. Н. Международный тюремный конгресъ и англійскія тюрьмы. Спб. 1873 г. Ц. 60 к.

Веденѣевъ. А. Сборникъ постановленій о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ. М. 1874 г. Ц. 1 р.

Владимірскій-Будановичъ. М. Христоматія по исторіи русскаго права. Выпускъ второй. Ярославль, 1874 г. Ц. 1 р. 25 к.

Временникъ Демидовскаго Юридическаго лицея. Книга пятая. Ярославль. 1874 г. Ц. 2 р.

Гарнакъ. А. Е. Коммерческій судъ. М. 1874 г. Ц. 3 р.

Головачевъ, А. Вопросы государственнаго хозяйства. Спб. 1873 г. Ц. 1 р.

Граве. Алфавитный указатель приказовъ военнаго Министра и циркуляровъ Главнаго штаба, съ 1го января 1867 года по 1 январ. 1873 года. Казань 1873 Ц. 1 р. 25 к.

Дидрихъ, А. Сборникъ формъ и постановленій для отчетности и письмоводства по медицинской части въ войскахъ. Казань. 1873 г. Ц. 1 р.

Дѣло священника римско-католической церкви Феликса Кормана и мѣщанки Анны Соловьевой. Стенографическій отчетъ. Одеса. 1873 г. Ц. 1 р.

Дѣло Мясниковыхъ и Караганова въ московскомъ окружномъ судѣ. М. 1873 г. Ц. 50 к.

Еремѣева. Земская волость. Кіевъ. 1873 Цѣна 40 к. Его же. Сельскій Кредитъ и землевладѣніе. Кіевъ 25 к.

Законы о судопроизводствѣ и взысканіяхъ гражданскихъ (Св. зак. т. X, ч. 2), дополнены и измѣнены по продолженіямъ 1863, 1868, 1869, 1871 и 1872 гг., и позднѣйшимъ узаконеніямъ. *Изданіе пятое.* Спб. 1874 г. 1 р. 50 к.

Закусовъ. Алфавитный указатель Рѣшеній Уголовнаго Кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената. Архангельскъ 1873. Цѣна 50 к. 1869, 1871 и 1872 гг., и позднѣйшимъ узаконеніямъ. *Изданіе пятое.* Спб. 1874 г. 1 р. 50.

Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Томъ третій, заключающій въ себѣ: 1) Изслѣдованія о процентѣ сосланныхъ въ Сибирь въ періодъ 1827—1846 годовъ. Е. Н. Анучина. 2) Матеріалы для тюремной статистки въ Россіи. В. Н. Юферова. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50.

Ивановъ. В. А. Уставъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ. Спб. 1873 г. Ц. 2 р. 50 к.

Календарь и справочная книга для юристовъ на 1874 годъ. Казань. 1873 г. Ц. 75 к.

Леванда. Полный Хронологическій сборникъ Законовъ и положеній касающихся Евреевъ Спб. 1874 г. Цѣна 4 р.

Луи Бланъ. О разводѣ. Переводъ съ пятаго французскаго изданія М. А. Одесса. 1874 г. Ц. 40 к.

Малининъ М. Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ: 1) въ производствѣ до судебнаго засѣданія. Одесса 1873 г. Ц. 1 р.

Оскорбленіе святыни мѣщаниномъ Ааропомъ Пивоваромъ, Стенографическій отчетъ. Одесса 1873 г. Ц. 50 к.

Отравленіе Жозефины Зброжекъ мужемъ ея Д—ромъ Иваномъ Зброжекъ. Стенографическій отчетъ. Одесса 1873 г. Ц. 75 к.

О церковномъ судопроизводствѣ въ древней Россіи. СПБ. 1874 г. Ц. 75 к.

Правила о постройкахъ въ городахъ и селеніяхъ, Саратовъ, 1873 г. Ц. 75.

Практика С.-Петербургскаго коммерческаго суда за 1872 годъ. Спб. 1873 г. Ц. 75 к.

Предполагаемая реформа церковнаго суда. Два выпуска. Спб. 1873 г. Ц. 3 р.

Салько. Правило о постройкахъ въ городахъ и селеніяхъ Саратовъ. 1873 г. Цѣна 1 р.

Сборникъ правительственныхъ распоряженій по управленію Акцизными сборами выпускъ XIV. Спб. 1874 г. Цѣна 85 к.

Скржечки. Душевныя болѣзни по отношенію къ ученію о вмѣненіи. Спб. 1873 г. Ц. 75 к,

Смирновъ. Философія Беркли историческій и критическій очеркъ. Варшава 1873 г. Цѣна 2 р.

Уставъ о питейномъ сборѣ, дополненный по продолженіямъ 1868, 1869, 1871 и 1872 годовъ и позднѣйшимъ узаконеніямъ, съ разъясненіями по рѣшеніямъ кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената и циркулярамъ министерства финансовъ. Изданіе четвертое. Спб. 1874 г. Ц. 2 р.

Уставъ о воинской повинности, Высочайше утвержденный 1 января 1874 г. Спб. 1874 года Ц. 20 коп.

Цитовича. Лекціи по торговому Праву 4 выпуск. Одесса 1873 г. Цѣна 3 р. 50. к.

О церковномъ судопроизводствѣ въ арміи Россіи. СПБ. 1874 г. II. 75 к.

Правила о постройкахъ въ городахъ и селеніяхъ. Сводъ. 1873 г. II. 75.

Правила С.-Петербургскаго коммерческаго суда на 1872 годъ. Спб. 1873 г. II. 75 к.

Предполагаемая реформа церковнаго суда. Два изслѣд. Спб. 1873 г. II. 3 р.

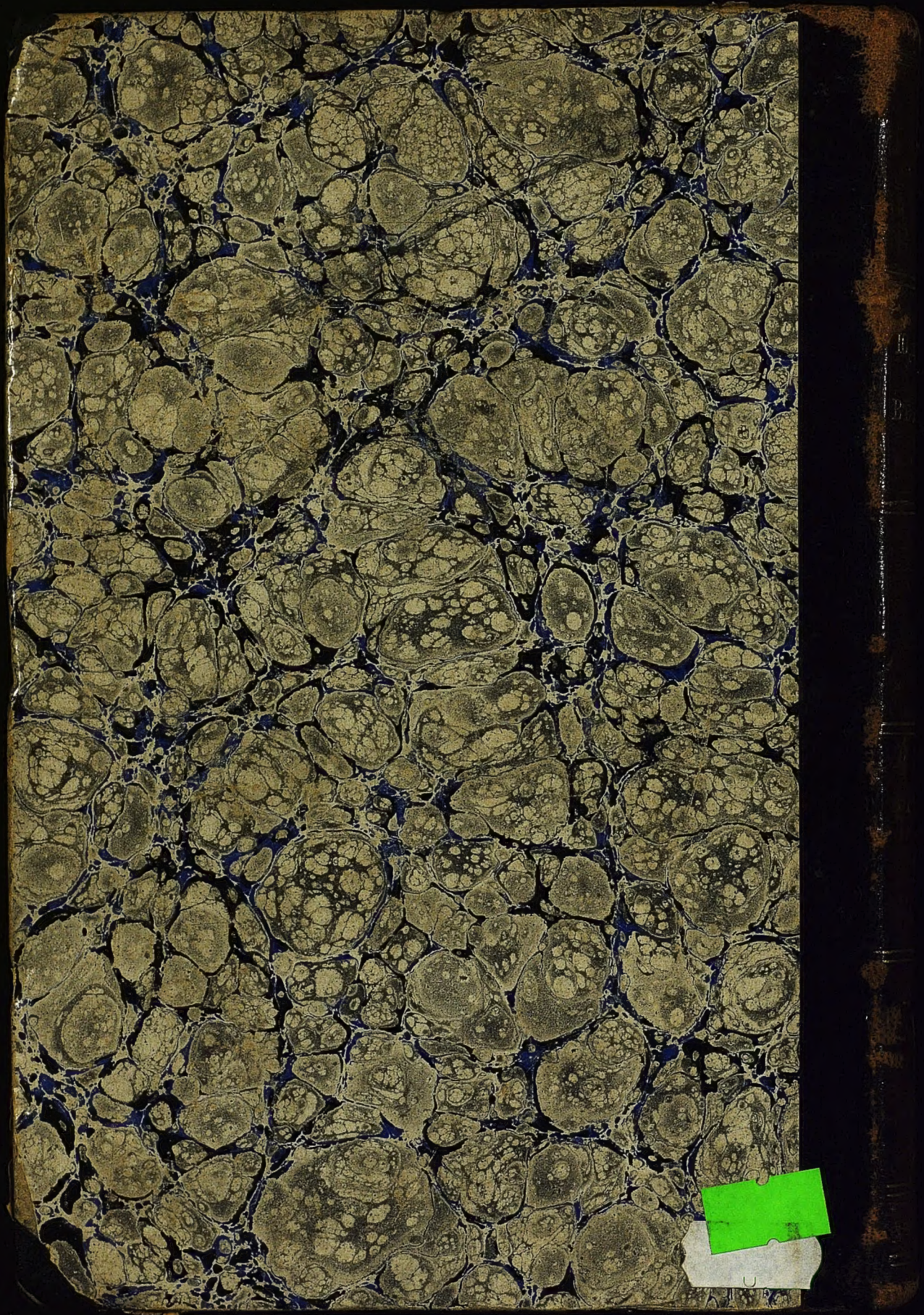
Сахаро. Правило о постройкахъ въ городахъ и селеніяхъ. Сводъ. 1873 г. Цѣна 1 р.

Сборникъ правительственныхъ распоряженій по управленію Кавказскимъ краемъ. XIV. Спб. 1874 г. Цѣна 85 к.

Сержеми. Дѣятельность должна по отношенію къ ученію о вѣчности. Спб. 1873 г. II. 75 к.

Смирновъ. Философія. Берлинъ. Исторія. и критическій очеркъ. Варшава 1873 г. Цѣна 2 р.

Уставъ о питейномъ сборѣ. Дополненія по продолженіямъ 1868, 1869, 1871 и 1872 годовъ, и позднѣйшимъ указаніямъ, съ разъясненіями по рѣшеніямъ высшихъ департаментовъ Правительствующаго сената и циркулярамъ министерства финансовъ. Изданіе четвертое. Спб. 1874 г. II. 2 р.

Уставъ о конской повинности. Высочайше утвержденный 1 января 1874 г. Спб. 1874 года II. 20 коп.

Цатонка. Ученіе по торговому праву. 1 выпускъ. Одесса 1873 г. Цѣна 3 р. 50 к.